

ДЖЕК ВЭНС

ДЕРДЕЙН

КНИГА III

АСУТРЫ

Русский перевод
Александра Фета

ДЖЕК ВЭНС

ДЕРДЕЙН

КНИГА III

АСУТРЫ

Русский перевод
Александра Фета

АСУТРЫ

The Asutra

Copyright © 1973 by Jack Vance

Translation copyright © 2014 by Alexander Fehlt

Published by agreement with the author
and the author's agents, The Lotts Agency, Ltd.

Переводчик выражает благодарность Джеку Вэнсу (автору), Игорю Борисенко, Инне
Ослон и многим другим за полезные пояснения, замечания и советы.

Language: Russian

Cover photo: *Lake Bele, Khakassia* by William Sokolenko © 2006

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or
mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval
system, without permission in writing from the Publisher.

Printed in the United States of America by CreateSpace and Fehlt, Inc.

ISBN-13: 978-1499300949

ISBN-10: 1499300948

Глава 1

Рогушкоев и их хозяев, асутр, изгнали из Шанта. Поредевшие банды, изнуренные вылазками Бравой Вольницы и обескровленные налетами Эскадрильи, отступили на юг через Большую Соленую топь в Паласедру. Там, в унылой и бесплодной высокогорной долине, остатки меднокожей орды были уничтожены. Выжила только горстка атаманов, спасшихся на достопримечательном ржаво-бронзовом космическом корабле. Так закончилось странное вторжение в Шант.

Какое-то время победа радовала Гастеля Этцвейна. Скоро, однако, им овладело раздраженное томление — он замкнулся в себе. Этцвейн испытывал непреодолимое отвращение к ежедневным обязанностям, к общественной деятельности как таковой. То обстоятельство, что ему долго удавалось успешно выполнять совершенно чуждые ему функции, приводило его в замешательство. Вернувшись в Гарвий, он исключил себя из числа патрициев Пурпурной палаты с почти оскорбительной поспешностью. Гастель Этцвейн снова стал музыкантом, не больше и не меньше. Он тут же воспрянул духом и почувствовал себя самым собой — свободным человеком. Окрыленное состояние продолжалось два дня и кончилось разочаровывающим вопросом: «Что дальше?» Вопрос напрашивался, ответ заставлял себя ждать.

Туманным осенним утром размытые диски трех солнц лениво плавали в молочно-белом, розовом и голубом ореоле. Этцвейн шел по проспекту Галиаса. Липколисты почти прикасались к голове обмякшими влажно-сиреневыми, уже сероватыми лентами, поодаль медленно струилась к озеру Суалле излучина реки Джардин. На проспекте Галиаса, как всегда, толпились прохожие, не обращавшие внимания на еще моло-

дого человека, недавно державшего в руках жизнь и смерть каждого из них. Будучи всемогущим Аноме, Этцвейн вынужден был держаться незаметно. В любом случае он не бросался в глаза — двигался сдержанно, будто неохотно, говорил невыразительно, почти не жестикулировал и в целом производил впечатление мрачноватого субъекта старше своих лет. Глядя в зеркало, Этцвейн часто дивился явному несоответствию угрюмого, даже чуть зловещего отражения его внутреннему существу — одолеваемый сомнениями и лихорадочными мечтами, он метался от одной безрассудной идеи к другой, чрезмерно подверженный чарам красоты, воспаленный щемящей тоской о недостижимом. Таким, с изрядной долей насмешки, представлял себя Этцвейн. Только музыка сводила воедино и утоляла его несуразные и несообразные стремления.

Что дальше?

На первый взгляд ответом служило давно принятое решение. Он собирался снова присоединиться к оркестру маэстро Фролитца, «Розово-черно-лазурно-глубокозеленой банде». Тем не менее, он не ощущал уверенности в правильности такого намерения. Этцвейн остановился на набережной, провожая глазами опавшие ленты липколистиков, змейками плывущие вниз по реке. Старая музыка казалась далеким отзвуком в уме, ветром юности, освежавшим только память.

Отвернувшись от реки, Этцвейн продолжил путь и скоро оказался у трехэтажного строения из черного и серо-зеленого стекла с огромными, нависшими над тротуаром малиновыми линзами в стенах — у гостиницы «Фонтеней», сразу напомнившей Этцвейну о землянине, корреспонденте Исторического института по имени Ифнесс Иллинет.

После уничтожения рогушкочей Ифнесс и Этцвейн вместе пересекли Шант в гондоле воздушной дороги, возвращаясь в Гарвий. Ифнесс вез с собой склянку с асутрой, извлеченной из тела атамана рогушкочей. Существо это напоминало большое насекомое длиной примерно двадцать, толщиной десять сантиметров — невообразимый гибрид клеща, тарантула, грецкого ореха и чего-то еще, вызывавшего смутные неприятные воспоминания. Каждая из восьми ног, поддерживавших

продолговатое туловище, заканчивалась тремя чувствительными жесткими щупиками. На одном конце торса выступы лиловато-бурого хитина защищали органы зрения — три маслянисто-черных шарика в неглубоких впадинах, окаймленных щетиной. Под глазами подрагивали мелкие членистые жвала, тесно окружавшие узкое ротовое отверстие. Соскучившись в пути, Ифнесс время от времени пощелкивал по склянке, на что асутра отвечала едва заметным движением глазных бусинок. Пристальный взгляд насекомого нервировал Этцвейна. Где-то внутри блестящего коричневого тела скрывался чуткий, сложный аппарат, способный к рациональному мышлению или некоему эквивалентному процессу — аппарат, питавший к нему, Этцвейну, ненависть или аналогичное угрожающее чувство.

Ифнесс отказывался судить об эмоциональном состоянии асутры: «Догадки бесполезны. Известные факты не позволяют делать определенные выводы».

«Асутры пытались уничтожить Шант! — заявил Этцвейн. — Разве этого недостаточно, чтобы сделать выводы?»

Не отрывая глаз от дымчато-сиреневых далей кантона Теней, Ифнесс только пожал плечами. Подгоняемые порывистым попутным ветром, они летели под парусом на север, стараясь не замечать рывков и бортовой качки. Ветровой вез важных пассажиров и посему делал все возможное, чтобы побудить «Консейль», скрипучую капризную гондолу, тряхнуть стариной и проявить несвойственную ей прыть.

Этцвейн поставил вопрос по-другому: «Вы изучали асутру, поселившуюся в теле Саджарано Сершана. Что вам удалось выяснить?»

Ифнесс Иллинет отвечал размеренно и бесстрастно: «Метаболизм асутры необычен, его подробный анализ выходит за рамки моей компетенции. Учитывая недоразвитость питательного аппарата, можно предположить, что асутры — природные паразиты. Они не проявляют никакой склонности к общению или пользуются способом связи, не поддающимся обнаружению с помощью человеческих органов чувств. Асутры охотно пользуются бумагой и карандашом — быстро чертят геометрические фигуры, иногда исключительно сложной

структуры, но ничего, по-видимому, не сообщающие. Они нередко демонстрируют изобретательность, но их подход к решению задач можно назвать терпеливым и методичным».

«Откуда вы это знаете?» — поинтересовался Этцвейн.

«Я проводил эксперименты. Закономерности поведения можно наблюдать, создавая достаточно мощные стимулы».

«Что стимулирует асутру?»

«Возможность — хотя бы иллюзорная — совершить побег. Стремление избежать неприятных ощущений».

Чувствуя легкое отвращение, Этцвейн поразмышлял некоторое время и снова спросил: «Что вы собираетесь делать теперь? Вернетесь на Землю?»

Ифнесс Иллинет поднял глаза к лиловому небу, будто сверяясь с неким заоблачным справочником: «Надеюсь продолжить исследования. Мне нечего терять, но я могу приобрести существенное влияние. Несомненно, мне предстоит столкнуться с сопротивлением руководства института. В частности, препятствия будет чинить Дасконетта, большинством голосов возглавляющий факультет стратегической разведки. Он ни к чему уже не стремится, но может многое потерять».

«Любопытно! — подумал Этцвейн. — Вот как делаются дела на Земле». От корреспондентов Исторического института требовалось строгое соблюдение дисциплинарных правил, запрещавших любое вмешательство в дела исследуемого мира. Этцвейн знал об Ифнесе, о его работе, о его целях и проблемах только то, что можно было почерпнуть из слов и недомолвок самого Ифнесса — слишком мало, учитывая масштабы происходившего.

Ифнесс коротал время в пути, читая толстый сборник статей под названием «Царства древнего Караза». Этцвейн хранил полупрезрительное молчание. Каретка гондолы «Консейль» бежала по рельсу. За кормой остались кантоны Эреван и Майе, кантон Пособников, кантон Джардин. В осенних сумерках растворились холмы кантона Дикой Розы — впереди открылся провал Джардинского разлома. За ним высились темные склоны Ушкаделя. Гондола лихо спустилась по долине Молчания, пролетела над разломом и приблизилась к Южной станции, под чудесными хрустальными башнями Гарвия.

Станционная бригада подтянула гондолу к платформе. Ифнесс Иллинет спустился по трапу, вежливо кивнул Этцвейну и деловито направился в город.

Уязвленный и взбешенный, Этцвейн провожал глазами худощавую фигуру, исчезающую в толпе на площади. Ифнесс явно старался не завязывать знакомства, прекращая всякие отношения, как только в них отпадала необходимость. Через два дня, глядя с набережной на знакомую гостиницу, Этцвейн не мог не вспомнить о землянине. Он пересек набережную и вошел в таверну «Фонтеня».

В трапезной было тихо. Редкие постояльцы грустили над кружками в темных углах, будто нарочно рассевшись подальше друг от друга. Этцвейн направился к прилавку, где его уже приветствовал хозяин заведения: «Смотри-ка! К нам пожаловал господин музыкант! К сожалению, не могу предложить вам сцену: сегодня выступает «Пунцово-розовато-лилово-белый ансамбль» маэстро Хессельроде. Не огорчайтесь. Скажу по секрету, вы играете на хитане не хуже любого друидийна. Попробуйте эль «Дикая роза» — за мой счет».

Этцвейн поднял кружку: «Ваше здоровье!» Эль освежил ему голову. Привычная жизнь представлялась не такой уж унылой. Этцвейн осмотрелся — вот низкая сцена, где играет оркестр. За этим столом он встретил восхитительную Джурджину Ксиаллинен. У входа, в тени, сидел Ифнесс, когда они искали Человека Без Лица. Все вокруг напоминало о событиях, казавшихся нереальными — с тех пор жизнь стала трезвой и обыденной... Этцвейн пригляделся: в дальнем углу что-то записывал в блокнот высокий человек неопределенного возраста с копной белоснежных волос. Большая линза в наружной стене, высоко над головой, озаряла его призрачными малиновыми лучами. Седовласый призрак поднес к губам бокал. Этцвейн повернулся к трактирщику: «Вы знаете, кто это — в угловой нише?»

Хозяин «Фонтеня» присмотрелся: «Как же, это у нас господин Ифнесс! Снимает лучшие номера. Станный тип — чопорный, нелюдимый, но по счетам платит без разговоров. Меркантилист родом с Одинокого мыса, кажется. Кто его знает?»

«Если не ошибаюсь, мы знакомы», — объявил Этцвейн, взял кружку и направился напрямик к землянину. Тот искоса следил за приближением музыканта — демонстративно закрыл блокнот и пригубил воды со льдом. Этцвейн вежливо поздоровался и уселся напротив Ифнесса. Если бы он стал ожидать приглашения, ему, возможно, пришлось бы допивать эль стоя. «Вспомнил былые похождения, решил заглянуть в таверну, — сообщил Этцвейн. — Вижу, вы занимаетесь тем же».

Губы землянина подернулись: «Сентиментальность вводит вас в заблуждение. В «Фонтенее» удобно останавливаться — хозяин ко мне привык. Кроме того, тут мне не мешают работать — как правило. Насколько я понимаю, вы тоже занятый человек. В вашей должности праздное времяпровождение — непозволительная роскошь».

«Я бездельничаю, сколько хочу, — возразил Этцвейн. — Позавчера я известил патрициев о том, что Пурпурной палате придется править Шантом без моей помощи».

«Вы заслужили отдых, — гнусаво пробубнил Ифнесс. — Желаю вам всего наилучшего. А теперь...» Историк многозначительно провел пальцами по блокноту, стирая воображаемую пыль.

«Проблема в том, что я не хочу бездельничать, — игнорировал намек Этцвейн. — При этом я мог бы содействовать вашим исследованиям».

Ифнесс поднял брови: «Не уверен, что понимаю сущность предложения».

«Все очень просто, — сказал Этцвейн. — Вы — корреспондент Исторического института. Вы ведете исследования на Дердейне и других планетах, вам может пригодиться помощник. В свое время мы уже сотрудничали — почему бы не продолжить славное начинание?»

В голосе Ифнесса появилась сухая резкость: «Непрактично в принципе. С работой я обычно справляюсь один. Конечно, время от времени обязанности принуждают меня покидать планету...»

Этцвейн поднял руку и прервал его: «Именно это меня больше всего интересует!» Слова эти прозвучали вполне убе-

жденно, хотя до сих пор намерения Этцвейна не отличались определенностью: «Шант я хорошо знаю, в Паласедре побывал. Караз — дикий, пустынный континент. Мне не терпится увидеть далекие миры».

«Естественное, закономерное любопытство, — кивнул Ифнесс. — Тем не менее, вам придется удовлетворять его без моего участия».

Этцвейн задумчиво прихлебывал эль. Ифнесс, с каменным лицом, искоса следил за ним. Этцвейн спросил: «Вас все еще интересуют асутры?»

«Да».

«По-вашему, они что-то еще затевают в Шанте?»

«Я ничего не знаю наверняка, — Ифнесс вернулся к привычному нравоучительно-лекторскому тону. — Асутры испытывали на населении Шанта биологическое оружие, то есть рогушкоев. План провалился, главным образом в связи с несовершенством исполнения, но рогушкой, несмотря на примитивность, свое дело сделали — теперь асутры гораздо лучше осведомлены. У них все еще много возможностей. Они могут продолжить эксперименты, применить новое оружие. С их точки зрения, однако, более практичным может оказаться полное уничтожение людей на Дердейне».

Этцвейн никак не прокомментировал это заключение. Осушив кружку до дна, он, несмотря на явное неодобрение Ифнесса, подал трактирщику знак принести вторую: «Вы еще пытаетесь объяснить с асурами?»

«Все подопытные экземпляры сдохли».

«И вам не удалось найти способ общения?»

«По существу, нет».

«Вы намерены поймать других?»

Ифнесс Иллинет холодно улыбнулся: «Мои цели гораздо скромнее, чем вы подозреваете. Меня беспокоит, главным образом, карьера в Институте, возможность пользоваться привычными привилегиями. Между вашими интересами и моими очень мало общего».

Этцвейн нахмурился, постучал пальцами по столу: «А перспектива уничтожения цивилизации на Дердейне вас насколько не беспокоит?»

«Я предпочел бы, чтобы это не произошло, но мои предпочтения — не более, чем абстрактный идеал».

«Угроза реальна! — возразил Этцвейн. — Рогушкой погубили тысячи людей! Если асутры победят на Дердейне, что им помешает напасть на другие планеты? Земля тоже не в безопасности».

«Исходя из самых общих предпосылок, можно предположить такое развитие событий, — согласился Ифнесс. — Я затронул этот вопрос в представленном отчете. Мои коллеги, однако, склонны придерживаться других точек зрения».

«Какие могут быть сомнения? — возмутился Этцвейн. — На рогушках отработывалась тактика завоевания миров!»

«Вполне вероятно, но каких миров? Земных миров Ойкумены? Рогушкой — против оружия цивилизованных людей? Смехотворная идея!» Ифнесс дал понять недовольным жестом, что не желает продолжать разговор: «А теперь прошу меня извинить. Некий Дасконетта самоутверждается в Институте за мой счет — мне нужно продумать контрмеры. Рад был встретиться с вами снова...»

Этцвейн наклонился к собеседнику: «Вы знаете, откуда прилетели асутры?»

Историк нетерпеливо качал головой: «Скорее всего, они обосновались ближе к центру Галактики — там десятки тысяч пригодных для обитания миров».

«Разве не имеет смысла найти их планету, узнать о ней все, что можно?»

«Да, да, разумеется...» — Ифнесс открыл блокнот.

Этцвейн поднялся на ноги: «Желаю вам всяческих успехов в продвижении по службе!»

«Благодарю вас».

Вернувшись к прилавку трактирщика, Этцвейн выпил третью кружку эля, гневно поглядывая на Ифнесса, безмятежно потягивавшего воду со льдом и вносившего пометки в блокнот.

Покинув таверну гостиницы «Фонтеней», Этцвейн прогулялся на север по набережной Джардина, задумавшись о возможности, по-видимому, еще не приходившей в голову методичного землянина... Повернув на авеню Пурпурных Горгон,

он поймал дилижанс и приказал ехать на площадь Корпорации. Выйдя у входа в Палату правосудия, Этцвейн взбежал по лестнице на второй этаж, где располагалось Разведывательное управление. Директор управления Аун Шаррах, статный мужчина, говоривший тихо и выражавшийся осторожно, умел, подобно большинству эстетов, производить впечатление небрежной элегантностью. Сегодня на нем была легкая, подчеркнута скромная серая мантия, накинутая поверх полночно-синего костюма. Крупный сапфир сверкал на серебряной цепочке, продетой в мочку левого уха. Шаррах приветствовал Этцвейна дружелюбно, но с почтительной настороженностью, отражавшей их былые разногласия. «Насколько я понимаю, вы вернулись к частной жизни, — произнес Шаррах. — Молниеносное превращение. Вы не жалеете о своем решении?»

«Нисколько! Я другой человек, — пожал плечами Этцвейн. — Вспоминая, чем я занимался, удивляюсь самому себе».

«Вы удивили многих, — сухо заметил Шаррах, — в том числе меня». Директор Разведывательного управления откинулся на спинку кресла: «Что же теперь? Снова в оркестре?»

«Еще нет. Не могу найти себе места, заинтересовался Каразом».

«Обширное поприще для любознательного человека, — с едва заметной иронией заметил Аун Шаррах. — У вас впереди многие годы плодотворного труда».

«Я не собираюсь заниматься всеобъемлющими исследованиями, — возразил Этцвейн. — Мне хотелось бы знать несколько определенных вещей. В частности, не появлялись ли в Каразе рогушкой?»

Аун Шаррах оценивающе взглянул на посетителя: «Ваша частная жизнь быстро подошла к концу».

Этцвейн проигнорировал замечание: «Вот что я думаю. Рогушкоев пробовали применить в Шанте — и потерпели поражение. Все хорошо, что хорошо кончается. Как насчет Караза? Вдруг рогушкоев сначала высадили именно там? Может быть, формируется новая орда? Напрашиваются десятки

предположений. Конечно, с таким же успехом можно предположить, что в Каразе ничего не происходит».

«Верно, — слегка развел руками Шаррах. — Разведка наша занимается в основном местными делами. С другой стороны, что мы могли бы предпринять, даже если бы захотели? Уже сейчас нам не хватает людей и ресурсов».

«В Каразе слухи дрейфуют по течению рек. В портах моряки узнают обо всем, что делается в глубине континента. Полезно было бы послушать, о чем толкуют у причалов и в прибрежных тавернах, какие вести привозят каразские суда».

«В этом есть смысл, — кивнул Аун Шаррах. — Я прикажу собрать сведения. Трех дней должно быть достаточно — по крайней мере для того, чтобы составить общее представление».

Глава 2

Тоший, смуглый, нелюдимый сорванец, сам себя назвавший Гастелем Этцвейном,¹ превратился в молодого человека со впалыми щеками и горящим, пронзительным взглядом. Когда Этцвейн играл на хитане, уголки его рта приподнимались, сообщая обычно угрюмым чертам оттенок поэтической меланхолии, но по преимуществу он был человек спокойный, внешне даже необычно сдержанный. Близких друзей у него не было — кроме, пожалуй, старого музыканта Фролитца, считавшего Этцвейна помешанным...

Уже на следующий день после посещения Палаты правосудия Этцвейн получил известие от Ауна Шарраха: «Расследование дало неожиданные результаты — уверен, что вас они заинтересуют. Жду вас в любое время».

Этцвейн немедленно отправился в Разведывательное управление.

Аун Шаррах провел его в помещение с высоким сводом под куполами шестого яруса. Линзы световых колодцев из водянисто-зеленого стекла полутораметровой толщины смягчали лавандовый свет солнц, насыщавший цвета огромного ковра работы мастеров Глирриса. Посреди зала на низком круглом столе семиметрового диаметра покоилась массивная рельефная карта. Приблизившись, Этцвейн обнаружил удивительно подробное изображение Караза. Горы, вырезанные из бледного янтаря, добытого в кантоне Преданий, были инкру-

¹ Среди хилитов Башонского храма каждый чистый отрок выбирал себе имя, символизовавшее его надежды на будущее. Гастель был древний герой-авиатор, Этцвейн — легендарный музыкант. Такой выбор примеров для подражания шокировал и разгневал Оссо, духовного отца Этцвейна.

стированы кварцем, изображавшим снега и ледники. Серебряными нитями и лентами в долинах, выложенных лиловато-серым сланцем, к морским берегам струились реки. Леса и болота были представлены зеленым бархатом различных оттенков, с пушистым длинным и гладким коротким ворсом. Шант и Паласедра лишь намечались очертаниями берегов с южного и восточного краев.

Аун Шаррах медленно прохаживался у северного края стола. «Вчера вечером, — сказал он, — местный дискриминатор² привел в управление матроса из Жирмонтских доков. Моряк поведал исключительно странную историю. Ее рассказывали горнодобытчики, спустившиеся на барже в Эрбол — это здесь, в устье Кебы». Шаррах нагнулся и опустил палец на карту: «Баржа привезла вулканическую серу отсюда, — Шаррах прикоснулся к излучине реки в трех тысячах километров выше по течению. — Район этот называется «Бурнун». Где-то здесь, на берегу Кебы, поселок Шиллинск — на старой карте он не значится... В Шиллинске владелец баржи говорил с торговцами-кочевниками с Запада, из-за гор — они спустились с перевала Кузи-Каза, кажется, здесь...»

Этцвейн, прибывший в гостиницу «Фонтеней» на дилижансе, столкнулся с Ифнессом в дверях таверны. Историк холодно кивнул и собрался было уйти, но Этцвейн решительно преградил ему дорогу: «Один момент!»

Ифнесс неохотно задержался, нахмурился: «В чем дело?»

«Вы упомянули некоего Дасконетту. Надо полагать, он уполномочен принимать важные решения?»

Ифнесс Иллинет с подозрением приподнял голову, искоса глядя на Этцвейна: «Дасконетта занимает ответственный пост».

«Я хотел бы с ним связаться. Как это сделать?»

² Дискриминаторы (на шантском языке — «ави стиои», в буквальном переводе — «тонкие ценители» или «внимательные наблюдатели»): когда-то так называли инспекторов, нанятых гарвийской Эстетической корпорацией. Со временем, однако, дискриминаторы постепенно стали выполнять функции кантональной полиции. Этцвейн и Аун Шаррах способствовали дальнейшему расширению круга их обязанностей.

Землянин не торопился с ответом: «В принципе есть несколько способов. Практически, в вашем случае, без моей помощи не обойтись».

«Прекрасно. Будьте добры, свяжите меня с Дасконеттой».

Ифнесс сухо усмехнулся: «Все не так просто. Если у вас есть существенная информация, способная заинтересовать Институт, приготовьте краткое изложение и представьте его мне. В свое время я буду говорить с Дасконеттой и могу передать ваше сообщение. Само собой, я не стану отнимать у него время тенденциозными призывами или тривиальными ходатайствами».

«Разумеется, — кивнул Этцвейн. — Вопрос, однако, требует срочного обсуждения. Уверен, что любая задержка вызовет порицание вашего начальства».

Ифнесс не повышал голос: «Сомневаюсь, что вы способны угадать реакцию Дасконетты. Он славится непредсказуемостью».

«Тем не менее, я считаю, что дело будет рассмотрено внимательно и без промедления, — настаивал Этцвейн. — Если, конечно, Дасконетта намерен сохранить свою должность. Есть какая-нибудь возможность связаться с ним напрямую?»

Усталым жестом землянин выразил смирение с неизбежностью: «В чем состоит ваше предложение — вкратце? Если вопрос действительно важен, по меньшей мере я смогу предложить полезные рекомендации».

«Не сомневаюсь, — сказал Этцвейн. — Но вы слишком заняты исследованиями. Вы дали понять, что не можете со мной сотрудничать, что у вас нет достаточных полномочий для решения важных проблем и что такие полномочия возложены на Дасконетту. Таким образом, с моей стороны разумнее всего немедленно обсудить ситуацию с Дасконеттой».

«Вы неправильно истолковали мои замечания, — голос Ифнесса слегка зазвенел. — Я объяснил, что не нуждаюсь в услугах помощника, и что в мои планы не входит организация экскурсии по планетам Ойкумены, призванной удовлетворить праздное любопытство Гастеля Этцвейна. Я не утверждал, что мои полномочия недостаточны или в каком-либо отношении уступают полномочиям Дасконетты, всего лишь

указав на наличие некоторых условностей административного характера. Я обязан вас выслушать и узнать, что происходит — такова моя функция. Итак, что именно заставляет вас меня беспокоить?»

Этцвейн отвечал с подчеркнутым равнодушием: «Из Каразы поступили сведения, заслуживающие внимания — вероятно, не более чем сплетни, но если в них есть какая-то доля истины, с моей точки зрения они нуждаются в немедленном расследовании. Поэтому я намерен просить Дасконетту о предоставлении быстроходного транспорта. Уверен, что в его распоряжении такой транспорт есть».

«Ага! В самом деле, любопытно. И в чем же состоят слухи, вызывающие у вас такое волнение?»

Этцвейн продолжал без малейших признаков волнения: «В Каразе появились рогушкой, большая орда».

Ифнесс Иллинет кивнул: «Продолжайте».

«Состоялась битва рогушкоек с армией людей, пользовавшихся, по словам очевидцев, лучевым оружием. По-видимому, рогушкой потерпели поражение, но скудных свидетельств недостаточно, чтобы сделать определенные выводы».

«Источник информации?»

«Моряк, говоривший с владельцем баржи в Каразе».

«Где, по его словам, произошло сражение?»

«Какое это имеет значение? Необходимо расследовать события на месте. Для этого требуется транспорт».

Ифнесс отвечал терпеливо и нежно, будто обращаясь к несмышленому младенцу: «Ситуация сложнее, чем вы себе представляете. Если ваш запрос получит Дасконетта или любой другой член Координационного совета, его просто-напросто возвратят мне, сопроводив язвительным замечанием по поводу моей некомпетентности. Кроме того, вам известны правила, ограничивающие деятельность корреспондентов Института — нам строго воспрещено вмешиваться в ход событий местного значения. Я нарушил это предписание, конечно, но до сих пор мне удавалось обосновывать свои действия. Если я позволю вам предъявить Дасконетте столь достопримечательное требование, меня сочтут безответственным глупцом. Таковы люди — что поделаешь? Согласен, каразские

слухи немаловажны и, каковы бы ни были мои личные планы и предпочтения, я не могу их игнорировать. Давайте вернемся в таверну. Теперь вам придется изложить все факты подробно и по порядку».

Беседа продолжалась не меньше часа. Этцвейн вежливо настаивал, Ифнесс оказывал формальное логичное сопротивление, холодный и непроницаемый, как глыба черного стекла. Он не соглашался предоставить Этцвейну транспорт требуемого типа ни на каких условиях.

«В таком случае, — сказал наконец Этцвейн, — мне придется обойтись менее эффективными средствами передвижения».

Ифнесс удивился: «Вы серьезно намерены отправиться в Караз? Путешествие займет два-три года — допуская, что вы сумеете выжить».

«Все учтено, — заявил Этцвейн. — Само собой, я не собираюсь идти по Каразу пешком. Я намерен лететь».

«В гондоле? На планере? — Ифнесс поднял брови. — Над дикими просторами?»

«Когда-то, в древнем Шанте, строили гибридные летательные аппараты, так называемые «воздушные фрегаты» — с длинными гибкими крыльями, с фюзеляжем и основаниями крыльев, наполненными газом — достаточно тяжелые для планирования, достаточно легкие, чтобы парить при малейшем дуновении ветерка».

Ифнесс вертел в пальцах серебряное самопишущее перо: «Рано или поздно вы приземлитесь — что дальше?»

«Я окажусь в опасном, но не безвыходном положении. Даже обычный планер можно запустить без посторонней помощи, наподобие воздушного змея — дождавшись сильного ветра. Фрегату, чтобы взлететь, хватит легкого бриза. Согласен, предприятие рискованное...»

«Рискованное? Самоубийственное!»

Этцвейн мрачно кивнул: «Предпочел бы самолет или бронированный вездеход. Конечно же, у Дасконетты найдется что-нибудь в этом роде».

Серебряное перо в пальцах историка раздраженно дернулось: «Возвращайтесь сюда завтра. Я подышу летательный аппарат — с условием, что все мои указания будут выполняться беспрекословно».

В Шанте даже дела соседнего кантона не вызывали особого любопытства, Караз же представлялся далеким, как Скиафарилья³ — и гораздо менее заметным. Будучи музыкантом, Этцвейн объездил почти все кантоны Шанта — его кругозор был шире обывательского. Тем не менее, даже ему Караз казался далеким необжитым краем обожженных ледяными ветрами пустынь, вздымающихся за облака гор и головокружительных пропастей. Полноводные реки Караза, слишком широкие, чтобы с одного берега можно было видеть другой, растекались по бесконечным степям и равнинам. Девять тысяч лет тому назад на Дердейне поселились изгнанники, непокорные бунтари, диссиденты. Самые неистовые, самые неисправимые и неуживчивые бежали в Караз, чтобы навсегда затеряться в просторах, блуждая от одного дымчатого горизонта к другому. Их потомки все еще кочевали по безлюдным степям и нагорьям.

К полудню Этцвейн вернулся в гостиницу «Фонтеней», но Ифнесса не нашел. Прошел час, другой. Этцвейн вышел на набережную, стал прогуливаться взад и вперед. Он сохранял спокойствие, хотя не мог избавиться от некоторой подавленности. Этцвейн давно понял, что гневаться на Ифнесса было бессмысленно. С таким же успехом можно было грозить кулаком трем солнцам, безмятежно кружившимся в зените.

Наконец появился Ифнесс, быстрым шагом направлявшийся по проспекту Галиаса в сторону озера Суалле. Историк был чем-то не на шутку озабочен — наморщив лоб, он, казалось, собирался пройти мимо Этцвейна, даже не поздоровавшись, но в последний момент резко остановился. «Вы хотели

³ Скиафарилья: величественное скопление двух тысяч звезд, озарявшее летние ночи Шанта. Миры земной Ойкумены находились преимущественно за Скиафарильей.

встретиться с Дасконеттой, — произнес Ифнесс. — Вы его увидите. Подождите здесь, я скоро вернусь».

Землянин зашел в таверну. Этцвейн взглянул на небо — солнца скрылись за пеленой тяжких грозowych туч, стеклянный город сумрачно поблек. Этцвейн тоже нахмурился, нервно повел плечами.

Ифнесс вернулся в длинной черной накидке, драматически развевавшейся по ветру. «Пойдемте!» — бросил он и направился вверх по набережной.

Пытаясь не потерять достоинство, Этцвейн не двинулся с места: «Куда?»

Ифнесс раздраженно обернулся и сверкнул глазами, но ответил, не повышая голос: «Каждый из участников совместного предприятия должен знать, чего следует ожидать от другого. В том, что касается меня, вы можете рассчитывать на получение информации в той мере, в какой этого требуют обстоятельства. Я не намерен отягощать вас чрезмерными подробностями. От вас я ожидаю бдительности, благоразумия и расторопности. Теперь мы отправимся в кантон Дикой Розы».

Этцвейн почувствовал, что добился по меньшей мере какой-то уступки, и, не говоря ни слова, последовал за историком на станцию воздушной дороги.

Гондола «Кармун» нетерпеливо натягивала тросы. Как только Ифнесс и Этцвейн взошли на борт, станционная бригада отпустила переднюю тележку каретки, и гондола взмыла в воздух. Ветровой поставил парус круто к бортовому ветру, каретка зажурчала в рельсе — «Кармун» устремился на юг.

Они пролетели над Джардинским разломом: расступились поднимающиеся уступами холмы Ушкаделя. Этцвейн заметил сверкнувший на склоне, в роше деревьев-близнецов и кипарисов, дворец Сершанов. Перед ними простирались тенистые зеленые долины кантона Дикой Розы. Скоро показались крыши торгового центра кантона, Джамилию. Ветровой «Кармуна» выставил оранжевый флажок. Станционная бригада подхватила крюками заднюю тележку каретки и отвела переднюю вперед, принуждая «Кармун» опуститься к платформе. Ифнесс и Этцвейн вышли. Землянин подозвал дилижанс,

дал краткие указания кучеру. Пассажиры сели в карету, быстроходец⁴ побегал легкой трусцой.

Полчаса они ехали вверх по долине Джардина мимо сельских поместий гарвийских эстетов,⁵ потом через сад земляничников к ветхой усадьбе. Ифнесс сдержанно обратился к Этцвейну: «Возможно, вам будут задавать вопросы. Я не вправе вам подсказывать, но будьте добры, отвечайте кратко и по существу, не предлагайте делиться дополнительными сведениями».

«Мне нечего скрывать, — достаточно сухо отозвался Этцвейн. — Если меня станут расспрашивать, я отвечу настолько подробно, насколько это согласуется с моими интересами».

Ифнесс Иллинет промолчал.

Дилижанс остановился в тени у полуразрушенной наблюдательной башни, пассажиры вышли. Ифнесс уверенно направился по тропе через заросший сад и пересек внутренний двор, мощеный бледно-зеленым мрамором. Войдя в приемный зал усадьбы, землянин остановился и жестом приказал Этцвейну сделать то же самое. Внутри не раздавалось ни звука — дом казался давно заброшенным. В воздухе пахло пылью, сухим деревом, старой олифой. Сиреневый полуденный свет струился веером из узкого высокого окна, озаряя половину потемневшего портрета в нелепом старомодном костюме...

В дальнем конце зала появился человек. Какое-то время он молча стоял и смотрел, потом сделал шаг вперед. Не обращая внимания на Этцвейна, он вкрадчиво обратился к Ифнессу на ритмичном языке. Ифнесс коротко ответил. Отойдя в сторону, оба собеседника прошли через открытый дверной проем. Этцвейн ненавязчиво последовал за ними в двенадцатиградное помещение с высоким потолком и стенами, обшитыми гладкими тонкими щитами табачно-коричневого дере-

⁴ Быстроходцы: порода тягловых животных, потомков волов, привезенных на Дердейн первопоселенцами. Лошади, тоже прибывшие с людьми, вымерли, пораженные лимфатической лихорадкой и истребленные ахульфами.

⁵ Строительством Стеклянного города, Гарвия, руководило Эстетическое общество, в конечном счете превратившееся в касту наследственной знати — эстетов.

ва, освещенное шестью пыльными овальными окнами розовато-лилового стекла, под самым плафоном.

Этцвейн рассматривал незнакомца с нескрываемым интересом. Дасконетта поселился, как привидение, в заброшенной усадьбе? Странно, почти невероятно! Коренастый мужчина среднего роста, Дасконетта (по-видимому, это все же был он) жестикулировал резко, но в высшей степени сдержанно. Блестящие, коротко подстриженные «под горшок» черные волосы сужались между залысинами подобно носу корабля, спускаясь к широкому, выпуклому лбу. Поджатые губы превратились в почти незаметную черту между бледным носом и столь же бледным подбородком. Быстро покосившись черными глазами на вошедшего Этцвейна, Дасконетта больше не замечал его.

Ифнесс и Дасконетта обменивались размеренными фразами. Ифнесс утверждал, Дасконетта подтверждал. Этцвейн устроился на скамье из камфорного дерева и следил за разговором. Собеседники явно не испытывали друг к другу теплых чувств. Ифнесс не столько оборонялся, сколько был настороже. Дасконетта слушал внимательно, будто сверяя каждое слово с прежними утверждениями или с заявленной ранее позицией. В какой-то момент Ифнесс наполовину повернулся к Этцвейну, проявляя готовность обратиться за дополнительными свидетельствами или подчеркивая некое особое обстоятельство. Дасконетта остановил его, язвительно и односложно.

Ифнесс чего-то потребовал, Дасконетта отказал. Ифнесс настаивал. Теперь Дасконетта проделал странный фокус: достал откуда-то из-за спины, жестом человека, поднимающего документ с несуществующего стола, возникшую в воздухе легкую квадратную панель шириной больше метра, состоявшую из тысяч перемигивающихся белых и тускло-серых ячеек. Ифнесс высказал ряд замечаний, Дасконетта ответил. Оба принялись разглядывать квадратную панель, искрившуюся и переливавшуюся белыми и серыми клеточками в тонких черных обрамлениях. Дасконетта обратил к Ифнессу спокойно улыбающееся лицо.

Беседа продолжалась еще минут пять. Дасконетта сделал окончательное заключение. Ифнесс повернулся и вышел из помещения. Этцвейн вышел за ним.

Ифнесс молча маршировал к дилижансу. Этцвейн, пытаясь подавить растущее раздражение, спросил: «Что вам удалось узнать?»

«Ничего нового. Группа, определяющая политику, отказалась одобрить мои планы».

Оглядываясь на заброшенную усадьбу, Этцвейн недоумевал: почему Дасконетта прозябает в пыльном, унылом жилище? Вслух он спросил: «Значит, он не поможет?»

«Кто не поможет? В чем?»

«Дасконетта — найти средство добраться до Караза».

Ифнесс отозвался с искренним безразличием: «Основная проблема не в этом. Если понадобится, средство передвижения всегда найдется».

Этцвейн с трудом скрывал гнев и напряжение: «В чем же заключается основная проблема?»

«Я предложил провести расследование с участием организаций, независимых от Института. Дасконетта и его клика не желают рисковать «загрязнением исторической среды». Как вы могли заметить, ему удалось заручиться большинством голосов».

«Дасконетта постоянно проживает в кантоне Дикой Розы?»

Ифнесс позволил себе усмехнуться уголком рта: «Дасконетта далеко — по ту сторону Скиафарильи. Вы видели симулу — объемное изображение, говорившее с моей симулой в другом мире. Для понимания принципа связи требуется длительная научная подготовка».

Этцвейн опять обернулся к старой усадьбе: «Кто же там живет?»

«Никто. Планировка внутренних помещений соответствует планировке похожего строения на пятой планете системы Гланцен».

Они забрались в дилижанс, покотившийся назад в Джамилио.

Этцвейн продолжал: «Ваши поступки не поддаются объяснению. Почему вы утверждали раньше, что не можете отвезти меня в Караз?»

«Ничего подобного я не утверждал, — заявил Ифнесс. — Вы пытаетесь возложить на меня ответственность на основе ложных умозаключений. В любом случае, ситуация гораздо сложнее, чем вы предполагаете, и вас не должна удивлять скрытность, в моем положении неизбежная».

«Скрытность или обман? — возмутился наконец Этцвейн. — Результат-то примерно один и тот же!»

Ифнесс примирительно поднял ладонь: «Объясню, что происходит — хотя бы для того, чтобы не выслушивать ваши упреки... Я совещался с Дасконеттой не для того, чтобы в чем-то его убедить или выпросить летательный аппарат. Моя цель состояла в том, чтобы спровоцировать его, побудить к заведомо неправильному выбору. Теперь он совершил ошибку. Более того, располагая недостаточной информацией и руководствуясь ее субъективной оценкой, Дасконетта добился поддержки большинства. Теперь появилась возможность продемонстрировать факты, способные выбить у него почву из-под ног. Производя расследование, я намеренно выйду за рамки стандартных правил и ограничений, что поставит Дасконетту в чрезвычайно неудобное положение. Ему придется принять одно из двух возможных решений — увязнуть еще глубже, продолжая занимать явно опровергнутую позицию, или унизиться, согласившись с моей точкой зрения».

Этцвейн скептически хмыкнул: «Разве Дасконетта не учел такую перспективу?»

«Думаю, что нет. Иначе он вряд ли провел бы голосование и проявил полную неуступчивость. Дасконетта уверен в своей правоте, целиком и полностью полагаясь на правила Исторического института. Он воображает, что меня одолевают сомнения и опасения, что я связан ограничениями по рукам и ногам. На самом деле произошло нечто противоположное — он открыл передо мной широкий выбор многообещающих возможностей».

Этцвейн не мог разделить энтузиазм Иффесса: «Только в том случае, если расследование даст существенные результаты».

Историк пожал плечами: «Если слухи не оправдаются, для меня ничего не изменится — Дасконетта в любом случае планировал восстановить против меня большинство и провести голосование».

«Так-так... И зачем же вы взяли меня с собой?»

«Я надеялся, что Дасконетта начнет вас расспрашивать, чтобы подлить масла в огонь и выставить меня в самом невыгодном свете. Он осторожно отказался, однако, от слишком привлекательной приманки».

«Хм! — роль, уготованная ему Иффессом, не льстила Этцвейну. — Каковы же теперь ваши планы?»

«Я намерен изучить события, послужившие причиной сплетен в Каразе. Таинственное противоречие: зачем асутрам понадобилось снова испытывать рогушкоев? Они доказали свою бесполезность — к чему высаживать их на Дердейне дважды? Кто были люди, применившие, по слухам, лучевое оружие в битве? У паласедрийцев такого оружия нет, а в Шанте никто не организовывал военных экспедиций. Загадка, загадка! Признаюсь, меня раздражает любопытство. Так что же, скажите, наконец — где именно произошло сражение? Что говорят очевидцы? Согласен — в этом расследовании мы объединим наши усилия».

«Неподалеку от селения Шиллинск, у берегов Кебы».

«Сегодня же просмотрю справочные материалы. Завтра отправимся в путь. Задерживаться больше нельзя».

Этцвейн молчал. Оказавшись лицом к лицу с неизбежностью осуществления своего плана, он внутренне содрогнулся, встревоженный недобрыми предчувствиями. В конце концов он заставил себя задумчиво произнести: «Завтра так завтра».

Поздно вечером Этцвейн еще раз зашел к Ауну Шарраху. Тот ничуть не удивился дерзкому проекту музыканта: «Могу предложить еще один — нет, даже два результата местных розысков. Первый результат отрицателен в том смысле, что мы расспрашивали моряков из других портов Караза, и ни

один не упомянул о рогушках. Кроме того, получено весьма неопределенное сообщение о появлении космических кораблей — говорят, их видели в районе Оргая, к западу от хребта Кузи-Каза. Больше ничего. Желаю удачи. Буду с нетерпением ожидать вашего возвращения. Хорошо понимаю ваши побуждения — хотя меня они вряд ли заставили бы отправиться в центральный Караз».

Этцвейн неловко усмехнулся: «В ближайшее время мне больше нечем заняться».

Глава 3

Этцвейн явился в гостиницу «Фонтеней» раньше условленного времени. На нем были костюм из плотного серого сукна, водонепроницаемая куртка из просмоленной рогожи — Караз был знаменит холодными туманами и дождями — и сапоги из чумповой кожи.⁶ В походный мешок он положил лучевой пистолет, давным-давно полученный от Ифнесса.

Ифнесса ни в гостинице, ни в таверне не было. Снова Этцвейну пришлось беспокойно бродить взад и вперед по набережной. Прошел час. К Этцвейну сзади подъехал дилижанс. Кучер махнул рукой: «Вы Гастель Этцвейн? Извольте садиться, поехали».

Этцвейн с подозрением уставился в лицо бородачу: «Куда?»

«Поручено доставить вас по адресу — на северную окраину города».

«Кто вас нанял?»

«Некий Ифнесс».

Этцвейн залез в дилижанс. Они ехали по берегу разлившейся дельты Джардина, постепенно превратившейся в сообщаемое с океаном солоноватое озеро Суалле. Город остался позади. Прибрежная дорога пересекала мрачные пустыри, заваленные осколками и щебнем, заросшие крапивой. Время от времени попадались сараи и склады, несколько покосившихся хижин. Дилижанс остановился у старинного здания,

⁶ Чумпа: крупное туземное животное, сходное с псевдопрямоходящими ахульфами, но не столь развитое в умственном отношении и отличающееся буйным, капризным нравом.

сложенного из шлаковых блоков. Кучер просигналил Этцвейну рукой, и тот вышел. Дилижанс тут же развернулся и уехал.

Этцвейн подошел ко входной двери, постучал. Ответа не было. Обойдя строение, он обнаружил крутой каменистый склон, спускавшийся к крытому причалу на сваях — между сваями плескалась вялая озерная рябь. Сойдя к причалу по узкой тропе, Этцвейн заглянул под навес: Ифнесс Иллинет перетаскивал в парусную лодку увесистые тюки.

Этцвейн стоял и смотрел, подозревая, что Ифнесс, наконец, спятил. Отправляться на утлом парусном боте через Зеленый океан, чтобы обогнуть Караз, добраться вдоль северного берега до Эрбола и подняться вверх по течению Кебы в Бурнун было, мягко говоря, непрактично — хотя бы потому, что запасов, помещавшихся в лодке, не хватило бы даже на половину пути.

Ифнесс угадал ход мыслей Этцвейна и сухо произнес: «Учитывая характер наших исследований, мы не можем величественно лететь над Каразом в роскошной воздушной яхте. Вы готовы? Тогда залезайте в лодку».

«Готов», — Этцвейн перешагнул в лодку. Ифнесс отдал швартовы и вытолкнул лодку из-под навеса навстречу серебряному простору озера: «Будьте добры, поднимите парус».

Этцвейн навалился на фал. Парус надулся, тихо зажурчала вода — лодка двинулась. Этцвейн опасливо присел на поперечную скамью и некоторое время смотрел, прищурившись, на удаляющийся берег, после чего заглянул в кабину, заваленную принесенными Ифнессом тюками, пытаясь угадать их содержимое. Провизия? Запас пресной воды? Хватит на три дня, самое большее на неделю. Этцвейн пожал плечами и повернулся лицом к озеру. Лучи трех солнц отражались на подернутой рябью воде мириадами розовых, голубых и белых перемигивающихся искр и блесков. За кормой вырастали чудесные стеклянные шпили и купола Гарвия, приглушенно сиявшие сквозь дымку расстояния. Этцвейн подумал, что, скорее всего, больше никогда не увидит башни Стеклоанного города.

В течение часа лодка шла под парусом по озеру Суалле — до тех пор, пока берега не превратились в размытую полосу

на горизонте. Вокруг не было ни кораблей, ни лодок. Ифнесс буркнул: «Опустите парус, разберите мачту».

Этцвейн повиновался. Тем временем Ифнесс вытащил секции прозрачного материала, вставлявшиеся в пазы бортов и образовавшие ветрозащитный колпак над открытой частью лодки. Этцвейн молча наблюдал. Ифнесс в последний раз осмотрел горизонт, после чего приподнял крышку выступавшего из палубы ящика на корме. Этцвейн заметил черную панель с белыми, красными и синими кнопками и круглыми ручками. Ифнесс Иллинет нажал кнопку, повернул пару ручек. Раздался шум стекающей воды: лодка упруго подпрыгнула в воздух и устремилась вперед и в небо, быстро набирая скорость и высоту. Землянин снова прикоснулся к ручкам — лодка плавно повернула на запад, чтобы пролететь высоко над обнаженными отливом прибрежными топями Фенеска.

«В лодке путешествовать удобно и безопасно, — небрежно обронил Ифнесс. — Она нигде не привлекает внимания, даже в Каразе».

«Остроумное изобретение», — отозвался Этцвейн.

Ифнесс безразлично кивнул: «Точных карт Караза нет — придется руководствоваться известными ориентирами и здравым смыслом. Карты, составленные в Шанте, очень ненадежны. Лучше всего лететь вдоль берега Караза до устья Кебы — насколько я понимаю, не меньше трех тысяч километров. Потом можно следовать вверх по течению Кебы, не опасаясь потерять дорогу».

Этцвейн вспомнил огромную рельефную карту в Палате правосудия. В районе Шиллинска он заметил несколько рек: Панджорек, Синюю Зуру, Черную Зуру, Юсак, Бобол. Попытка лететь кратчайшим путем над континентом могла привести к ошибке при выборе долины, ведущей к Шиллинску. Этцвейн вернулся к созерцанию влажной прибрежной равнины кантона Фенеск, проследившая глазами ветвящиеся каналы и протоки, радиально расходившиеся от четырех городов Северной топи. Вдали показалась кантональная граница — прямолинейный ряд стройных черных алиптов. За ними в сиреневых сумерках терялись трясины и моховые болота кантона Гитанеск.

Едва помещаясь на корточках в кабине, Ифнесс заварил чай. Сидя под носовым прозрачным щитом, свистящим и дрожащим от ветра, спутники напились чаю и закусили ореховым печеньем из запасов Ифнесса. Землянин слегка расслабился, на лице его появилось почти благодушное выражение. Раньше он, пожалуй, оборвал бы резким замечанием любую попытку завязать разговор. Теперь Ифнесс сам соблаговолил нарушить молчание: «Ну что же, отправляясь в путь, мы приняли все меры предосторожности, и никто не пытался нам помешать».

«Вы ожидали неприятностей?»

«Почти не ожидал. Сомневаюсь, что асутры все еще содержат агентов в Шанте — их вряд ли интересуют последствия фиаско. Дасконетта мог проинформировать контролеров из Института, но даже если он это сделал, мы их опередили».

«Судя по всему, у вас с Дасконеттой более чем натянутые отношения».

Ифнесс спокойно кивнул: «В такой организации, как Исторический институт, корреспондент-стипендиат приобретает влиятельное положение, демонстрируя суждение, превосходящее по проницательности мнения коллег — особенно тех, кого уже считают догадливыми и знающими специалистами. Я обвел Дасконетту вокруг пальца с такой легкостью, что начинаю беспокоиться: неужели он уготовил какой-то подвох? Как он намеревается опровергнуть мою точку зрения, если любое расследование приведет к ее подтверждению? Опасная, чреватая осложнениями ситуация!»

Этцвейн хмурился, искоса поглядывая на землянина, чьи заботы и тревоги, как всегда, представлялись ему непостижимо чуждыми: «Подвохи Дасконетты беспокоят меня гораздо меньше, чем предстоящие поиски в Каразе — может быть, не чреватые особыми осложнениями, но несомненно опасные. В конце концов, Дасконетта не канибал и не приносит в жертву богам заблудших странников».

«У меня нет оснований для обвинения Дасконетты в ритуальных убийствах, сопровождающихся поеданием конкурентов, — слабо улыбнулся Ифнесс. — Вероятно, вы правы: следует сосредоточить внимание на Каразе. Если верить Крепо-

скину,⁷ в верховьях Кебы достаточно спокойно, если не приближаться к истокам в отрогах Юрт-Унны. Шиллинск, по-видимому, находится в том же районе. Крепоскин упоминает о речных пиратах и называет прибрежных жителей «сорухами». Речные острова населяет выродившееся племя горионов — этих игнорируют даже работорговцы».

Внизу, за бортом, меловыми Полуденными утесами оборвались холмы Хурра — здесь бушующие валы Зеленого океана разбивались о последние контрфорсы Шанта. Час они летели над пустынными водными просторами, затем на горизонте появились смутные темные очертания: Караз. Этцвейн поежил. Ифнесс сидел спиной к ветру, размышляя над открытым блокнотом. Этцвейн спросил: «Как вы собираетесь вести расследование?»

Ифнесс закрыл блокнот, заглянул за борт, оценивающе посмотрел на небо: «У меня нет определенных планов. Требуется найти объяснение загадочным слухам. Прежде всего нужно установить факты — только тогда можно делать какие-то выводы. Мы еще почти ничего не знаем. Рогушкоев, по-видимому, искусственно вывели как биологическое средство уничтожения людей. Управляющие ими асутры — раса паразитов или, выражаясь беспристрастно, умственно развитые членистоногие, сосуществующие в симбиозе с носителями. В Шанте рогушкой потерпели поражение. Зачем их высадили в Каразе? В качестве оккупационной армии? Как охранников новой колонии хозяев? Или асутры намерены добывать какие-то ископаемые? До поры до времени остается только строить догадки».

Горы Караза громоздились на западном горизонте. Ифнесс повернул на два-три румба к северу, чтобы лодка приближалась к береговой линии по диагонали. Вечером они уже летели над белеющим барашками прибоем. Ифнесс откорректировал курс и сбавил скорость. Всю ночь лодка дрейфовала вдоль берега, следуя над полосой бледно фосфоресцирующей

⁷ Крепоскин: путешественник, автор старинных мемуаров, опубликованных в сборнике «Царства древнего Караза».

морской пены. В предрассветной мгле прямо по курсу выросла горбатая тень мыса Комранус, в связи с чем Ифнесс объявил карты Крепоскина практически бесполезными: «По существу он сообщает только, что Комранус существует и находится где-то на побережье Караза. Пользоваться его картами следует с изрядной долей скептицизма».

Утром лодка летела параллельно линии берега, за мысом Комранус все круче отклонявшейся на восток, мимо вереницы выступающих в море приземистых скал, перемежавшихся глинистыми пляжами. В полдень они оказались над безжизненным каменистым полуостровом, вытянувшимся на север километров на восемьдесят и на картах Крепоскина не обозначенным. За полуостровом снова блестел океан. Ифнесс решил спуститься ниже — теперь лодка парила в трехстах метрах над берегом.

Через пару часов они пересекли широкое, как море, устье Джевера — реки, опутавшей паутиной притоков бассейн Джеверман, по площади не уступавший всему Шанту вместе взятому. С подветренной стороны крутого холма прятался целый городок — сотня каменных хижин. На якоре качалась дюжина рыбацких посудин. Ифнесс и Этцвейн впервые увидели человеческое поселение в Каразе.

Руководствуясь картой Крепоскина, Ифнесс повернул на запад, вглубь материка, чтобы миновать дремучие леса, простиравшиеся на север, насколько видел глаз — полуостров Мирв. Когда за кормой остались километров сто пятьдесят непроходимой тайги, Этцвейн увидел поднимавшийся с почти незаметной опушки сизый дымок — он успел заметить три бревенчатых хижины и еще минут десять смотрел назад оставившимся взглядом, пытаясь представить себе, какие люди решились затеряться в глуши северных лесов Караза...

Пролетев еще сто пятьдесят километров, они достигли дальнего берега полуострова Мирв — в этом случае карта Крепоскина себя оправдала. Теперь они снова парили над водой. Впереди берег расступался километров на пятнадцать: здесь сливалась с океаном дельта реки Хитце, усыпанная островками с высокими отвесными берегами. Каждый островок казался миниатюрной волшебной страной изящных деревьев

и мшисто-зеленых лугов. На одном красовался темно-серый каменный замок, у другого стояло на причале большое торговое судно.

Вечером небо затянулось напоздавшими с севера тучами, пейзаж обволокло сливовыми сумерками. Лодка замедлилась. Поразмыслив, Ифнесс решил спуститься на защищенный от ветра песчаный пляж небольшой бухты. Тучи озарялись молниями — Ифнесс и Этцвейн натянули над палубой брезентовый навес. Скоро капли дождя уже молотили по прорезиненной ткани. Путешественники подкрепились бутербродами с мясом, запивая крепким чаем. Этцвейн спросил: «Если бы асутры напали на Дердейн, испепеляя города лучевым оружием с космических кораблей, прислали бы земляне и люди Ойкумены свои звездолеты, чтобы нас защитить?»

Ифнесс откинулся на скамье, прислонившись спиной к борту: «Трудно сказать. Координационный совет — консервативная группа. Земные планеты поглощены своими заботами. Организация объединенных миров потеряла всякое влияние — если оно у нее когда-нибудь было. Дердейн — далеко за Скиафарильей, Дердейн забыт. Если такое престижное учреждение, как Исторический институт, представит отчет, рекомендуемый противодействие асутрам, Координационный совет может рассмотреть соответствующее предложение. Дасконетта, как я уже говорил, стремится преуменьшать значение событий. Он отказывается признать, что асутры — первая технологически компетентная нечеловеческая раса, столкнувшаяся с людьми, отказывается признать эпохальный масштаб происходящего».

«Любопытно! Факты достаточно красноречивы».

«Верно. Но, как вы догадываетесь, за близорукостью Дасконетты скрывается интрига. Он и его клика призывают к осторожности и советуют продолжать исследования. В свое время они собираются объявить об опасности под эгидой Института — но так, чтобы мое имя вообще не упоминалось. Я намерен сорвать их планы».

Помрачневший Этцвейн, оскорбленный несоразмерностью угрожающей его планете катастрофы и мелочно-карьеристских упований историка, решил выйти из-под навеса и

подышать ночным воздухом. Гроза стихла, напоминая о себе только редкими тяжелыми каплями. Молнии бешено сверкали далеко на востоке, над Мирвом. Напрягая слух, Этцвейн не мог различить никаких звуков, кроме размеренного шума прибоя. Ифнесс тоже вышел посмотреть, что делается вокруг.

«Мы могли бы продолжить путь, но я не уверен, что в темноте смогу отличить Кебу от других, почти параллельных рек. Крепоскин приводит в отчаяние — им невозможно пренебрегать, но и доверять ему тоже нельзя! Лучше подождать рассвета». Ифнесс вглядывался в темноту: «Где-то там, дальше по берегу, руины Сузерана — города, основанного шельм-файридами примерно шесть тысяч лет тому назад... Тогда, как и сейчас, Караз был дик и почти безлюден. Враги осаждали город и отступали с потерями, но всегда возвращались — старые враги, новые враги... В конце концов очередное полчище разбойников разграбило и разрушило Сузеран, не оставив камня на камне — как пишет Крепоскин, остались только «эсмерики», впечатления жизни и смерти».

«Мне это слово незнакомо».

«Древнекаразский диалект: «эсмериками» называли комплекс ассоциаций, общую атмосферу, присущую тому или иному месту — невидимые призраки былого, растворенные во времени звуки, всепроникающее ощущение славы, музыки, трагедии, ликования, скорби и ужаса, по словам Крепоскина, никогда не исчезающее».

Этцвейн смотрел в темноту — туда, где когда-то был древний город. Если «эсмерики» существовали, их присутствие во влажном мраке ночи почти не ощущалось. Этцвейн вернулся в лодку и попытался уснуть на узкой скамье у правого борта.

К утру небо прояснилось. Голубое солнце, Эзелетта (или Этта, как его называли в Каразе), всплыло над самым горизонтом, озарив океан на востоке ложным синеватым рассветом. Этта спряталась; за ней лениво, по наклонной дуге, выкатилась розовая Сасетта, сопровождаемая чуть запоздавшим ярко-белым Заэлем и, наконец, вернувшейся на круги своя голубой Эзелеттой. Позавтракав сушеными фруктами с чаем и

бросив взгляд с ближайшего мыса на россыпи камней и заросли кустарника, оставшиеся от древнего Сузерана, Ифнесс и Этцвейн поднялись на лодке в воздух. Впереди, отливая свинцовым блеском в рассветных лучах, в континентальную массу вдавалось устье огромной реки. Ифнесс объявил, что это Юсак. К полудню они пролетели над Боболом и через три часа достигли устья Кебы — Ифнесс опознал ее по меловым утесам на западном берегу и по крышам Эрбола, фактории в восьми километрах выше по течению.

Над устьем Кебы, больше шестидесяти километров в ширину, Ифнесс повернул на юг. Слепящие дорожки отражений трех солнц золотили мелкую рябь спокойных вод. В низовьях Кеба текла с юго-запада, но у самого горизонта величественной дугой изгибалась налево, к юго-востоку. Поверхность реки пересекали клиньями следов три баржи, с такой высоты казавшиеся микроскопическими — две поднимались против течения под надувшимися северным ветром квадратными парусами, одна медленно дрейфовала вниз по реке.

«Здесь карты уже не помогут, — сказал Ифнесс. — Крепоскин не упоминает никаких селений выше по течению Кебы, но пишет, что прибрежные районы населяют сорухи, воинственное племя, никогда не отступающее в битвах».

Этцвейн рассматривал аляповатые наброски Крепоскина: «В трех тысячах километров на юг, если следовать вдоль реки, мы будем в районе Бурнун и окажемся где-то здесь, неподалеку от равнины Лазурных Цветов».

Ифнесс не интересовался мнениями Этцвейна. «Эти зарисовки не дают точного представления даже о взаимном расположении ориентиров, — сухо отозвался историк. — Пролетим требуемое расстояние, приземлимся, изучим ситуацию на месте». Он взял у Этцвейна книгу, закрыл ее и отвернулся, погружившись в какие-то размышления.

Этцвейн угрюмо усмехнулся. Он уже привык к бесцеремонности землянина и больше не позволял себе раздражаться. Пройдя вперед, Этцвейн встал на носу лодки, поглощая взглядом бескрайние темно-лиловые леса, бледно-голубые дали, обширные крапчато-зеленые болота и полузаросшие старицы, темно-серебристую ленту Кебы. Дикий Караз! Вот

куда его привели страх бездействия и скуки, томление по новизне. Ифнесс? Что заставляет брезгливого, холеного землянина подвергаться походным тяготам и риску неизвестности? Этцвейн хотел было задать вопрос, но придержал язык, не желая выслушивать саркастические колкости, все равно ничего не объяснявшие.

Этцвейн снова повернулся лицом к внутреннему Каразу — где-то там, в голубых далях, скрывалась разгадка многих тайн.

Лодка летела всю ночь. Ифнесс правил, руководствуясь отражением пылающей Скиафарильи в речных водах. К полудню Ифнесс спустился ближе к реке — теперь Кеба то разливалась километров на пятнадцать, то сужалась, выбирая путь среди тысяч лесистых островков.

«Смотрите, не попадется ли поселок или, что еще лучше, рыбацкая лодка, — посоветовал историк. — Нужно расспросить местных жителей».

«Как мы их пойдем? В Каразе говорят на несусветных наречиях».

«Тем не менее полагаю, что мы справимся, — гнусаво-назидательным тоном произнес Ифнесс. — В лингвистическом отношении Бурнун и бассейн Кебы единообразны. Местный диалект происходит от шантского языка».

Этцвейн с сомнением посмотрел за борт: «Как это возможно? Шант слишком далеко».

«Обстоятельства объясняются последствиями Третьей Паласедрийской войны. Кантоны Массеах, Горгаш и Парфе сотрудничали с летучими герцогами, и многие их жители, опасаясь мести Пандамонов, бежали из Шанта. Они добрались до верховьев Кебы, где сорухи переняли язык более цивилизованных пришлых беглецов, но в конце концов поработили их. История Караза, мягко говоря, безрадостна, — Ифнесс перегнулся через планшир и указал на группу разбросанных по берегу хижин, почти незаметных в зарослях высокого тростника. — Деревня! Здесь можно получить какие-то сведения — даже отсутствие информации будет о чем-то говорить». Землянин задумался: «Безвредное мошенничество часто по-

буждает дикарей к сотрудничеству. Неисцелимо суеверные люди с радостью приветствуют любое подтверждение их предрассудков». Ифнесс повернул ручку на панели управления — лодка замедлилась и повисла в воздухе без движения: «Давайте поставим мачту и поднимем парус. Кроме того, требуется некоторое переодевание».

С неба спускалась чудесная летучая ладья под плещущим парусом. Этцвейн стоял у руля и делал вид, что правит. И он, и землянин напялили белые тюрбаны и приняли напыщенные позы. Лодка приземлилась на площадке перед хижинами, посреди луж, оставшихся от позавчерашней грозы. На небесных пришельцев воззрились, остолбенев, человек шесть — по всей видимости, главы семейств. Из дверных проемов хижин выглядывали неряшливо одетые женщины. Ползавшие в грязи голые дети тоже застыли, но те, что помладше, скоро захныкали от страха и разбежались к матерям. Важно выступив из лодки, Ифнесс Иллинет рассыпал по земле пригоршню синих и зеленых граненых стекляшек. Грозно указав пальцем на оторопевшего грузного, пожилого человека — по всем признакам, старейшину деревни — Ифнесс произнес на грубом диалекте, едва доступном пониманию Этцвейна: «Не бойся, подходи! Мы — добрые чародеи, никому вреда не причиняем. Но у нас есть враги. Мы хотим знать, появлялись ли они в округе?»

Подбородок старейшины дрожал, дрожала и его нечесаная грязная борода. Схватившись обоими кулаками за передок рубахи из грубого домотканого полотна, он отважился пройти несколько шагов навстречу: «Что у нас узнавать? Мы клемокопы, клемов речных собираем. Только и знаем что ныряем».

«Так оно и есть! — декламировал Ифнесс. — И все же вам известно, что почем, откуда что берется — не зря же меновой товар сложили под навесом, и немало!»

«И то правда: бывает, кое-чем торгуем — кто сушеных клемов купит брусок-другой, кто клемовое вино. Да и толченный ракушечник у нас — лучше нет! Но бедно живем, мокро — ни богатств каких, ни драгоценностей нет у нас, уж не прогневайтесь! Работоторговцы, и те нами брезгуют».

«Приходилось ли вам слышать о вторжении краснокожих воинов-гигантов, истребляющих мужчин и бесчеловечно совокупляющихся с женщинами? Их зовут «рогушкочами». Кто-нибудь говорил о рогушкочах?»

«Нас не тронули, слава Священному Угрю! Торговцы называют: было великое сражение, битва гигантов — но век живу, ничего не слыхал ни о каких рагушках, никто о них не поведал».

«Где сражались гиганты?»

Клемокоп ткнул большим пальцем на юг: «Далече, во владениях сорухов — десять дней плыть под парусом до равнины Лазурных Цветов... Но ваша-то ладья никак в два раза быстрее долетит? А вы не научите нас, случаем, каким заклинанием ладья ваша движима? Порхать-то с места на место оно и удобнее, и суше получается».

«Некоторые вопросы лучше не задавать, — предупредил Ифнесс. — Наш путь лежит отныне к равнине Лазурных Цветов».

«Да ниспошлет вам Угорь попутный ветер!»

Ифнесс вступил на борт и, повернувшись к Этцвейну, сделал пригласительно-повелительный жест. Этцвейн налег на руль, расправил парус. Тем временем историк прикоснулся к кнопкам управления. Лодка приподнялась, оставив отпечаток на влажной земле, парус наполнился ветром — с торжественной медлительностью волшебная ладья воспарила над рекой. Запрокинув головы, клемокопы бежали вслед по берегу, а за ними, толкаясь, торопилась толпа сорванцов и женщин. Ифнесс нервно усмехнулся: «Благодаря нам в их жизни будет по меньшей мере один незабываемый день — и в придачу мы ухитрились нарушить дюжину строжайших запретов Исторического института!»

«Десять дней пути под парусом, — размышлял вслух Этцвейн. — Баржи делают не больше пяти километров в час, то есть километров восемьдесят в день. Значит, осталось примерно восемьсот километров».

«Ошибка почти в тысячу километров. Чего еще можно было ожидать от Крепоскина?» — подойдя к борту у кабины, Ифнесс попрощался с раскрывшими рты туземцами, благо-

склонно помахивая рукой. Скоро клемокопы скрылись за плакучими кронами рощи водолюбов. Землянин бросил через плечо: «Опустите парус, разберите мачту».

Этцвейн молча подчинился. Ифнесс явно вжился в роль странствующего волшебника и наслаждался собой. Лодка летела на юг над рекой. Вдоль берегов выстроились альмаки с серебристыми стволами — их длинные, перистые, серебряно-лиловые листья отливали зеленым в такт порывам ветра. Справа и слева болотистые луга исчезали в сизой дымке расстояния. Впереди безмятежно тянулась уже казавшаяся бесконечной полноводная Кеба.

Приближался вечер. На берегах не было никаких признаков человеческого жилья — к отвращению Ифнесса, раздраженно бормотавшего себе под нос. Солнца зашли, на Караз опустились безмолвные сумерки. Историк стоял на передней палубе, с пренебрежением к опасности перегнувшись через борт и вглядываясь в темноту. Наконец на речном берегу появилась россыпь мерцающих красных искр. Ифнесс повернул лодку и стал снижаться — искры превратились в дюжину полыхающих языками пламени походных костров, неровным кольцом окружавших площадку метров двадцать-тридцать в диаметре.

«Поставьте мачту, — бодро приказал Ифнесс, — поднимите парус!»

Этцвейн задумчиво смерил взглядом людей, работавших в освещенном кострами круге. Снаружи, в полумраке, можно было различить широкие фургоны с кожаными навесами и большими, выше человеческого роста, деревянными колесами, выщербленными и покоробившимися. Очевидно, им повстречался отряд кочевников. Оседлое существование сделало ловцов речных моллюсков смирными и боязливыми. Полная случайностей жизнь бродячих племен воспитывает непостоянство темперамента и упрямство, переходящее в дерзость. Этцвейн с сомнением покосился на Ифнесса — тот стоял неподвижно, как статуя. «Ладно, — подумал Этцвейн. — Если господин Ифнесс готов рисковать шкурой ради безрассудного удовольствия позабавиться за счет дикарей, так тому и быть». Он поставил мачту, поднял большой квадратный па-

рус, поправил на голове тюрбан и взялся за румпель. Лодка вертикально опускалась в круг, озаренный кострами. Ифнесс громко предупредил стоявших внизу: «Осторожно, осторожно! Разойдись!»

Взглянув наверх, туземцы с ругательствами отпрыгнули в стороны. При этом один старик споткнулся, упал и опрокинул чан с горячей водой на группу женщин, отозвавшихся яростным визгом.

Лодка приземлилась. Сурово выпрямившись, Ифнесс поднял руку: «Тихо! Мы всего лишь ночные волхвы. Вы что, колдовства не видели? Кто у вас предводитель клана?»

Никто не отвечал. Мужчины в свободных белых рубашках, черных шароварах и черных сапогах настороженно отступили на пару шагов. Их лица выражали готовность немедленно бежать или немедленно напасть. Женщины в расшитых орнаментами свободных длинных платьях тихо скулили хором, закатив глаза.

«Кто здесь главный? — ревел Ифнесс. — Он что, глухой? Или безногий — не может подойти?»

К лодке неохотно приблизился грузный чернобровый субъект с мрачно висящими черными усами: «Я Растипол, вождь рипшиков. Что надо?»

«Почему вы здесь? Кто будет драться с рогушками?»

Растипол моргнул: «Рогушкой — что за невидаль? Мы нынче ни с кем не воюем, до поры до времени».

«Краснокожие твари с ятаганами! Женщинам прохода не дают — насильники, полулюди-полубесы».

«Слыхали. Они с сорухами дерутся — не наше дело. Мы не сорухи, мы Мельхова колена».

«А когда сорухов всех перебьют, что вы будете делать?»

Растипол почесал подбородок: «Э, над этим рано голову ломать».

«Где рогушкой дерутся с сорухами?»

«Где-то на юге, говорят — на равнине Лазурных Цветов».

«Далеко?»

«Четыре дня по берегу до Шиллинска — там-то она и начинается, равнина эта. Тебе что, колдовство память отшибло?»

Ифнесс перстом указал Этцвейну: «Преврати Растипола в больного ахульфа!»

«Эй, бросьте эти штучки! — отскакивая, заорал Растипол. — Вы меня неправильно поняли. Никто никого не обижает — договорились?»

Ифнесс высокомерно кивнул: «Попридержи язык — он у тебя без привязи». Повернувшись к Этцвейну, историк повелел: «В путь!»

Этцвейн повернул румпель, другой рукой будто подгоняя к парусу невидимые воздушные волны. Ифнесс нагнулся над панелью управления. Лодка взмыла в ночное небо, красновато поблескивая килем в зареве костров. Рипшики молча провожали ее глазами.

Ночью лодка тихо дрейфовала на юг. Этцвейн уснул на узкой скамье — он не заметил, ложился ли Ифнесс. Утром, разминая озябшие, затекшие конечности, Этцвейн увидел, что историк уже стоит на корме и неподвижно смотрит вниз на сплошную серовато-молочную пелену. Лодка одиноко парила между сиреневым небом и клубящимся морем тумана.

Не меньше часа путники пили чай в хмуром молчании. Наконец три солнца выкатились на небосвод, и туман, лениво кружась и распускаясь клочьями, начал рассеиваться. В разрывах-колодцах, далеко внизу, проглядывали бесформенные островки земли и речной воды. Впереди могучая излучина Кебы плавно поворачивала к западу — туда, где с востока в нее впадал полноводный Шилл. В месте слияния рек с западного берега выступали три длинных причала — речной порт поселка из полусотни хижин и пяти-шести строений покрупнее. Ифнесс удовлетворенно воскликнул: «Ага, вот и Шиллинск! Вопреки Крепоскину, он так-таки существует!» Землянин опустил лодку на речную гладь. Этцвейн собрал мачту и поднял парус. Лодка стала приближаться к причалам, Ифнесс подрулил к ступеням набережной. Захватив бухту швартова, Этцвейн перепрыгнул на берег, историк осторожно последовал за ним. Разматывая привязанный канат, Этцвейн позволил лодке немного отплыть вниз по течению, чтобы она оказалась

посреди дюжины похожих рыбацких одномачтовиков. Иф-
несс и Этцвейн направили стопы в славный город Шиллинск.

Глава 4

Приземистые хижины и склады Шиллинска были неровно сложены из серого, грубо обтесанного камня, добытого в карьере неподалеку, вперемешку с кривыми балками из плавника. Рядом с причалом находился местный постоянный двор — внушительное по сравнению с хижинами трехэтажное строение. Сиреневый свет солнц обжигал серый камень и почерневшее дерево. Тени по какой-то прихоти зрительного восприятия казались зеленоватыми, оттенка цветущей воды на дне старой бочки.

Шиллинск производил впечатление сонного, почти безлюдного селения. Тишину солнечного утра нарушал только плеск речных волн на набережной. Две женщины медленно шли по тропе вдоль реки — на них были черные шаровары, темно-пурпурные блузы и головные платки глубокого ржаво-оранжевого цвета. У причалов стояли три баржи — одна порожняя, две частично нагруженные. Несколько грузчиков или матросов направлялись в таверну. Ифнесс и Этцвейн последовали их примеру, держась чуть позади.

Грузчики, а за ними и землянин с Этцвейном, зашли, отталкивая плечами и ногами сколоченную из плавника дверь, в помещение значительно более комфортабельное, чем могло показаться снаружи. В громадном камине пылал битумный уголь, на беленых оштукатуренных стенах темнели гирлянды и розетки резного дерева. Перед камином расселась ватага грузчиков, поглощавших рагу из тушеной рыбы с тростниковыми клубнями. В стороне, в тени, два местных жителя сгорбились над деревянными кружками. Отблески пламени резко оттеняли их широкоскулые лица — они почти не разговаривали и только с подозрением косились на грузчиков. Один

мог похвастаться пышными черными усами, взъерошенными и жесткими, как щетка. Другой украсил свою внешность козлиной бородкой и массивным медным кольцом в носу. Этцвейн с любопытством наблюдал за тем, как он приподнимал кольцо краем кружки, глотая пиво. На туземцах были наряды сорухов — черные штаны и рубахи навывпуск с вышитыми эмблемами тотемов. У каждого на поясе висела кривая сабля из «гисима» — белого сплава серебра, платины, олова и меди, кованого и закаленного в процессе, давно превратившемся в тайный обряд.

Ифнесс и Этцвейн устроились за столом поближе к камину. Трактирщик, лысый и плосколицый, с одной ногой короче другой и жестким, пронзительным взглядом, проковылял к ним, чтобы узнать, чего хотят приезжие. Ифнесс объяснил: «Мы нуждаемся в ночлеге и хотели бы заказать обед из лучших блюд». Хозяин таверны провозгласил меню: пряный суп из клемов с травами, салат из кислосладких жуков, шашлык с речной зеленью, хлеб, мармелад из лазурных цветов, чай из вербены. Ифнесс, не ожидавший подобного изобилия, заявил, что его такая трапеза вполне удовлетворит.

«Вынужден предварительно обсудить вопрос о возмещении, — сказал трактирщик. — Что вы предлагаете в обмен?»

Ифнесс вынул одну из своих цветных стекляшек: «Это».

Трактирщик отступил на шаг, с презрением поднимая ладонь: «За кого вы меня принимаете? Бросовое стекло, игрушка для детей!»

«Неужели? По-вашему, какого оно цвета?»

«Цвета старого мха, с оттенком речной воды».

«Смотрите! — Ифнесс сжал стекляшку в руке, разжал кулак. — Теперь какого оно цвета?»

«Светло-рубинового!»

«А теперь? — Ифнесс проворно поднес стекло к очагу, и оно сверкнуло изумрудно-зеленым лучом. — Возьмите, отнесите в темный угол и скажите, что вы видели!»

Владелец заведения удалился в кладовую и скоро вернулся: «Оно светится сапфировым огнем и отбрасывает радужные блики!»

«Звездный камень! — заявил Ифнесс. — Их изредка находят в сердцевине метеоритов. По сути дела, отдавать такую драгоценность за пищу и кров просто глупо, но у нас больше ничего нет».

«Сойдет, — покровительственно произнес трактирщик. — У вас баржа? Как долго вы пробудете в Шиллинске?»

«Несколько дней — нужно закончить дела. Мы торгуем редкостями. Теперь мы ищем шейные позвонки рогушкоев — их целебные свойства высоко ценятся».

«Рогушкой? Это что за звери?»

«У вас их называют по-другому. Краснокожие разбойники почти человеческой наружности. У них было стойбище на равнине Лазурных Цветов».

«А, медные бесы! Ха! И эти на что-тогодились?»

«Не могу ничего утверждать, я не лекарь. Мы всего лишь торгуем костями. Кто в Шиллинске промышляет таким товаром?»

Трактирщик отозвался каркающим смехом, но тут же притих и бросил быстрый взгляд на двух сорухов, внимательно прислушивавшихся к беседе.

«В наших краях костей столько, что они никому и задаром не нужны, — пояснил свою реакцию владелец постоялого двора. — Да и жизнь человеческая здесь стоит немногим больше. Полюбуйтесь: мать нарочно повредила мне ногу, чтобы спасти от работарговцев. Тогда за рабами охотились эски с Мурдского нагорья, по ту сторону Шилла. Нынче эсков прогнали, зато пришли хальки, и все опять как прежде, если не хуже. Не поворачивайтесь спиной к хальку — обернетесь с цепью на шее! В этом году из Шиллинска уже забрали четверых. Кто страшнее — хальки или медные бесы? Выберите сами».

Усатый сорух внезапно вмешался в разговор: «Медные бесы вымерли, остались одни кости — а кости, как вы прекрасно знаете, принадлежат нам!»

«Так точно!» — объявил второй сорух. Когда он говорил, кольцо его подпрыгивало над верхней губой: «Нам известна целебная сила бесовских костей бесов. Мы намерены их выгодно продать».

«Превосходно! — отозвался Ифнесс. — Но почему вы говорите, что они вымерли?»

«На равнине это всем известно».

«И кто же их уничтожил?»

Сорух дернул себя за бородку: «Хальки, вестимо — или еще какая банда, кто их знает? Всякая нечисть водится за перевалом! Без колдовства не обошлось с обеих сторон — это как пить дать!»

«Хальки волшебству не обучены, — трезво заметил трактирщик, — в работорговле оно ни к чему. За перевалом Кузи-Каза много диких, бешеных племен, но о колдовстве тамошнем я что-то не слышал».

Сорух с кольцом отмахнулся неожиданно свирепым жестом: «Это к делу не относится!» Повернувшись к Ифнессу, он вызывающе спросил: «Так вы покупаете кости или нет? Желających предостаточно».

«Само собой, я хотел бы осмотреть товар, — уклонился Ифнесс. — Предъявите кости — тогда можно будет о чем-то говорить».

Сорухи потрясенно отшатнулись: «Нелепость, доходящая до оскорбления! Вы что же, думаете, мы таскаем товар на спине, как женщины чаргов? Мы гордый народ, над нами насмехаться опасно!»

«Никто вас не пытается оскорбить, — возразил землянин. — Я просто-напросто выразил желание осмотреть товар. Где вы храните кости?»

«Не будем усложнять положение вещей, — слегка успокоился усатый сорух. — Кости лежат на месте сражения — где еще? Мы продадим вам право на добычу костей по разумной цене, и делайте с ними что хотите!»

Ифнесс задумался на пару секунд: «Такая сделка может меня разорить. Что, если кости низкого качества? Что, если их уже растащили? Что, если их невозможно вывезти? Доставьте кости сюда или проводите нас на поле сражения, чтобы я мог оценить товар».

Сорухи помрачнели и отвернулись, стали спорить вполголоса. Ифнесс и Этцвейн принялись за еду, принесенную трак-

тирщиком. Поглядывая на сорухов, Этцвейн сказал: «Они только и думают, как бы нас прикончить и ограбить».

Ифнесс кивнул: «Но их смущает наша невозмутимость. Они боятся ловушки, однако от приманки не откажутся — готов поручиться».

Сорухи приняли какое-то решение и наблюдали за Ифнессом и Этцвейном из-под полуопущенных век, пока те заканчивали обед, после чего предприимчивые разбойники пересели за соседний стол — от них несло болотной гнилью. Ифнесс повернулся к бандитам, ожидая приподняв голову. Усатый попытался изобразить дружелюбную улыбку: «Все можно устроить к взаимной выгоде. Вы сможете заплатить за кости на месте сразу после осмотра?»

«Конечно, нет, — заверил его Ифнесс. — Осмотрев товар, я сообщу вам, имеет ли смысл доставлять его в Шиллинск».

Улыбка соруха задержалась еще на пару секунд, потом исчезла. Ифнесс продолжал: «У вас есть транспорт? Удобный экипаж, запряженный быстроходцами?»

Сорух с кольцом в носу презрительно хрюкнул. «Это невозможно, — ответил усатый. — В предгорьях Кузи-Каза любая телега сломается».

«Хорошо, значит потребуются оседланные быстроходцы».

Сорухи снова отстранились, чтобы тихо посовещаться. Разбойник с кольцом в носу капризно и упрямо отказывался. Усатый сперва настаивал, потом убеждал, наконец стал заискивать — и так-таки добился своего. Сорухи вернулись к Ифнессу и Этцвейну. Усатый спросил: «Когда вы намерены отправиться в путь?»

«Завтра утром, как можно раньше».

«Мы будем ждать на рассвете. Но прежде всего вы должны заплатить за аренду быстроходцев».

«Смехотворно — подумать только! — возмутился Ифнесс. — Я даже не знаю, существуют ли кости, а вы ожидаете, что я стану финансировать погоню за небылицами? Ни в коем случае, я не вчера родился».

Сорух с кольцом приготовился было яростно спорить, но усатый примирительно поднял руку: «Вы увидите кости свои-

ми глазами, а стоимость проезда будет включена в окончательную цену».

«Так-то оно лучше, — проворчал Ифнесс. — О цене договоримся по возвращении в Шиллинск».

«Выезжаем на рассвете: будьте готовы!» — сорухи вышли из таверны. Ифнесс прихлебывал горячий чай из деревянной чашки.

Этцвейн недоумевал: «Вы хотите ехать на быстроходцах? Почему не долететь до места сражения?»

Ифнесс приподнял брови: «Разве не ясно? Рыбацкая лодка посреди сухой равнины — весьма примечательный объект. Мы не сможем ее оставить без присмотра. Следовательно, у нас не будет свободы действия».

«Оставив лодку в Шиллинске, мы ее больше не увидим, — брюзжал Этцвейн. — Здешние жители — воры, все до единого».

«Я приму меры предосторожности», — Ифнесс задумался на минуту, встал и подошел к хозяину заведения. Вернувшись, он сел на прежнее место: «Трактирщик заявляет, что мы можем без опасений оставить на борту десять сундуков с сокровищами. Он берет на себя всю ответственность за сохранность лодки. Если он заслуживает доверия, мы практически ничем не рискуем». Несколько секунд историк с интересом разглядывал языки пламени в камине: «Тем не менее, придется установить защитное устройство, способное отпугнуть расхитителей чужого добра — на тот случай, если хозяин не проявит должной бдительности».

Этцвейна не привлекала перспектива многодневной тряски в седле по равнине Лазурных Цветов в компании сорухов. Он пробурчал: «Вместо летающей лодки можно было бы придумать летающий фургон — или пару быстроходцев с крыльями».

«Крылатые быстроходцы? В воображении вам не откажешь», — благосклонно отозвался Ифнесс.

Постояльцам, желающим удалиться на покой, хозяин предлагал заполненные соломой длинные деревянные ящики в тесных каморках на втором этаже. Из окна каморки Этцвей-

на открывался вид на пристань. Солома, однако, не отличалась свежестью — ночью в глубине постели что-то тихо копошилось. Кроме того, предыдущий постоялец помочился в углу. В полночь Этцвейн, разбуженный каким-то звуком, встал и выглянул из окна. Кто-кто крался по причалу неподалеку от того места, где была пришвартована лодка. При свете звезд Этцвейн не мог толком разглядеть темную фигуру, но неравномерно подпрыгивающая походка любителя ночных прогулок свидетельствовала о сильной хромоте. Фигура осторожно спустилась с причала в одноместный ялик и стала тихо, без плеска, грести к лодке Ифнесса. Сложив весла и привязав ялик, фигура перебралась в лодку — и принялась судорожно плясать, окруженная языками голубого пламени. Волосы незадачливого вора встали дыбом и с треском сыпали искрами. Танцуя, нарушитель скорее случайно, нежели намеренно, заступил в очередном прыжке за борт и свалился в воду. Через несколько секунд он схватился за корму ялика, перевалился в него и стал поспешно грести обратно к причалу.

На рассвете Этцвейн поднялся с соломы и направился к рукомоynomкам на первом этаже, откуда уже выходил Ифнесс. Этцвейн сообщил историку о ночных событиях, не вызвавших у того заметного удивления. «Я этим займусь», — заверил его землянин.

На завтрак трактирщик не подал ничего, кроме хлеба с чаем. Он хромал больше, чем накануне, и злобно косился на Ифнесса, со стуком и звоном расставляя пиалы.

Ифнесс строго обратился к хозяину: «Поистине спартанская трапеза! Ночные приключения истощили вас настолько, что вы не в силах приготовить приличный завтрак?»

Трактирщик собрался было разбушеваться, но Ифнесс опередил его: «Разрешите напомнить, что вы находитесь здесь, а не пляшете в аду под музыку голубого пламени только потому, что я предпочитаю плотно завтракать по утрам. Требуется дальнейшие разъяснения?»

«Все ясно», — буркнул владелец заведения, проковылял в кухню и скоро принес котелок с тушеной рыбой, поднос с овсяными галетами и холодец из угрей: «Хватит, чтобы утолить

голод? Если нет, у меня еще есть ломоть отменного вареного эрминка и кулек свежего творога».

«Этого достаточно, — сказал Ифнесс. — Не забудьте: если по возвращении я не досчитаюсь в лодке какой-нибудь мелочи, вам снова придется отплясывать танец голубых искр».

«Вы неправильно истолковали мои наилучшие намерения! — заявил трактирщик. — Ночью я слышал подозрительный шум на причале и решил проверить, все ли в порядке».

«Если мы друг друга понимаем, больше не о чем говорить», — безразлично отозвался историк.

В таверну заглянули два соруха: «Вы готовы? Быстроходцы оседланы».

Этцвейн и землянин вышли наружу, поеживаясь от утренней прохлады. Четыре быстроходца нервно топтались на привязи, похрапывая и встряхивая загнутыми назад рогами. Насколько мог судить Этцвейн, сорухи выбрали породистых, выносливых животных, длинноногих и широкогрудых. На быстроходцах красовались седла степных кочевников из чумповой кожи, с сумками для провизии и решетчатым багажником сзади, позволявшим навьючивать палатку, одеяло и теплые ночные сапоги — Ифнессу и Этцвейну, однако, эти принадлежности сорухи предоставить отказались. Угрозы и угрозы ни к чему не приводили — прежде, чем проводники нашли необходимые припасы и оборудование, землянину пришлось расстаться с еще одним стеклянным камнем-хамелеоном.

Перед отъездом Ифнесс потребовал, чтобы сорухи формально представились. Оба были варшами, то есть принадлежали к Варскому клану и почитали тотем Колоколета. Усатого звали Гульше, а того, что с кольцом в носу — Шренке. Ифнесс демонстративно записал их имена синими чернилами на полоске пергамента, добавив сверху и снизу алые и желтые иероглифы. Сорухи с тревогой следили за его каллиграфическими упражнениями. «Это еще зачем?» — не выдержал Шренке.

«Обычные меры предосторожности, — пояснил землянин. — Я оставил звездные камни в тайнике и не везу с собой ничего ценного — если хотите, можете меня обыскать. Кроме

того, я наложил заклятие на ваши имена. В свое время я его сниму. Вы намерены нас убить и ограбить — это неразумно. Рекомендую заблаговременно отказаться от пагубных замыслов».

Гульше и Шренке хмуро молчали. Такой поворот событий их явно не радовал. «Так что же, поехали?» — предложил Ифнесс.

Все четверо вскочили в седла и выехали из Шиллинска на равнину Лазурных Цветов.

Кеба, окаймленная серебристыми альмаками, осталась позади и в конце концов исчезла за горизонтом. Со всех сторон простиралась в сиреневые солнечные дали равнина — однообразная сумятица широких ложбин и приплюснутых размытых холмов, покрытых рваными коврами сероватого темно-лилового мха и низкорослого кустарника, опушенного бесчисленными цветами, придававшими всему ландшафту глубокий лазоревый оттенок морской воды под безоблачным небом. Только на юге едва заметной голубой тенью виднелись горы.

Четверо всадников ехали весь день и перед наступлением темноты сделали привал в неглубокой сырой низине у ручейка шириной в ладонь. Вокруг походного костра установилась настороженно-дружелюбная атмосфера. Оказалось, что всего два месяца тому назад Гульше самому привелось участвовать в стычке с бандой рогушкочей: «Они спустились с Оргайских гор недалеко от Шахфе, где у хальков раболовецкая база. Медные бесы уже грабили базу дважды, убивая мужчин и уводя всех женщин, так что Хозман Хриплый, скупщик, хотел уберечь имущество и сулил полфунта чугуна за каждую отрубленную руку медного беса. Две дюжины всадников-сопругов решили разбогатеть. Я поехал с ними — но ничего мы не выручили. Стрелы от бесов отскакивают, а в рукопашном бою один бес стоит десятерых бойцов, так что мы вернулись в Шахфе с пустыми руками. Я уехал в Шиллинск на тайный совет варшей и великой битвы не видел — а в ней погибли все медные бесы, все до последнего!»

Ифнесс выразил сдержанное любопытство: «Следует ли вас понимать таким образом, что медных бесов разбили халь-

ки? Как это возможно, если один бес стоит десятерых бойцов?»

Гульше сплюнул в костер и не ответил. Шренке наклонился поворошить угли палкой — кольцо у него в носу переливалось оранжевыми отблесками: «Говорят, бесов уничтожили колдовским оружием».

«Хальки? Где они взяли волшебное оружие?»

«Хальки тут ни при чем».

«Даже так? Кому же принадлежит честь победы над медными бесами?»

«Ничего не знаю, я тоже был в Шиллинске».

Ифнесс не стал выяснять подробности. Этцвейн поднялся на ноги, выбрался из ложбины и попробовал разглядеть, что делается вокруг, но увидел только ночную тьму. Прислушиваясь, он не уловил ни звука. По-видимому, предстояла мирная ночь — им не угрожали ни чумпы, ни дикие ахульфы. Другое дело — проводники-сорухи. Та же мысль пришла в голову Ифнессу. Тот встал на колени перед костром, подбросил хвороста в огонь и, плавно помахивая разведенными в стороны руками, заставил пламя то шумно разгораться столбом, то расползаться языками, прижимаясь к земле в такт движениям рук. Сорухи наблюдали в изумлении. «Что вы делаете?» — с почтительным ужасом спросил Гульше.

«Заурядное заклинание против напасти во сне. Теперь огненный дух начнет пожирать печень любого, кто вздумает причинить мне вред, пока я сплю».

Шренке дернул себя за кольцо в носу: «Так вы и вправду колдун?»

Ифнесс встал и рассмеялся: «Сомневаетесь? Протяните руку!»

Шренке осторожно вытянул руку. Ифнесс выставил указательный палец — из него с треском вырвалась голубая искра, прыгнувшая на ладонь соруха. Шренке издал испуганный BLEЮЩИЙ смех и отпрянул, чуть не свалившись на спину. Гульше вскочил и поспешно отошел от костра.

«Пустьки, — заявил Ифнесс Иллинет, — детские забавы! Вы целы и невредимы, не так ли? Теперь вы помните о заклинании — значит, мы все будем спать спокойно».

Этцвейн расстелил одеяло и улегся. Побормотав между собой, Гульше и Шренке устроились чуть поодаль — там, где щипали мох стоявшие на привязи быстроходцы. Ифнесс не торопился — он сидел еще полчаса, неподвижно глядя на тлеющие угли. Наконец землянин вздохнул и тоже лег. Этцвейн наблюдал еще некоторое время за мерцанием глаз сурухов, напяливших на ночь кожаные колпаки, похожие на капюшоны, но веки его смежались: он спал.

Второй день почти не отличался от первого. После полудня третьего дня на равнине появились крутые горбы — здесь начинались отроги хребта Кузи-Каза. Проводники совещались, указывая друг другу на известные им ориентиры. Поздно вечером всадники поднялись на пустынное плоскогорье, усеянное известняковыми утесами и останцами. Заночевать решили у огромной карстовой воронки, заполненной зеркально-неподвижной темной водой. «Мы во владениях хальков, — сообщил Ифнессу Гульше. — Если они нападут, лучше разъехаться в разные стороны. Впрочем, вы, наверное, полагаетесь на колдовство».

«Поступим согласно обстоятельствам, — ответил Ифнесс. — Где кости медных бесов?»

«Недалеко, за первым хребтом. Разве вы не чувствуете эсмерик великой битвы, дух средоточия смерти?»

Историк отвечал спокойно и размеренно: «Рациональный интеллект, способный к полному самоконтролю, вынужден, к сожалению, поступиться инстинктивной чувствительностью, свойственной примитивному суеверному уму. В общем и в целом такой компромисс, на мой взгляд, оправдан, и представляет собой эволюционный шаг вперед».

Шренке дернул себя за кольцо в носу, будучи не уверен, следует ли воспринимать замечание Ифнесса как презрительный отзыв о его умственных способностях. Сорухи-варши озадаченно переглянулись и пожали плечами. Расстелив походные одеяла, они легли и о чем-то бормотали еще полчаса. Возникало впечатление, что Шренке настаивал на каких-то действиях, а Гульше упирался. Шренке прорычал пару руга-

тельств, Гульше отозвался примирительной фразой. Оба, наконец, замолчали.

Этцвейн тоже завернулся в одеяло, но не мог уснуть, одолеваемый бессознательной, необъяснимой тревогой. «Надо полагать, — сказал он себе, — мой ум примитивен и суеверен».

Ночью он то и дело просыпался, прислушиваясь. Как-то раз издали донеслось тьяканье повздоривших ахульфов. В другой раз, отражаясь многократным эхом от гигантских каменных столбов, ночь над плоскогорьем наполнило медоточивое, прерывисто-сладострастное уханье. Этцвейн не мог угадать происхождение этого звука, но у него почему-то мурашки побежали по коже. Он не помнил, как после этого заснул, но когда открыл глаза снова, небо уже озарилось сиреневым предвестием восхода трех солнц.

Угрюмо позавтракав сушеными фруктами с чаем, четыре всадника отправились дальше, постепенно набирая высоту между осыпями стен широкого известнякового каньона, потом выехали на суховатый альпийский луг, местами поросший группами висельных деревьев, и стали снова подниматься по каменистой безжизненной долине. Над ними высился почти двухсотметровый отвесный утес с остатками кладки бруствера разрушенной крепости на вершине. Проводники задержались, с сомнением разглядывая тропу впереди.

«В замке кто-то есть?»

«Кто его знает? — ворчал Гульше. — Свято место пусто не бывает. Всякая нечисть водится — разбойники, людоеды... Того и гляди сбросят камень на голову — держи ухо востро!»

Шренке указал скрюченным пальцем: «В развалинах гнездятся лироклювы — можно ехать».

«Место сражения еще далеко?» — спросил Ифнесс.

«Час езды, осталось перевалить через бугор — его уже видно... Подстегните волов, давайте-ка теперь поживее. Лироклювы гнездятся где попало, а от старого бандитского логова добра не жди».

Искатели костей резво пустились вскачь вверх по тропе, но древняя крепость не нарушила молчания — только вспорхнули недовольные лироклювы.

Скоро они уже спускались с перевала. Гульше показал вперед на темнеющую массу горы, прикорнувшей над обширной долиной подобно гигантскому спящему зверю: «Медные бесы подступали к Шахфе — туда, на север — если присмотреться, уже частокол видно... Рано утром на них напали люди, занимавшие позиции ночью. Бесов окружили. Сражение длилось два часа — всех бесов перебили... вместе с чертенятами и пленными женщинами, а победители построились и ушли на юг... больше их не видели... Тайнственное дело! Смотрите: здесь было стойбище медных бесов. Значит, поле битвы где-то рядом... А! Чуете? Трупный запах!»

«Костей там видимо-невидимо! — Шренке лукаво ухмылялся. — Что же получается? Оправдались ваши ожидания?»

Ифнесс молча двинулся вперед, рассматривая останки погибших. Всюду валялись трупы рогушкоев, оцепеневшие в предсмертных судорогах, с неестественно вывернутыми конечностями. Разложение началось давно. Нескольким ахульфам пришла в голову блестящая идея полакомиться черной плотью рогушкоев — отважные экспериментаторы расползлись по склонам и сдохли, свернувшись мохнатыми клубками.

Ифнесс сделал большой круг, объезжая поле сражения и внимательно приглядываясь к телам. Время от времени он спешился, подробно изучая очередную грудку вонючей красновато-черной падали. Этцвейн отъехал чуть в сторону, чтобы без помех наблюдать за обоими сорухами. Ифнесс вернулся и натянул поводья рядом с Этцвейном: «Ну, что вы обо всем этом думаете?»

«Я в замешательстве — да и вы тоже».

Ифнесс покосился на музыканта, неодобрительно вскинув брови: «Почему вы считаете, что я в замешательстве?»

«Потому что раны нанесены рогушкоев не саблями и не палицами».

«Хм. Что еще вы заметили?»

Этцвейн протянул руку: «Вон тот, в нагруднике из кольчуги — явно из атаманов. У него выжжена грудь. Поселившаяся в нем асуutra уничтожена. На поле еще несколько мерт-

вых атаманов с такими же ранами. Люди, убивавшие этих рогушкоев, знали о существовании паразитов».

Землянин хмуро кивнул: «По всей видимости».

Проводники-сорухи подъехали с натянутыми улыбками. Шренке гостеприимно обвел рукой мрачный пейзаж: «Что скажете? Уйма отборных костей — никто и не думал их растаскивать!»

«Некондиционный товар! — отрезал Ифнесс. — До тех пор, пока кости не будут очищены и высушены, пока их не доставят в пригодных к погрузке связках к причалу в Шиллинск, я не могу предложить определенную цену».

Опечаленный Гульше теребил пушистый ус. Шренке не отличался сдержанностью: «Я так и думал! Мошенничество! — закричал он. — Никто не гарантирует нам прибыль — мы впустую потратили время и средства. Ваши условия неприемлемы, я не позволю их навязывать!»

Ифнесс холодно отвечал: «По возвращении в Шиллинск я вдвойне возьму расходы вам и вашему товарищу. Не спорю: вы сделали все возможное. Тем не менее, не могу обещать, что скуплю поле полуразложившихся трупов только для того, чтобы удовлетворить вашу алчность. Вам придется найти другого покупателя».

Физиономия Шренке скривилась в яростной гримасе — он прикусил кольцо в носу нижними, по-собачьему острыми клыками. Гульше остановил его предупреждающим жестом: «Разумные возражения. Невозможно отрицать, что наши друзья не могут отягощать себя товаром в его нынешнем состоянии. Уверен, что мы сможем заключить взаимовыгодное соглашение. Через год кости высохнут под солнцами, падаль выветрится. Если их нужно доставить скорее, можно нанять рабов, чтобы те выварили трупы и отскоблили скелеты. А пока что давайте покинем скверное, вонючее побоище — здесь я не могу избавиться от дурных предчувствий».

«Тогда поехали в Шахфе! — прорычал Шренке. — Давно пора осушить горшок-другой медовухи из погреба Быббы».

«Один момент, — сказал Ифнесс, рассматривая противоположный склон. — Меня интересует отряд, уничтоживший медных бесов. Куда победители ушли после сражения?»

«Обратно — туда, откуда явились! — Шренке злобствовал. — Куда еще?»

«Они не показывались в Шахфе?»

«Вот приедем в Шахфе — там и спрашивайте!»

Этцвейн заметил: «Их могли бы выследить ахульфы».

«С тех пор прошел месяц, след простыл, — возразил историк. — К тому же в этих местах трудно нанять надежных ахульфов».

«В Шахфе, без сомнения, удастся что-нибудь разузнать», — предложил Гульше.

«Чего мы ждем? — торопился Шренке. — У старого Быб-бы вино прокиснет!»

Ифнесс задумчиво смотрел на далекий частокол Шахфе. Сорухи уже скакали вниз по пологому склону. Придержав воллов, они обернулись, размахивая руками: «Поехали! Скоро вечер — Шахфе близко!»

«Что ж, — сказал Ифнесс, — заедем в Шахфе».

Шахфе, селение унылое и захудалое, пеклось в сиреневом солнечном свете. Примитивные мазанки жались одна к другой вдоль единственной улицы, выветрившейся до испещренной рывтинами скальной основы. За хижинами виднелись редкие, разбросанные по долине кожаные юрты. Господствующее положение над поселком занимало бесформенное глинобитное строение с плоской крышей — постоянный двор с кабаком. Поблизости скрипучий ветряк качал воду из колодца в бак, переливавшийся в желоб. У желоба струдилась на корточках шайка ахульфов, пришедших напиться. Ахульфы принесли куски горного хрусталя и уже успели выторговать тряпки — их слуховые шишки были перевязаны заливхватски-ми горчично-желтыми бантами.

Въезжая в Шахфе, всадники миновали загон для рабов: три навеса, окружавшие огражденный внутренний двор, где томились десятка два мужчин, столько же женщин и несколько дюжин мутноглазых детей.

Натянув поводья, Ифнесс обратился к Гульше: «Кого тут держат, местных жителей?»

Сорух смотрел на пленников без интереса: «По-моему, нездешние — наверное, гетман сбыл лишних людей из клана. Может быть, хальки устроили в горах облаву. Кое-кого ловят на свой страх и риск и продают частные предприниматели». Гульше издал странный сдавленный смешок: «Короче говоря, люди, неспособные избежать рабства. Тут у нас никто не распоряжается — каждый заботится о себе сам».

«Безрадостное существование!» — с отвращением заметил Этцвейн.

Гульше недоуменно обернулся к нему, бросив на Ифнесса вопросительный взгляд — будто сомневаясь, в здравом ли уме его спутник. Землянин мрачно улыбнулся: «Кто покупает рабов?»

Гульше пожал плечами: «Нынче всех забирает Хозман Хриплый — причем платит полновесным металлом».

«Вам, как я вижу, все детали этой коммерции хорошо известны!» — не удержался от колкости Этцвейн.

«А почему бы и нет? — приподнялся в стременах Шренке. — Мы зарабатываем, как можем! По-моему, настало время объясниться начистоту!»

«Да, время настало! — сказал Гульше и выхватил тяжелый длинный нож из полированного черного стекла. — Колдовство не защитит от острого ножа — разрублю обоих, как пару спелых дынь! Слезайте с быстроходцев, встаньте лицом к загону!»

Ифнесс Иллинет вкрадчиво полюбопытствовал: «Насколько я понимаю, вы вознамерились устраивать нам неприятности?»

«Мы деловые люди! — громогласно объявил Шренке. — Нам нужно на что-то жить. Если нельзя продать кости, можно продать вас двоих — для чего, по-вашему, мы приехали в Шахфе? Я тоже неплохо управляюсь с метательным ножом. Слезайте!»

«Унизительно быть захваченным в рабство прямо перед загоном для рабов, — укоризненно покачал головой Ифнесс. — Вы не проявляете ни малейшего уважения к нашему достоинству, и хотя бы только по этой причине мы отказываемся подчиниться вашему требованию».

Шренке расхохотался. Под щетинистыми усами Гульше прорезалась тонкая линия желтых зубов: «Спешивайтесь, живо!»

Этцвейн тихо спросил: «Вы забыли про заклятие, наложенное в Шиллинске?»

«Наши головы сто раз прокляты — одним заклятием больше, какая разница? — Гульше потряхивал лезвием. — Ну-ка слезайте!»

Ифнесс пожал плечами: «Вынужден подчиниться необходимости... Капризы судьбы непредсказуемы». Устало спешиваясь, землянин оперся рукой на круп быстроходца. Вол неистово замычал от боли и скачком бросился вперед, опрокинув быстроходца Гульше — усатый сорух вылетел из седла. Шренке метнул лезвие в Этцвейна, но тот уже соскочил на землю — нож просвистел над пустым седлом. Пробежав два шага, Ифнесс быстро потянулся вверх и схватил Шренке за кольцо в носу. Сползая с седла, Шренке издавал дрожащий свист, не в силах визжать от боли. «Держите его за кольцо, — проинструктировал Этцвейна Ифнесс, — и больше не позволяйте своевольничать». Землянин подошел к ушибленному падением на спину Гульше, со стонами и проклятиями пытавшемуся приподняться, хватаясь за землю. Ифнесс по-товарищески положил ему руку на плечо. Гульше судорожно дернулся и растянулся плашмя. «Боюсь, мне придется отобрать у вас нож, — вежливо обратился Ифнесс к закатившему глаза усачу. — Вам он больше не пригодится».

Этцвейн и Ифнесс вели на поводу четырех быстроходцев, поднимаясь по улице к глинобитному кабаку. Необычно возбужденный историк разговорился: «Шесть унций серебра за двух сильных, здоровых мужчин: негусто. Вероятно, нас надули. Так или иначе, неважно. Зато нашим проводникам будет полезно познакомиться с обратной стороной работорговли. Некоторым историкам такой практический опыт тоже помог бы увидеть вещи с новой точки зрения... Нет, нехорошо! Даже Дасконетта этого не заслуживает. Кроме того, если я начну продавать коллег в рабство, меня могут неправильно

понять. Я почти сожалею, что нам пришлось расстаться с Гульше и Шренке. Колоритные личности!»

Обернувшись через плечо, Этцвейн взглянул на загон для рабов. Если бы не аккумуляторная батарея Иффесса, сейчас он выглядывал бы из-за прутьев ограды. И все же... Он знал, чем рисковал, когда уезжал из Гарвия. Он сам предпочел тягостный путь, отказавшись от безопасной, полной развлечений жизни музыканта.

Иффесс продолжал рассуждать вслух: «Сожалею, что нам не удалось расспросить сорухов подробнее... Тем временем мы приближаемся к местному странноприимному дому. По сравнению с ним даже заведение в Шиллинске кажется роскошным дворцом. Здесь не следует представляться волшебниками или исследователями. Даже купцами лучше себя не называть. Самое престижное занятие в Шахфе — работоторговля. Отныне мы с вами — скупщики рабов».

Подойдя к постоялому двору, спутники задержались, чтобы осмотреть окрестности. Наступил теплый безоблачный полдень. Малые дети ползали в придорожной пыли. Поодаль, между юртами, дети постарше играли в охоту на рабов — одна ватага гонялась за другой, пытаясь накинуть веревочные петли на уворачивающихся беглецов. У желоба под ветряком три коренастые черноволосые бабы в кожаных штанах и соломенных накидках сидели на корточках и дразнили ахульфов. Бабы колотили ахульфов длинными палками по чувствительным ногам каждый раз, когда те пытались пить. В ответ ахульфы кидались комками грязи и заливались злобным лаем.

Вдоль дороги дюжина потертых личностей, тоже в соломенных накидках, но подлиннее и погрязнее, сидели на земле, предлагая прохожим меновой товар — горки темно-красной муки, жесткие полоски вяленого мяса, иссиня-черных личинок величиной с палец, копошащихся в квадратных корзинах из влажного мха, жирных блестящих зеленых жуков, привязанных нитями к воткнутому в землю палкам, сахарные стручки, вареную птицу, кардамоны, похожие на ломаную штукатурку куски соляной корки. Наверху — необъятное слепящее небо, внизу — необъятная знойная долина, далеко на

востоке — группа всадников: дрожащие в серебристом мираже темные точки, за ними сиреневые клубы пыли...

Пригнувшись, Ифнесс и Этцвейн спустились в кабак через отверстие в глинобитной стене. В темном помещении пахло гниловатой влажной землей. На полке за стойкой стояли три большие бочки. Посетителей было человек пятнадцать. Они сидели на табуретах за грубо сколоченными столами с глиняными пиалами кислого гранатового вина и кружками знаменитого варева из погреба. Разговоры смолкли: присутствующие пристально, напряженно разглядывали новоприбывших. Единственным (и едва ли достаточным) источником освещения служил зияющий полуденным зноем входной пролом. Ифнесс и Этцвейн долго оглядывались, пока их глаза привыкали к полутьме.

К ним прошаркал низенький, обнаженный до пояса человек с длинными седыми волосами, в кожаном переднике и высоких сапогах — по-видимому гостей встречал владелец заведения, Быбба. Старик поинтересовался: что угодно господам иностранцам? Он говорил на гортанном диалекте, настолько непривычном для ушей Этцвейна, что тот скорее угадывал, нежели понимал значение фраз.

Ифнесс достаточно успешно подражал местному выговору: «Что вы можете предложить желающим переночевать?»

«Все самое лучшее! В Шахфе лучше нет — этого никто не станет отрицать! — без тени улыбки заявил Быбба. — Зачем вы спрашиваете, из чистого любопытства?»

«Нет. Покажите нам все самое лучшее».

«Что может быть проще? Будьте любезны, следуйте за мной». Быбба провел их по дурно пахнущему коридору мимо примитивной кухни, где булькал на огне громадный котел с кашей, на пустой внутренний двор, открытый в центральной части, но по периметру защищенный наклонной крышей: «Устраивайтесь, как хотите. Во время дождя ветер обычно налетает с юга, так что южная сторона — самая сухая».

Ифнесс величественно кивнул: «Нам это подойдет. Как насчет быстроходцев?»

«Я отведу их в стойло и принесу каждому по охапке сена — с условием, что вы в состоянии рассчитаться. Как долго вы намерены оставаться в Шахфе?»

«Пару дней — а то и дольше, в зависимости от того, как пойдут дела. Мы торгуем рабами. Нам поручено купить дюжину выносливых медных бесов. Правитель портового города на восточном берегу желает пополнить команду гребцов на своей галере. Говорят, однако, что бесов уничтожили — прискорбное известие!»

«Прискорбное для вас — радостное для меня! Бесы собирались напасть на Шахфе: что осталось бы от моей гостиницы?»

«Вероятно, победители захватили в плен какую-то часть бесов и могли бы их продать?»

«Не думаю. Но в кабаке сидит Фабраш Везучий Утопленник — он утверждает, что видел битву своими глазами. Кто может доказать обратное? Если вы ему поставите кружку-другую медовухи, язык у него развяжется — это как пить дать!»

«Удачная мысль! А теперь, во что обойдутся ночлег и пропитание для нас двоих и для наших быстроходцев?»

Ифнесс и Быбба принялись торговаться. Прекрасно понимая, что щедрость будет рассматриваться как признак неопытности и приглашение к ограблению, Ифнесс изображал неуступчивого скупого дельца. Через пять минут спорщики ударили по рукам — двух унций серебра оказалось достаточно, чтобы оплатить самое высококачественное пропитание и ночлег на пять дней вперед.

«Будь по-вашему, — сказал Ифнесс, — хотя, как всегда, я позволил записному краснобаю склонить меня к безобразному расточительству! Пора побеседовать с Фабрашем Везучим Утопленником. Кстати, каким образом он приобрел это прозвище?»

«Детская кличка, не более того. Три раза мать выбрасывала его в отстойник еще в младенчестве — три раза он упорно всплывал и выкарабкивался из грязи. Отчаявшись, она махнула на него рукой, и с тех пор называла не иначе как «везучим утопленником». Теперь Фабраш заявляет, что ничего не боит-

ся, предлагая своему бесстрашию разумное объяснение: если бы бог смерти Гаспар хотел прибрать его к рукам, то не пренебрег бы первой возможностью...»

Быбба провел гостей обратно в кабак и провозгласил: «Представляю честной компании благородных Ифнесса и Этцвейна, прибывших в Шахфе, чтобы приобрести рабов!»

Завсегдатай, сидевший в стороне, разочарованно простонал: «Теперь они будут конкурировать с Хозманом, и цены взлетят еще выше?»

«Их интересуют медные бесы. Насколько я знаю, Хриплый ими не торгует, — Быбба повернулся к высокому, тощему субъекту с унылым вытянутым лицом и похожей на черную сосульку бородкой, начинавшейся где-то около шеи. — Как по-твоему, Фабраш, сколько медных бесов выжило?»

Фабраш отвечал охотно, но вызывающе, как человек, привыкший, что ему противоречат: «В Миркильской долине, то есть вокруг Шахфе, медные бесы вымерли. Я встречался с людьми из племени чаргов с южных склонов за хребтом Кузи-Каза. По их словам, банды медных бесов объединились в одну орду и ушли на север. Через два дня я видел, как армия чародеев уничтожила ту самую орду. Всех бесов перебили, всех до единого, даже трупы продолжали расстреливать! Никогда ничего подобного не видел!»

«И что же, чародеи никого не брали в плен?» — спросил Ифнесс.

«Никого. Расправившись с медными бесами, построились и промаршировали на восток. Я спустился на поле сражения, чтобы собрать брошенный металл, но не тут-то было! Ахульфы меня опередили — все растащили, лукавые твари! Этим дело не кончилось. Обернувшись в сторону Шахфе, я видел, как в воздух поднимается — легко, беззвучно, как перышко — огромный корабль. Я только рот открыл, а он уже исчез в облаках!»

«Чудесное видение! — объявил Ифнесс. — Хозяин, по-дайте Фабрашу кружку медовухи!»

Этцвейн спросил: «Корабль был круглый, сплюсненный, как диск, ржаво-бронзового или медного оттенка?»

Фабраш-Утопленник отрицательно мотал головой, болтая бородой-сосулькой: «Нет, нет, это был шар, черный шар невероятной величины! Но бронзовые диски тоже видели — когда в небе гремела великая битва звездолетов. Диски и черные шары жгли друг друга огненными лучами».

Ифнесс с пониманием кивнул, бросив в сторону Этцвейна предупреждающий взгляд: «Мы слышали о битве звездолетов. Восемь бронзовых кораблей сожгли шесть черных шаров над... не помню, как называлось это место...»

Трое завсегдатаев кабака одновременно поспешили поправить землянина: «Неправда, не так это было! Четыре черных шара сражались с двумя дисками! Бронзовые диски развалились на части и обрушились на землю!»

«Может быть, мы говорим о разных битвах? — удивился Ифнесс. — Где и когда происходило то, о чем вы рассказываете?»

«Позавчера! Все только и говорят, что о битве звездолетов. Неслыханное дело! У нас такого еще не бывало».

«Где именно, в каком месте?» — не успокаивался Ифнесс.

«Там, в Оргайских горах, — махнул рукой Фабраш. — Под Три-Оргаем. Я в тех краях не бывал».

«Чудеса в решете! Можно подумать, на Миркиле свет клином сошелся! — возмутился Быбба. — Три-Оргай в двух днях пути, если вол не подведет».

«Мы как раз ехали в том направлении, — сообщил Ифнесс. — Любопытно было бы узнать, что делается в Оргайских горах». Историк обратился к Везучему Утопленнику: «Вы не согласились бы послужить нам проводником?»

Фабраш дернул себя за бородку, наклонился к выпивохам за соседним столом: «Что слышно о Гогурском клане? Уже двинулись на запад?»

«Сорухов-гогуршей бояться нечего, — откликнулся приятель. — Они собрались на юг за крабами к Урман-озеру. В Оргаем почти спокойно — само собой, если не считать Хозмана Хриплого, чтоб его разорвало!»

Снаружи, у выхода-пролома, слышались топот копыт, скрип кожи, грубые голоса. Старик-кабатчик выглянул на улицу, обернулся через плечо: «Кащи, тотем Синих Червей!»

Два посетителя поспешно вскочили и скрылись в коридоре, ведущем к заднему входу. Пьяный голос окликнул Фабраша из угла: «Утопленник, а ты что расселся? Будто не ты сплавил Хозману четырех девиц из стойбища Синих Червей!»

«Торговые сделки в кабаке я не обсуждаю! — огрызнулся Фабраш. — В любом случае, это было в прошлом году».

Приезжие ввалились в кабак. Потоптавшись, озираясь, в полутьме, они прошагали к столам и принялись стучать кулаками, требуя выпивки. Их было девять человек — дюжие, круглолицые, с чахлыми бородками бахромой, они носили штаны из мягкой кожи, черные сапоги с нашивками, инкрустированными кремнями, рубахи из поблекшего оливково-зеленого джута. На макушках у них торчали легкие остроконечные каски, сшитые в несколько слоев из сухих стручков и шумевшие, как трещотки, при каждом движении головы. Этцвейн слегка отшатнулся, неприятно пораженный нахальным отсутствием манер и напоминавшими скотный двор запахами, сопровождавшими появление головорезов.

Часто мотая головой — отчего резонирующая каска оглушительно трещала — старший каш проревел: «Где ахульфово отродье, скупающее рабов втридорога?»

Фабраш испуганно отозвался: «Хозмана нет».

Кабатчик Быбба осторожно поинтересовался: «У вас есть рабы на продажу?»

«А как же! Все вы тут на продажу — кроме хозяина. С этой минуты считайте себя собственностью кашей!»

Фабраш возмутился: «Как это так? В кабаке вольному воля — таков обычай испокон веков!»

«Кроме того, — резко заявил Быбба, — я не допущу никаких потасовок. Кто сюда придет, если постояльцев будут силой уволакивать? Возьмите назад свои слова!»

Старый каш ухмыльнулся до ушей и снова затрещал каской: «Ладно, раз вы упираетесь, придется подождать. Убыток, однако! Где Хозман Хриплый? У кашей к нему большие претензии — кому он сбывает столько наших людей?»

«Этот вопрос задают многие, а ответа еще никто не получил, — тряхнул седой гривой Быбба. — Хозмана Хриплого в Шахфе нет, и мне ничего не известно о его намерениях».

Гетман Синих Червей огорченно грохнул кулаком по столу: «Тогда тащи медовуху из погреба, да и каши подай — чую, варится!»

«Будет сделано. Чем изволите платить?»

«У нас пять мехов сальноплодного масла».

«Хорошо, несите масло, — сказал Быбба. — А я пойду в погреб нацедить медовухи».

Обошлось без кровопролития. Кабатчик затопил камин. Весь вечер Ифнесс и Этцвейн сидели в стороне и наблюдали за плотными приземистыми фигурами на табуретах, хохотавшими и спорившими в скачущих тенях беспокойного пламени. Этцвейн пытался понять: чем эти громогласные поглотители горячительных напитков отличались от обитателей Шанта, несмотря на разнообразие последних? Напряженностью эмоций, способностью самозабвенно упиваться мимолетным мгновением, не вспоминая о завтрашнем дне — свобода случайна и эфемерна, рабство закономерно и долговечно. В Каразе самые обычные слова и поступки провоцировали преувеличенную реакцию — здесь смеялись до слез, задыхаясь, до боли в ребрах, здесь ярость вспыхивала внезапным, необузданным ураганом, здесь скорбь была невыносима настолько, что смерть становилась желанным облегчением. Каждому аспекту существования кочевники и горцы приписывали огромное значение, на каждую деталь обращали пристальное внимание, ничто не проходило незамеченным. Частые потрясения, резкие перепады настроений не оставляли времени для размышлений. Этцвейн не мог не спрашивать себя: как раболов-хальк или каш из клана Синих Червей мог стать музыкантом, если он от рождения неспособен к терпеливому сосредоточению? Дикие пляски вокруг костров, попойки и резня — таковы увеселения варваров...

В конце концов Ифнесс и Этцвейн удалились на покой — раньше остальных. Завернувшись в походные одеяла под навесом во дворе, они отдыхали после утомительного дня. Этцвейн прислушивался к приглушенной сумятице голосов, доносившихся из кабака. Он хотел бы знать, что землянин думал о битве звездолетов в небе над Три-Оргаем, но воздер-

жался от расспросов, опасаясь язвительного или уклончивого ответа. Если асутры или их «слуги-хозяева» управляли бронзовыми летающими блюдцами, кто построил черные кораблешеры? Чья армия людей, вооруженная испепеляющим оружием, уничтожила орду рогушкоев? Почему люди-чародеи, рогушкой, бронзовые звездолеты и огромные черные шары, летающие, как пушинки, решили драться именно здесь, в верховьях Кебы, в глуши центрального Караза, на Дердейне? Этцвейн не вытерпел и, повернувшись к историку, осторожно спросил: «Применяются ли жителями земных миров Ойкумены черные звездолеты сферической формы?»

Вопрос был сформулирован точно и кратко — Ифнесс не мог ни к чему придраться. Землянин спокойно ответил: «Насколько мне известно, нет». Помолчав, он добавил: «Я озадачен не меньше вашего. По-видимому, еще до столкновения с людьми асутры нажили себе врагов среди других обитателей космоса — возможно, человекообразных врагов».

«Такая возможность сама по себе оправдывает нарушение любых инструкций Дасконетты!» — заявил Этцвейн.

«Пожалуй, что так».

Каши из клана Синих Червей спали снаружи, под открытым небом, каждый рядом со своим быстроходцем. Ифнесс и Этцвейн провели безмятежную ночь. В розовато-лиловых предрассветных сумерках Быбба принес им две кружки горячей медовухи с плавающими, как в супе, комками местной брынзы: «Если хотите добраться до Три-Оргая, выезжайте пораньше. Тогда к вечеру успеете пересечь Большую Пустошь и сможете провести ночь на деревьях у берегов Вуруша».

«Полезный совет, — кивнул Ифнесс. — Приготовьте нам на завтрак жареного мяса с хлебом и пошлите кого-нибудь разбудить Фабраша. Кроме того, мы предпочли бы выпить чаю — напиток из вашего погреба превосходен, но с утра крепковат».

«Фабраш тут как тут, — сообщил кабатчик. — Хочет уехать, пока Синие Черви не опохмелились. Завтрак уже готов — каша и саранчовый паштет. Я всем подаю одно и то же.

Могу заварить горшок чаю из перечной травы, если хотите. Жжет язык, но голову прочищает».

Ифнесс не стал возражать: «Привяжите у входа трех быстрогоходцев. Мы отправимся как можно скорее».

Глава 5

Кащи из клана Синих Червей уже ворочались и просыпались, когда Ифнесс, Этцвейн и Фабраш вскочили в седла и тронулись в путь. Один из разбойников прорычал проклятие, другой приподнялся, глядя вслед отъезжающим, но предпочел не утруждать себя спросонок.

Покинув Шахфе, три всадника ехали на запад по Большой Пустоши — солончаку, простиравшемуся в необозримую слепящую даль. Копыта волов мягко опускались в едкую пыль на чуть желтоватой соляной корке. По пустоши беззвучно кружились десятка полтора смерчей: как танцоры, исполняющие павану, вихри поочередно то уносились, нервно покачиваясь, за горизонт, то стремительно возвращались — одни, высокие и стройные, змеями взвивались в безоблачное небо, другие, потеряв всякое достоинство, метались поземкой, бесцельно расплзаясь и испуская дух маленькими облачками.

Первое время Фабраш часто оборачивался, опасаясь увидеть темные силуэты пустившихся вдогонку кашей — но жалкое скопление хижин скоро исчезло в пепельно-сиреневой дымке, и проводник несколько приободрился. Искоса поглядывая на Ифнесса, он осторожно произнес: «Вчера вечером мы не заключили формальное соглашение, но я полагаю, что мы странствуем как союзники, и что ни одна из сторон не попытается поработить другую».

Ифнесс поддержал его точку зрения: «По сути дела, мы мало интересуемся работоторговлей. По пути в Шахфе мы продали пару отборных сорухов, но, откровенно говоря, охота на рабов — неблагоприятное и рискованное занятие, по крайней мере в Миркильской долине».

Фабраш кивнул: «В наших краях переловили всех, кого могли. С тех пор, как этим занялся Хозман Хриплый, население уменьшилось наполовину. Раньше у кабака в Шахфе всегда можно было встретить приезжих — полюбоваться на чужеземные наряды, послушать незнакомый говор. В каждом клане хальков насчитывалось от трех до семи стойбищ со своими тотемами. Сорухи навевались из округи Шиллинска, алулы — с берегов озера Ниор, горцы спускались с перевала Кузи-Каза. Мелкий работорговец вроде меня мог сводить концы с концами и даже содержать пару наложниц. Хозман Хриплый всему положил конец. Теперь, чтобы с голоду не помереть, приходится ездить за тридевять земель».

«Кому Хозман Хриплый сбывает товар?»

Фабраш раздраженно шмыгнул носом: «Хозман умеет держать язык за зубами. В один прекрасный день он получит свое! Эх, было времечко, да прошло! А теперь весь мир будто с цепи сорвался: битвы звездолетов, грабежи и погромы медных бесов, Хозман Хриплый и его сумасшедшие цены — кто ж за ними угонится? Откуда он берет столько металла? Он всех нас разорит и продаст в рабство — в Миркиле не останется ни души. Что он тогда будет делать? Уедет грабить в другие места?»

«Надеюсь познакомиться с Хозманом, — задумчиво сказал Ифнесс. — Он наверняка расскажет много любопытного».

«Хозман-то? Как же! Чумпу, измученную запором, проще заставить разговориться!»

«Поживем — увидим».

Горизонт мало-помалу прояснялся, смерчи исчезли. Помимо удручающего засушливого зноя, троих всадников ничто не тревожило. После полудня они достигли первых отрогов седого Оргая — Большая Пустошь осталась позади. Когда три солнца закатились за горы, спутники перевалили через крутой холм — их взорам открылась полноводная река Вуруш, порожденная снегами Три-Оргая и бодро струившаяся в северные просторы. Внизу, у самой воды, темнела роща приземистых скрюченных тисов. Здесь, несмотря на многочисленные следы чумп, Фабраш решил устроить привал.

«Чумпы тут везде, от них никуда не спрячешься, — объяснил проводник, — а ночевать где-то надо. Если потребуется, втроем их можно отогнать горящими сучьями».

«Значит, придется сторожить по очереди?»

«Зачем же? Пожалуют чумпы — быстроходцы станут храпеть. А я разожгу огонь поярче».

Привязав волов к дереву, Фабраш развел на берегу большой костер. Пока Ифнесс и Эттивейн собирали на ночь запас смолистых тисовых ветвей, Фабраш успел наловить, почистить и поджарить дюжину речных крабов. Кроме того, он испек на плоских камнях несколько мучных лепешек. «Ловко вы управляетесь, — похвалил его Ифнесс. — Не успеешь оглянуться, а ужин готов!»

Фабраш Везучий Утопленник уныло покачал головой: «Крабов ловить невелика наука. Вечно живу впроголодь, вот и научился. А больше я ничего не умею — так что ваши комплименты меня скорее огорчают, нежели радуют».

«Уверен, что у вас есть и другие полезные навыки».

«Ну, многие считают, что я неплохой брадобрей. Еще я умею веселить народ, изображая совокупление ахульфов, с хрюканьем и визгом — очень похоже получается. Вот и все мои достижения. Через десять лет после смерти никто обо мне и не вспомнит. Дожди и ветры смешают мой прах с пыльной землей Караза. Все же, как-никак, мне повезло — по сравнению с большинством. Я часто задумываюсь: почему мне выпало прожить жизнь Кирила Фабраша?»

«Подобные мысли время от времени посещают каждого из нас, — изрек Ифнесс Иллинет. — Тем не менее, ввиду отсутствия фактических свидетельств прогрессирующего переселения душ задавать себе такие вопросы бессмысленно». Землянин поднялся на ноги и огляделся: «Полагаю, медные бесы не заходили так далеко на запад?»

Обиженный безразличием Ифнесса к поискам смысла жизни, Фабраш сухо ответил: «Они даже до Шахфе не дошли». Проводник ушел позаботиться о быстроходцах.

Ифнесс поднял голову к вершинам темного хребта — в северном небе в лучах заходящих солнц еще горел лиловым пламенем заснеженный пик-трезубец Три-Оргая. «В таком

случае битва звездолетов, возможно, никак не связана с гибелью рогушкоев, — бормотал историк. — Завтра предстоит интересный день». Ифнесс, редко жестикулировавший, решительно рассек ладонью воздух: «Если я смогу продемонстрировать звездолет — пусть даже остатки разбившегося звездолета — моя репутация спасена! Дасконетта позеленеет от злости, он уже и сейчас, наверное, локти грызет... Остается надеяться, что в сплетнях местных жителей есть доля правды — нужно во что бы то ни стало найти упавший звездолет!»

Этцвейн, в принципе не одобрявший мелочный характер побуждений землянина, заметил: «Чем один разбившийся звездолет важнее другого? Космические корабли строят много тысяч лет. На планетах Ойкумены звездолетом, наверное, и ребенка не удивишь».

«Бесспорно! — заявил Ифнесс, все еще возбужденный картиной воображаемого триумфа. — Никого не удивляют достижения человека. Другое дело — достижения иных цивилизаций».

«Какая разница? — не унимался Этцвейн. — Железо есть железо, стекло есть стекло — и на Дердейне, и на другом конце Вселенной!»

«Опять же, вы правы! Элементарные закономерности известны любым мыслящим существам. Но познание безгранично. Каждое множество очевидных на первый взгляд аксиом может быть изучено с нетривиальной точки зрения, проанализировано в новом измерении. Число возможных взаимосвязанных уровней познания бесконечно. Наши представления могут относиться к одному уровню, представления иной цивилизации — к другому. Возможно даже существование полностью независимых фаз или областей познания — достаточно вспомнить о парапсихологии. В условиях бесконечности все возможное существует: таков основополагающий принцип космоса. Например, в двигателях чужих звездолетов могут применяться неизвестные человеку эффекты — что имеет огромное значение не только в философском отношении». Ифнесс остановил взгляд на пламени костра: «Должен заметить, что увеличение объема знаний не обязательно бла-

готоворно. Изобретения нередко опасны, несвоевременные догадки — пагубны».

«Почему же вы спешите обнародовать свое открытие?» — спросил Этцвейн.

Историк усмехнулся: «Прежде всего мне, как любому человеку, свойственно такое стремление. Во-вторых, я принадлежу к замкнутому кругу специалистов — Дасконетта из него, разумеется, будет исключен — достаточно компетентных для того, чтобы контролировать распространение самых опасных сведений. В третьих, почему бы я стал отказываться от личных преимуществ? Если я предъявлю Историческому институту космический корабль, построенный за пределами Ойкумены — пусть даже обломки потерпевшего крушение звездолета — мой престиж, моя репутация будут неоспоримы!»

Этцвейн занялся приготовлением постели, подозревая, что из трех доводов Ифнесса решающую роль играл только последний.

Ночь прошла без происшествий. Этцвейн трижды просыпался — где-то вдали гулко бурчали чумпы, где-то еще дальше откликнулась шайка ахульфов — но лагерь на берегу реки никто не потревожил.

Фабраш встал до рассвета, раздул огонь и приготовил завтрак — горячую кашу с перченым мясом и чай.

С восходом солнц все трое вскочили в седла и отправились на юг по берегу Вуруша, постепенно поднимаясь вглубь Оргая.

Вскоре после полудня Фабраш натянул поводья и остановил вола, наклонил голову, будто прислушиваясь, и стал медленно озираться по сторонам.

«Что такое?» — спросил Ифнесс.

Фабраш молча указал вперед на теснину, служившую входом в каменистое ущелье, потом сказал: «Где-то там черные шары спустились с неба и напали на корабли-диски. До места сражения рукой подать». Поднявшись в стремянах, Везучий Утопленник блуждал глазами по склонам, поглядывал на небо.

«У вас какое-то предчувствие», — тихо заметил Этцвейн.

Фабраш нервно теребил бороду-сосульку: «Здесь, в долине, случились неслыханные вещи. Чувствуете напряжение в воздухе? Или, может быть, тут что-то не то...» Сухопарый проводник боязливо ерзал в седле, выпуклые глаза его бегали из стороны в сторону: «На меня будто что-то давит».

Этцвейн внимательно изучал окрестности. Справа и слева песчаниковые склоны были рассечены глубокими крутыми расщелинами. Обрывистые верхи пеклись в бело-фиолетовом зареве солнц. Внизу глубокие черные тени отливали бутылочно-зеленой мглой. Этцвейна насторожило едва заметное движение — метрах в тридцати, схватившись за обломок скалы, притаился крупный ахульф, собиравшийся, по-видимому, швырнуть камень в путников. Этцвейн протянул руку: «Возможно, вас беспокоит пристальный взгляд ахульфа».

Фабраш резко повернулся, раздраженный тем, что не заметил опасность раньше других. Ахульф незнакомой Этцвейну иссиня-черной породы тревожно пошевелил пучками волокон на слуховых шишках и начал медленно пробираться вверх по склону. Фабраш окликнул его на языке даду. Ахульф оглянулся, замер. Фабраш обратился к нему опять. С присущей его расе самодовольной развязностью движений, производившей комическое впечатление, ахульф спрыгнул с уступа скалы, скачками спустился на тропу, вежливо выпустил «запах общительности»⁸ и стал опасливо, бочком, приближаться к всадникам. Фабраш спешил, знаком посоветовав Иффнессу и Этцвейну сделать то же самое. Бросив ахульфу комок подсохшей в котелке холодной каши, Фабраш снова за-

⁸ Ахульфы высокоразвитых пород испускают четыре смысловых запаха: запах общительности, запах враждебности и два других аромата возбуждения, не имеющих конкретного значения для человеческой расы. Бесчисленные малоразвитые разновидности ахульфов способны испускать только отпугивающую вонь и привлекательный аромат. Иногда возникает впечатление, что умственные процессы ахульфов сходны с человеческими, но сходство обманчиво — любые попытки иметь дело с ахульдами на основе человеческой логики приводят в замешательство обе стороны. Для ахульда, например, непостижим человеческий принцип почасовой оплаты — не помогают никакие разъяснения, хотя ахульф может с готовностью оказать ту или иную услугу за обусловленное единовременное вознаграждение.

лопотал на даду. Ахульф ответил страстным, продолжительным монологом.

Фабраш обернулся к спутникам: «Ахульф видел битву звездолетов. Он объяснил, как все это было. Два бронзовых диска приземлились в верховьях долины, оставались там примерно неделю. Из кораблей-дисков выходили существа на двух ногах, с запахом, не похожим на человеческий. Их внешность ахульфа не интересовала. Они показывались только перед рассветом и в вечерних сумерках. Ничего не делали, просто бродили. Три дня тому назад, в полдень, высоко в небе появились четыре черных шара, заставшие врасплох хозяев бронзовых кораблей. Из шаров вырвались молнии, взорвавшие оба корабля-диска. Сразу после этого черные шары исчезли — так же внезапно, как появились. Ахульф наблюдал за обломками, но близко подходить не посмели. Вчера с неба спустился очень большой корабль-диск. Целый час он висел над долиной, заслоняя солнца, потом каким-то образом поднял корпус менее поврежденного из двух звездолетов и улетел вместе с ним, а обломки второго корабля остались».

«Весьма любопытно! — пробормотал Ифнесс. — Отдайте этому созданию остатки каши. Мне не терпится осмотреть корпус разрушенного корабля».

Фабраш почесал подбородок — там, где начинала расти сосулька-борода: «Должен признаться, меня, как и ахульфов, одолевает нерешительность. В верховьях долины кроется что-то жуткое, противоестественное — не хочу испытывать судьбу».

«Ни к чему приносить извинения, — успокоил его Ифнесс. — Вас недаром прозвали Везучим Утопленником. Вы не откажетесь подождать нас в компании ахульфа?»

«Это другое дело. Подожду».

Ифнесс и Этцвейн направились вверх по заметно сужавшейся долине. Через полтора километра всадники уже ехали по дну тесного каньона — с обеих сторон вырастали отвесные зубчатые стены песчаника, местами образующие глубокие ниши под каменными навесами. Вскоре, однако, стены каньона разошлись, окружая обширную, покрытую песком равнину. Здесь спутники увидели корпус второго корабля. В

смятой наружной оболочке зияли обожженные дыры — не меньше дюжины. Недоставало целого сектора, как в торте с вырезанным куском. Из пробоин и трещин торчали скрюченные обломки металла, сочились полузастывшие вязкие жидкости. Верхнюю часть диска разнесло в клочья — всюду на песке валялись почерневшие обрывки, окруженные обводами белой, зеленой и желтой окалины.

Ифнесс зашипел от досады, но выхватил камеру и стал фотографировать остатки корпуса: «Не ожидал ничего лучшего, но если бы хоть что-нибудь уцелело — какой бы это был трофей для исследователя! Потеряна возможность сравнить наши представления с новой, чуждой космологией! Какая жалость, какая трагедия!»

Этцвейн, не ожидавший от хладнокровного землянина такой горячности, даже немного опешил. Они подъехали ближе — громадный разрушенный звездолет завораживал зловещим, неприязненным величием. Ифнесс спрыгнул с быстроходца, подобрал обрывок металла и взвесил в руке, выбросил его, подошел к пролому в корпусе и заглянул внутрь, с отвращением покачивая головой: «Пепел и крошево! Все сожжено, раздавлено, расплавлено! Здесь мы не найдем ничего интересного».

Этцвейн сказал: «Вы заметили, что в диске не хватает сектора? Смотрите: он там, застрял в трещине под скалой».

Ифнесс прищурился в указанном направлении: «Вероятно, двигатель детонировал после первого залпа, и сектор выбросило взрывной волной, а под дальнейшим обстрелом основная часть корпуса сгорела и расплавилась». Историк поспешил к расщелине, куда вклинился недостающий сектор — метрах в двадцати от корабля. Наружная оболочка, деформированная, изрытая вмятинами, чудом не разорвалась — как огромная бронзовая пробка, забитая и сплюснутая кувалдой, сектор закупоривал узкий проход между глыбами песчаника.

Чтобы подобраться к отброшенному взрывом сектору, пришлось карабкаться вверх по осыпи. Ифнесс потянул за край треснувшей оболочки, к нему присоединился Этцвейн. Приложив немалые усилия, вдвоем им удалось отогнуть листовой металл настолько, чтобы можно было пролезть внутрь.

Из широкой щели пахнуло зловонием разложения, непохожим ни на один из запахов, знакомых Этцвейну... Этцвейн замер, поднял руку: «Тихо!»

Снизу доносился едва различимый царапающий звук; через две-три секунды он прекратился.

«Кто-то — или что-то — еще шевелится», — Этцвейн вглядывался в темноту. Перспектива лезть внутрь погибшего корабля его не привлекала.

Ифнесс долго не раздумывал. Из походной сумки он вынул предмет, никогда еще не попадавший на глаза Этцвейну — небольшой прозрачный кубик. Внезапно из кубика вырвался мощный сноп белого света. Ифнесс направил его в темный лаз. В полутора метрах под отверстием вдоль переборки помещения, напоминавшего хранилище, тянулась выгнувшаяся дугой скамья или полка. У противоположной стены скопилась неразборчивая грудa свалившихся и скатившихся по наклонному полу предметов. Ифнесс опустил ноги на скамью и прыгнул на пол. Этцвейн с тоской оглянулся на песчаную равнину, но последовал за историком. Рассматривая кучу предметов в углу, Ифнесс протянул руку в сторону: «Труп». Этцвейн подошел ближе. Мертвое существо лежало на спине, привалившись к стене. «Антропоморф: две руки, две ноги, голова, — сказал Ифнесс. — Ни в коем случае не человек, даже отдаленно не напоминает человека. И пахнет не так, как человеческий труп».

«Хуже», — пробормотал Этцвейн. Нагнувшись, он изучал тело. На мертвце не было никакой одежды, кроме ремней, удерживавших три сумки, по одной на каждом бедре и под затылком. Кожа — сухая, лиловато-черная — походила на ороговевший пергамент. Голову опоясывали несколько параллельных костяных выступов или ребер, лучами расходившихся спереди от выпуклого защитного кольца вокруг единственного глаза. Напоминавшее рот отверстие находилось в основании шеи. Слуховыми органами служили, вероятно, подушечки матовой щетины на висках.

Ифнесс что-то сказал — Этцвейн не успел разобрать, что именно. Подобрав трубчатый металлический стержень, землянин подскочил к трупу и с силой опустил стержень, как ко-

пье. Этцвейн заметил внезапное движение в тени под затылком мертвеца, но Ифнесс проявил завидную прыткость — стержень воткнулся во что-то темное, округлое. Быстро оттащив тело от стены, Ифнесс снова ударил концом стержня большое восьмиугольное насекомое, выбравшееся из сумки.

«Асутра?» — спросил Этцвейн.

Ифнесс нервно кивнул: «Асутра — и ее симбионт».

Этцвейн снова взглянул на двуногое существо: «В нем что-то есть от рогушкоя — плотная кожа, форма головы, кистей, ступней».

«Я заметил сходство, — отозвался Ифнесс. — Родственный, параллельный продукт селекции — или исходная порода. Так сказать, один из предков рогушкоев». Землянин говорил торопливо и рассеянно, глаза его бегали. Этцвейн никогда еще не видел его в таком бдительном напряжении. «Тихо, подождите!» — сказал Ифнесс.

Длинными шагами он подкрался к переборке и посветил в узкий проход. За переборкой было что-то вроде коридора длиной метров шесть. Смятая ударом о скалу оболочка стен и потолка растрескалась в дальнем конце, через трещины бледно просачивался дневной свет.

Ифнесс тихо прошел по коридору к следующему помещению с сияющим кубиком-прожектором в одной руке и лучевым пистолетом в другой.

Помещение за коридором пустовало. Этцвейн не мог определить его назначение. Как и в первом отсеке, с трех сторон его окаймляла широкая скамья — над ней висели стойки с причудливыми, непонятными Этцвейну стеклянными и металлическими предметами. Четвертой стеной служил трещиноватый выступ скалы, продавивший насквозь наружную оболочку и переборку. Ифнесс хищно озирался, как седой встревоженный ястреб. Он наклонил голову, прислушиваясь. Этцвейн сделал то же самое. В затхлом, неподвижном воздухе ничто не нарушало тишину. Этцвейн обвел рукой помещение: «Зачем это все?»

Ифнесс раздраженно дернул головой: «На человеческих звездолетах все устроено по-другому... Здесь я ничего не понимаю».

«Смотрите! — показал Этцвейн. — Еще асутры». В стеклянной кювете на конце скамьи в мутной жидкости плавали, как громадные черные оливки, три дюжины темных овальных тел, свесившие пучки безжизненно вытянутых ножек.

Ифнесс подошел взглянуть на резервуар. С обеих сторон от кюветы отходили стеклянные трубки. Через трубки были пропущены тонкие волокна, соединявшиеся с асутрами. «Они в оцепенении, — заметил историк. — Вероятно, поглощают энергию или информацию, а может быть, просто спят или развлекаются». Землянин помолчал, заговорил снова: «Мы сделали все, что могли. Масштабы происходящего не позволяют принимать решения в одиночку, малейшая оплошность может привести к катастрофе». Ифнесс снова помолчал, посмотрел вокруг: «Какую сенсацию это произведет в Институте! Чтобы проанализировать все находки, потребуются тысячи специалистов. Пора немедленно возвращаться в Шиллинск. В лодке установлен передатчик. Связавшись с Даско-неттой, я смогу потребовать, чтобы сюда срочно выслали корабль».

«На борту есть кто-то живой, — напомнил Этцвейн. — Кто бы это ни был, вы хотите оставить его на верную смерть?» Будто в подтверждение его словам из-за смятой переборки послышались скребущие звуки.

«Щекотливое дело, — проворчал Ифнесс. — Что, если на нас набросятся двадцать рогушкочев? С другой стороны, если выжившим существом не управляет асутра, можно узнать что-нибудь полезное... Ладно, давайте посмотрим. Но будьте осторожны, не торопитесь! Нет ничего опаснее неизвестности».

Этцвейн подошел туда, где переборка прилегала к скале. Местами между искореженным металлом и камнем оставались щели, создававшие едва уловимое движение воздуха. Почти на уровне глаз темнела бесформенная прореха с равными краями, шириной больше ладони. Этцвейн заглянул в нее. Некоторое время он ничего не видел. Потом, почти вплотную к лицу Этцвейна, внезапно появилось нечто круглое величиной с большую монету, отливающее, как перламутр, розовыми и зелеными бликами. Этцвейн, порядком

нервничавший, отшатнулся, но быстро взял себя в руки и тихо сказал: «Симбионт. Я смотрел ему прямо в глаз».

Ифнесс резко выдохнул: «Он жив — следовательно, смертен. Незачем паниковать».

«Кто из нас паникует?» — подумал Этцвейн, но заставил себя смолчать. Он подыскал подходящий толстый металлический прут и стал крошить камень, расширяя отверстие. Ифнесс Иллинет стоял поодаль с загадочным выражением лица.

Песчаник, уже растрескавшийся от удара при падении сектора, откалывался большими кусками. Этцвейн работал с яростной сосредоточенностью, будто пытаясь отвлечься. Брешь становилась все шире. Забыв обо всем на свете, Этцвейн бешено нападал на скалу... Ифнесс поднял руку: «Достаточно!» Шагнув вперед, он посветил фонарем-кубиком — в проломе стояла темная фигура. «Выходи!» — Ифнесс пригласил незнакомца жестом, освещаая путь.

Поначалу симбионт продолжал молча стоять — потом медленно, но решительно протиснулся через пролом. Похожий на высохший, почерневший труп, он стоял, поблескивая циклопическим глазом. На обнаженном теле не было ничего, кроме ремней и трех сумок. В сумке под затылком таилась асутра. Ифнесс обратился к Этцвейну: «Ступайте к выходу, я поведу существо перед собой».

Этцвейн направился в коридор. Ифнесс шагнул вперед и прикоснулся к руке циклопа, показывая ему, куда идти.

Существо прошло по коридору по пятам за Этцвейном в первое помещение, откуда уже был виден лоскут безоблачного неба.

Этцвейн взобрался на скамью, высунул голову наружу и вздохнул. Воздух казался удивительно чистым и свежим. А в небе, в самом зените, висел огромный, медленно вращавшийся диск-звездолет. Обращенный к трем солнцам край красновато-бронзовой оболочки переливался трехцветными слепящими отражениями. Высоко над большим звездолетом парили еще четыре диска поменьше.

Этцвейн смотрел вверх, оцепенев от ужаса. Большой диск постепенно опускался. Нырнув обратно в прореху, Этцвейн сообщил Ифнессу неприятные новости.

«Скорее! — отозвался землянин. — Помогите симбионту выбраться и крепко держите его за ремни!»

Этцвейн вылез наружу и ждал. Снизу, из темной щели, показалась лилово-черная голова с кольцевыми костистыми выступами черепа. Как только появились плечи и кожистая сумка с асутрой, Этцвейн схватил сумку и потянул ее к себе, стараясь оторвать от черного тела. Нервное волокно натянулось — циклоп гортанно буркнул, отпустил края отверстия и упал бы внутрь, если бы Этцвейн не обхватил рукой жилистую шею. Другой рукой он выхватил из-за пояса кинжал и обрубил нерв. Извиваясь и цепляясь членистыми ногами, асутра вылезала из сумки. Этцвейн отшвырнул ее на бронзовую поверхность сектора, потом напрягся и вытащил из дыры лилово-черного антропоморфа. Быстро подтянувшись, выпрыгнул Ифнесс: «Почему столько возни?»

«Я оторвал асутру — вон она удирает. Подержите-ка этого приятеля, я ее добыю».

Недовольный землянин нахмурился, но подчинился. Циклоп рванулся было за Этцвейном, но Ифнесс ухватил его за ремни. Этцвейн догнал отчаянно семенящую ногами асутру, высоко поднял тяжелый камень и с силой опустил на темно-коричневое насекомое.

Тем временем Ифнесс отвел внезапно обмякшее, безвольно волочащее ноги существо за выступ скалы, чтобы укрыться от приземляющегося звездолета. На бегу схватив быстроходцев за поводья, Этцвейн последовал за ними.

Историк осведомился ледяным тоном: «Почему вы убили асутру? Теперь симбионт — порожний сосуд. Брать его с собой бессмысленно, одни хлопоты».

Этцвейн сухо ответил: «Я это прекрасно понимаю. Звездолет, однако, приземляется, а мне говорили, что асутры умеют передавать мысли на расстоянии. Вы хотите, чтобы нас поймали?»

Ифнесс крякнул: «Сообщения о телепатических способностях асutr экспериментально не подтверждены». Он посмотрел вверх, на круто поднимающуюся расщелину: «Нужно спешить... Осторожный Фабраш не станет ждать слишком долго».

Глава 6

Узкая, извилистая, усыпанная обломками скал расщелина не позволяла ехать верхом. Этцвейн карабкался впереди и тащил на поводу быстроходцев. За ним пробиралось темное одноглазое существо, растягивая и сокращая напрягавшиеся в перепонках сочленений сухожилия в непривычной для человеческого глаза последовательности. Последним шел Ифнесс, легко и спокойно перешагивавший с камня на камень с отстраненно-задумчивым выражением на лице.

Взобравшись на хребет, они повернули на юг по соседней ложбине и скоро вернулись, спускаясь по осыпи, туда, где оставили проводника. Фабраш похрапывал, прислонившись спиной к скале в удобном месте на склоне, откуда через просвет в каньоне можно было видеть часть покрытой песком равнины. На равнине уже не было ни новоприбывших звездолетов, ни остатков разрушенного корабля. Разбуженный близким перестуком копыт, Фабраш вскочил с испуганным возгласом. Ифнесс поднял руку, призывая его сохранять спокойствие: «Как видите, мы выручили из беды существо, оставшееся в живых после бомбардировки. Вы когда-нибудь встречали что-нибудь подобное?»

«Никогда! — заявил Фабраш. — Ничего себе пугало! В страшном сне не приснится. Зачем вы его взяли? Кто его купит?»

Ифнесс позволил себе слегка усмехнуться: «Редкость в своем роде, уникам! Коллекционер экзотических чучел или владелец бродячего цирка не пожалеет денег на такой экспонат. Кстати, что происходило в верховьях долины?»

Фабраш удивленно воззрился на историка: «Как? Разве вы там не были?»

«Мы скрылись за гребнем холма, — объяснил Ифнесс. — Если бы мы остались, нас могли бы заметить — и кто знает, чем бы все это кончилось?»

«Конечно, конечно, понятное дело. Ну и дела! Я, честно говоря, так ничего толком и не понял. Опустился огромный корабль и поднял остатки разрушенного диска — как прилипший к ладони листок...»

«Один кусок корпуса? — вмешался Ифнесс. — Или два, большой и поменьше?»

«Два, сначала большой, потом другой, поменьше. Когда звездолет отлетел в сторону и нырнул второй раз, я подумал: «Увы! Конец моим компаньонам-работоторговцам!» Глубоко огорченный, я сидел и размышлял об удивительной жизни и невероятной удаче Кирила Фабраша, но вы тихонько подкрались и застали меня врасплох. Ха!» Фабраш скорбно покачал головой, порицая себя за недостаток бдительности: «Если б на вашем месте был Хозман Хриплый, не гулять бы мне уже на свободе! Так что вы собираетесь делать дальше?»

«Мы хотим как можно скорее вернуться в Шахфе. Но прежде всего налейте в кружку воды. Это существо провело в заточении несколько суток».

Фабраш цедил воду из седельного меха с горестной усмешкой, явно блуждая мыслями по лабиринту превратностей судьбы. Циклоп без колебаний опрокинул содержимое кружки в отверстие у основания шеи. Ему дали еще воды — он выпил четыре кружки. Когда Ифнесс протянул ему ломтик холодца из походных запасов, существо отказалось, осторожно отведя руку землянина в сторону. Сушеные фрукты, однако, оно немедленно отправило в глотку. Другие продукты, предложенные Ифнессом — соль, кусок горбового жира и молотое зерно для выпечки лепешек — существо отвергло.

Спутники перераспределили тюки с провизией и посадили лилово-черного циклопа на освободившегося вьючного вола. Почуввав нечеловеческий запах, быстроходец отпрянул и задрожал. Всю дорогу этот вол оскорбленно переступал негнущимися ногами и шумно фыркал, раздувая ноздри.

Четыре всадника спускались знакомой тропой по долине Вуруша. Приближался вечер. Циклоп вяло покачивался в сед-

ле, не проявляя никакого интереса к окружающему пейзажу. Этцвейн спросил у Ифнесса: «Как вы думаете, он шокирован происшедшим? Истощен и напуган? Или просто тупой, как рогушкой?»

«Рано делать какие-либо выводы. В свое время, надеюсь, удастся узнать гораздо больше».

«Что, если он сможет служить чем-то вроде переводчика между людьми и асутрами?», — предположил Этцвейн.

Землянин нахмурился — эта мысль еще не приходила ему в голову: «Не исключено». Ифнесс вопросительно взглянул на Фабраша, натянувшего поводья: «В чем дело?»

Проводник указал на восток — туда, где отроги Оргая постепенно переходили в бескрайнюю равнину: «Всадники — человек шесть или восемь».

Ифнесс привстал в стремях, всматриваясь вдаль: «Они едут к нам, и довольно быстро».

«Нужно спешить, — забеспокоился Фабраш. — В этих местах никогда не знаешь, кто твой друг, а кто задумал пожить за твой счет». Подстегнув вола, он поехал размашистой рысью. Ифнесс и Этцвейн последовали его примеру, причем Этцвейн успевал подгонять плетью быстроходца, обремененного темнокожим циклопом.

Кавалькада неслась галопом по берегу реки. Ифнесс раздраженно морщился. Циклоп схватился за загнутые назад рога быстроходца, деревянно выпрямившись в седле. По мнению Этцвейна, на протяжении первых трех километров они заметно опережали преследователей, а потом довольно долго ехали примерно с той же скоростью. В конце концов, однако, расстояние между четырьмя спутниками и скакавшей по равнине бандой стало заметно сокращаться. Долговязый Фабраш бешено погонял вола, стоя в стремях и прижавшись к шее животного. Пляшущая на ветру борода-сосулька болталась у него над плечом. Обернувшись пару раз, он прокричал: «Хозяин Хриплый, с раболовецкой бригадой! Спешите! Если вам дороги свобода и жизнь — спешите!»

Быстроходцы начинали уставать. То один, то другой переходил на сбивчивую тяжелую трусцу, что вызывало у Фабраша приступы истерической ярости. Быстроходцы преследова-

телей тоже выдыхались — темп погони замедлился. Солнца кружились над западным горизонтом, поперек реки пролегли три дрожащие, сверкающие дорожки. Фабраш оценил расстояние, отделявшее их маленький отряд от раболовецкой банды, прищурился на закат и горестно возопил: «Вам не терпелось узнать секрет Хозмана? Узнаете! Не наступит ночь, как все мы станем рабами!»

Ифнесс показал вперед: «Смотрите, на берегу фургоны!»

Фабраш с надеждой выпрямился: «А! Успеем доехать, потребовать убежища... Если это не людоеды, нам повезло».

Через несколько секунд он снова обернулся: «Алулы! Узнаю их повозки. Гостеприимный народ — мы в безопасности!»

На ровной отмели у самой воды плотным квадратом выстроились пятьдесят повозок с накренившимися в разные стороны трехметровыми колесами. Сплошные деревянные колеса и опущенные борта создавали внушительную линию обороны. Единственный проход был обращен к реке. Охотники на рабов, отставшие метров на триста, отказались от погони и повернули к воде. Слышно было, как фыркают и храпят их спотыкающиеся волю.

Фабраш Везучий Утопленник первый объехал неприступную стену повозок и остановил быстроходца перед проходом. Навстречу, пригнувшись и широко расставив ноги в угрожающих позах, выскочили четверо часовых. На них были черные куртки-безрукавки, сшитые из полос чумовой кожи, и черные кожаные шлемы. Каждый держал наготове метровый арбалет: «Эй! Ступайте прочь! Мы людьми не торгуем и своих в обиду не даем!»

Фабраш соскочил на землю и вышел вперед: «Опустите самострелы! Мы едем из Оргая в Шахфе — за нами гонится Хозман Хриплый. Просим убежища на ночь!»

«Убежища? А это что за чертово отродье одноглазое? Небось медного беса привезли — наслышаны про них, пусть проваливает!»

«Никакой это не медный бес! Бесов всех перебили в сражении — вы что, не знаете? Эта тварь выжила в сожженном звездолете, мы ее нашли».

«Ну, нашли — и прикончили бы там, где нашли! Мы что тут, нанялись спасать всякую инопланетную нечисть?»

К часовым спокойно-покровительственным тоном обратился Ифнесс: «Вопрос сложнее, чем вы себе представляете. Я намерен изучить язык этого существа — если оно способно говорить. Такое знание поможет всем людям отразить нападение пришельцев».

«Пусть решает Каразан. Стойте, где стоите! Мы никому не доверяем».

Скоро навстречу приезжим вышел широкоплечий богатырь, на голову выше рослого Фабраша. Физиономия его производила не меньшее впечатление, чем массивная фигура — под высоким лбом сверкали пронизательные черные глаза, нижнюю половину лица, от шеи почти до самых глаз, покрывала плотная, коротко подстриженная борода. Каразан мгновенно оценил ситуацию и презрительно повернулся к часовым: «В чем затруднение? С каких пор алулы боятся трех путников с одноглазым пугалом? Пусть ночуют». Возвращаясь, Каразан бросил мрачный взгляд туда, где поодаль, на берегу, привязали быстроходцев Хозман Хриплый и его банда. Бойцы опустили арбалеты и расступились: «Проходите. Воллов отведите в загон. Спите, где хотите, только не с нашими женами».

«Премного благодарны! — заявил Фабраш. — Будьте на чеку — Хозман шустрая сволочь, своего шанса не упустит. Никому не позволяйте выходить за ограду. Уйдут — не вернутся».

Этцвейна лагерь алулов заинтриговал. В нем угадывались черты варварской роскоши, в воображении народов Шанта свойственной всем племенам легендарного Караза. Зеленые, розовые и малиновые шатры были расшиты восхитительно наивными изображениями падающих звезд, комет и сказочных светил. Трехметровые опорные столбы шатров покрывала орнаментальная резьба с повторяющимися мотивами четырех тотемов — крылатого скорпиона, пушистого юркоуса, царь-рыбы из озера Ниор и ниорского пеликана.

Мужчины племени ходили в штанах из дубленой ахульфовой кожи, в блестящих черных сапогах, в расшитых безру-

кавках поверх белых рубах навывпуск. Замужние женщины повязывали головы лиловыми и зелеными платками и носили пестрые длинные платья. Девушки, однако, расхаживали в штанах и сапогах наподобие мужских.

Перед каждым шатром на огне кипел большой котел — по стойбищу разносился аромат тушеного мяса и пряностей. Старейшины сидели перед церемониальным фургоном, по очереди прикладываясь к кожаной фляге с тминной водкой. Рядом квартет музыкантов в тонких ожерельях из золотых бусин производил на струнных инструментах печально-бессвязный, но более или менее гармоничный шум.

Взглянув на новоприбывших раз-другой, алулы переставали их замечать. Спутники заняли отведенный им участок, развязали тюки, расстелили походные одеяла. Циклоп наблюдал за происходящим, но никак не реагировал. Фабраш не осмелился сходить к реке собрать клемов или наловить крабов и ограничился приготовлением самого простого ужина — зерновой каши с вяленным мясом. Циклоп выпил воды и засунул в глотку, без энтузиазма, немного каши. Тем временем вокруг него собрались дети, смотревшие на небывалое чудище широко раскрытыми глазами. К ним мало-помалу присоединились подростки постарше. Наконец один отважился спросить: «Он ручной?»

«Вроде бы не кусается, — отозвался Этцвейн. — Он прилетел на Дердейн в звездолете, то есть должен быть приручен к цивилизации».

«Вы его купили?» — поинтересовался другой отпрыск алулов.

«Нет, он остался в разрушенном корабле и не мог выйти. Мы его выпустили, а теперь хотим научиться с ним разговаривать».

«Он может показывать волшебные фокусы?»

«Насколько я знаю, нет».

«А танцевать он умеет? — спросила девочка. — Давайте отведем его к музыкантам и посмотрим, как он кружится и кувыркается».

«Он не танцует и музыки не понимает», — заявил Этцвейн.

«Скучная тварь!»

Пришла женщина, отругала и разогнала детей — четверых путников оставили в покое.

Фабраш повернулся к Ифнессу: «Что вы собираетесь делать с чудовищем ночью? Сторожить его по очереди?»

«Не думаю, — возразил землянин. — Если он поймет, что его держат на привязи, то постарается сбежать. Мы его кормим, мы спасли его от смерти. Он это знает. Скорее всего, он останется с нами добровольно. Тем не менее, не помешает незаметно за ним наблюдать». Ифнесс обратился к одноглазому существу, пытаясь найти простейшую основу для общения — положил перед ним на землю, один за другим, три камешка, приговаривая «раз... два... три» и жестом приглашая циклопа к подражанию. Инопланетянин не шелохнулся. Ифнесс обратил внимание существа на яркие звезды в безоблачном ночном небе, показывая на различные ориентиры, даже схватил твердый сухой палец циклопа и направил на небо. «Либо он исключительно хитер, либо исключительно туп, — ворчал историк. — Как бы то ни было, если бы им управляла асутра, мы все равно не выжали бы из него никаких сведений. Жаловаться не на что».

Со стороны центрального костра кочевников доносились энергичные звуки музыки — Этцвейн пошел посмотреть на танцующих. Выстроившись в несколько рядов, молодые люди и девушки ритмично раскачивались из стороны в сторону, прыгали, вскидывая ноги, кружились по одиночке и парами с безудержным весельем. Музыка казалась Этцвейну простоватой, даже наивной, но такой же бодрой и откровенной, как танец. Среди девушек, на его взгляд, попадались настоящие красавицы, причем особой застенчивостью не отличавшиеся... Ему пришло в голову, что неплохо было бы что-нибудь сыграть — он даже повертел в руках оказавшийся не при деле инструмент нелепой, преувеличенно декоративной конструкции. Попробовав несколько аккордов, Этцвейн обнаружил, что лады на грифе расположены неудобно, а струны настроены непривычно. Он сомневался, что сможет импровизировать, предугадывая соответствие гармоний движениям пальцев, но присел, внимательно нагнувшись над инструментом, и

сыграл короткую пьесу, пользуясь традиционной аппликатурой. Пьеса прозвучала странно, но интересно и даже приятно. Рядом, улыбаясь, стояла девушка: «Ты умеешь играть?»

«На других инструментах. Такого я никогда не видел».

«Откуда ты, какого тотема?»

«Я из Шанта, родился хилитом в кантоне Бастерн».

Девушка озадаченно покачала головой: «Это, наверное, очень далеко. Никогда не слышала о стране Бастерн. Вы охотитесь на рабов?»

«Нет. Мы с приятелем ездили смотреть на невиданные звездолеты».

«Я тоже не прочь взглянуть на звездолет!»

Хорошенькая, живая, одаренная прелестными формами незнакомка казалась расположенной к флирту. Этцвейн внезапно почувствовал сильное желание играть и снова наклонился над инструментом, чтобы разобраться в гармонической системе... Перенастроив струны по-своему, он обнаружил, что может брать аккорды в редко применявшемся музыкантами Шанта кодарийском ладу. Этцвейн осторожно повторил несколько фраз и в конце концов сумел кое-как аккомпанировать квартету, исполнявшему плясовую.

«Пойдем!» — сказала девушка. Она подвела его к музыкантам-алулам и передала ему переходившую из рук в руки кожаную флягу. Этцвейн позволил себе опасливо приложиться к горлышку. Водка обожгла горло — он засмеялся, пытаясь отдышаться. «Смейся еще! — приказала девушка. — Музыкант не вешает нос, даже если скорбь снесает душу. У него в глазах радужные искры!»

Один из музыкантов весьма неодобрительно поглядывал то на девушку, то на Этцвейна. Этцвейн решил вести себя скромнее. Подбрав требуемую последовательность аккордов, он присоединился к маленькому оркестру, набираясь уверенности с каждой минутой. Простецкая мелодия навязчиво повторялась снова и снова, но каждый раз слегка варьировала — задерживалась синкопой то одна, то другая доля, смещались звонкие акценты. Музыканты, по-видимому, соревновались, поочередно внося едва заметные изменения. Тем временем плясовая звучала все напряженнее и заразительнее —

танцоры кружились вихрем, выбрасывая в стороны руки и ноги, дробно притопывая в отблесках костра...

Этцвейна интересовало, когда и каким образом ансамбль закончит игру. Он не хотел попасться в западню, старую, как мир: местные виртуозы, знающие условный сигнал, стараются надуть чужака, заставив его опоздать и глупо брэнчать в одиночестве после заключительного аккорда. В начале последней вариации кто-то должен был подать знак — кивнуть, приподнять локоть, тихо присвистнуть, переступить с ноги на ногу... Этцвейн скорее почувствовал, нежели заметил, приближение последнего такта. Как он и ожидал, музыка внезапно смолкла. Этцвейн закончил вместе с другими, но тут же начал сольную вариацию в новом ладу, придавая первоначальной мелодии вызывающую остроту ритма и гармонии. Скоро местные музыканты не выдержали и заиграли снова, одни — ухмыляясь и подмигивая, другие — кисло поморщившись и пожимая плечами. Этцвейн засмеялся, нагнулся над уже знакомым грифом и начал вставлять пассажи и трели...

Наконец танцоры выдохлись, музыканты остановились. Девушка села рядом с Этцвейном, протянула ему флягу. Этцвейн выпил, опустил флягу на землю и спросил: «Как тебя зовут?»

«Я — Руна Ивовая Прядь, из клана Пеликанов. А ты кто?»

«Гастель Этцвейн. У нас в Шанте людей не причисляют к тотемам и кланам, только к кантонам. А еще там людей различали по цветам эмблем на ошейниках, но теперь мы ошейников не носим».

«В разных краях разные обычаи, — не возражала девушка. — Иногда очень странные. За Оргаем, на Ботгарской реке, живут шады, отрезающие девушке уши, если та заговорит с мужчиной. В Шанте тоже так делают?»

«Нет! — категорически заверил ее Этцвейн. — А у вас девушкам разрешают болтать с чужестранцами?»

«У нас все можно. В таких делах каждый сам себе судья. А почему бы и нет? — Руна наклонила голову и откровенно рассмотрела Этцвейна с головы до ног. — Наши парни по-

плотнее и не умеют так складно говорить. В тебе есть что-то от аэрска»⁹.

Ее замечание польстило Этцвейну. Девушка явно решила отважиться на авантюру и расширить свой кругозор, заигрывая с молодым человеком из дальних стран. Этцвейн, от природы недоверчивый, в данном случае не имел ничего против. Он спросил: «Разве ты не помолвлена с тем... хмурым музыкантом?»

«С Гальгаром Юркоусом? С чего ты взял? Стану я с Гальгаром якшаться!»

«Нет-нет, ни в коем случае. Кроме того, я заметил, что он играет не в такт — что свидетельствует, конечно, об определенной ущербности характера».

«Ты чрезвычайно наблюдателен», — промурлыкала Руна Ивовая Прядь и пододвинулась поближе. Этцвейн вдохнул сладковатый аромат древесного бальзама. Девушка тихо спросила: «Тебе нравится моя тубетейка?»

«Разумеется, — ответил Этцвейн, озадаченный непоследовательностью вопроса. — Хотя она сползла набок и вот-вот свалится».

У костра сидел Ифнесс, появившийся поблизости после окончания танцев. Теперь он предупреждающе поднял указательный палец. Этцвейн, привыкший придавать значение редким жестам землянина, подошел узнать, чего он хочет. «Будьте осмотрительны», — сказал Ифнесс Иллинет.

«Ваше беспокойство безосновательно. Я не теряю бдительности и слежу за всем, что происходит».

«Не сомневаюсь. Но помните, что в лагере алулов действуют законы алулов. Фабраш сообщил мне, что женщины алулов могут претендовать на замужество, прибегая к очень незамысловатой процедуре. Вы заметили, вероятно, что некоторые девушки носят тубетейки набекрень? Если мужчина снимет головной убор девушки или даже просто поправит

⁹ Аэрска: непереводаемое слово, вызывающее внутреннее представление о легендарном бесстрашном воине благородного происхождения, живущем среди неприступных утесов. Бескрайние просторы, солнечный свет и бушующие грозы необходимы аэрску, как воздух.

его, считается, что он посягнул на интимную часть ее гардероба. При этом, если девушка публично выражает возмущение, неблагоразумный ухажер обязан на ней жениться».

Этцвейн взглянул на Руну Ивовую Прядь, грациозно сидевшую в зареве притихшего костра. Тот факт, что ее тюбетейка еще не упала, казалось, противоречил законам физики. «Любопытный обычай», — пробормотал он.

Этцвейн медленно вернулся к девушке. Та спросила: «Станный у тебя приятель. Что ему нужно?»

Этцвейн затруднялся найти подходящий ответ: «Он заметил, что ты мне нравишься, и предупредил, чтобы я вел себя осторожно и не оскорблял твои чувства прикосновением к одежде».

Руна Ивовая Прядь улыбнулась и презрительно покосилась на Иффесса: «Старый сплетник! Ханжа! Пусть не беспокоится — три мои лучшие подруги условились встретиться с любовниками у реки. Я тоже обещала пойти, но у меня любовника нет. Мне будет грустно и одиноко».

«Не советую гулять за оградой сегодня ночью, — сказал Этцвейн. — У нас опасные соседи — Хозман Хриплый, знаменитый поставщик рабов, и с ним еще человек шесть. Они только того и ждут».

«Пф! Шайка оборванцев! Вас не догнали, а нас, алулов, тронуть не посмеют. Они давно ускакали на север».

Этцвейн скептически покачал головой: «Если тебе станет одиноко, приходи, поговорим за фургоном, где я постелил одеяло».

Руна Ивовая Прядь вскочила на ноги, надменно вскинув брови: «Не приставай с непристойными предложениями! Подумать только! А я еще подумала, что ты похож на азрска». Она решительно поправила тюбетейку и гордо удалилась. Этцвейн горестно пожал плечами и направился к походной постели. Некоторое время он лежал и смотрел на циклопа, неподвижно сидевшего в тени — разглядеть можно было только смутные очертания и тускло блесевший единственный глаз.

Этцвейну претило спать рядом с инопланетянином — в конце концов, о его наклонностях никто ничего не знал. Но глаза закрывались сами собой... Посреди ночи Этцвейн поче-

му-то проснулся и тревожно приподнялся. Темное существо сидело в прежней позе. Этцвейн вздохнул и снова улегся.

За час перед рассветом Этцвейна вырвал из объятий сна оглушительный, яростный рев. Вскочив на ноги, он увидел бойцов-алулов, торопливо прыгавших с повозок на землю. Обменявшись парой фраз, они бросились к быстроходцам — скоро раздался топот удаляющихся копыт.

Фабраш пошел узнать, что происходит, и вернулся, скорбно кивая головой: «Я предупреждал их, а они меня не послушали. Поздно вечером четыре девицы вышли погулять на берег и не вернулись. Хозман Хриплый не дремлет! Алулы вернутся с пустыми руками — тех, кто попался Хозману, никто никогда больше не видел».

Действительно, всадники вернулись несолоно хлебавши — в обозримых окрестностях похитителей не было. Ахульф-ов-ишчек кочевники не приручали. Поисковый отряд возглавлял богатырь Каразан. Спрыгнув с быстроходца, он промаршировал напрямик к Ифнессу: «Где скрывается работороговец? Мы вернем нашу плоть и кровь в лоно родного клана — или разорвем мерзавца на куски голыми руками!»

Ифнесс жестом пригласил его обратиться к Фабрашу: «Наш друг, тоже промышляющий работорогвей, гораздо лучше осведомлен. Надеюсь, он сможет вам помочь».

Фабраш задумчиво потянул себя за бородку: «Где прячется Хозман Хриплый, не знаю. Какого он племени, какому тотему поклоняется? Никому не ведомо. С уверенностью могу сказать только две вещи. Во-первых, он часто навещается в Шахфе — там он скупает всех, кого накопили в загоне на раболовецкой базе. Во-вторых, никого из пойманных и купленных Хозманом больше никто никогда не видел».

«Еще посмотрим, кто кого больше никогда не увидит, — пообещал Каразан. — Шахфе, кажется, недалеко?»

«Не больше дня езды на восток».

«В Шахфе! По седлам!»

«Нам по пути, — вмешался Ифнесс, — мы возвращаемся в Шахфе».

«Тогда поторопитесь! — сказал предводитель алулов. — Некогда рассуждать и глазеть по сторонам».

Восемнадцать быстроходцев неслись размашистой рысью по Большой Пустоши. Короткие плащи низко пригнувшихся всадников плескались на ветру. Впереди показалось крапчатое темно-серое пятно на серо-фиолетовом фоне растворяющихся в дымке холмов: Шахфе.

Перед заходом солнц кавалькада ворвалась в селение и остановилась, подняв облако пыли перед постоянным двором.

Из входной дыры выглянул Быбба, при виде инопланетного существа высоко взметнувший седые брови. Спешившись, алулы сразу зашли в кабак. Ифнесс, Фабраш, Этцвейн и безмолвный лилово-черный циклоп последовали за ними.

Внутри, сгорбившись на скамьях и табуретах, угрюмо поглощали медовуху пьяные каши из клана Синих Червей. Заметив алулов — заклятых племенных врагов — каши, один за другим, стали тяжело подниматься и угрожающе ворчать. Фабраш обратился к хозяину: «У моих друзей дело к Хозману Хриплому. Он сегодня появлялся?»

Быбба разразился сварливыми причитаниями: «Так не полагается! Я не обсуждаю дела посетителей и постояльцев! Должны быть какие-то...»

Над коротышкой-кабатчиком наклонился шагнувший вперед Каразан: «Отвечай!»

«Не видел я Хозмана — с раннего утра!» — пробурчал Быбба.

«Ага! Значит, он тут был, рано утром?»

«Был! Своими руками подавал ему похлебку — солнца только всходили».

«Как же так? — Каразан начинал гневаться. — Перед закатом его видели на берегу Вуруша, у самых отрогов Оргая. Не раньше полуночи он был там же, у нашего стойбища. А еще до рассвета он очутился в Шахфе и сидел тут, похлебку лопал?»

Кабатчик почесал в затылке: «Все может быть... если скакать во весь дух на добром ангосском быстроходце...»

«Какой породы вол был у Хозмана утром?»

«Обычной, йерзийской».

«Может быть, он сменил быстроходца, когда приехал», — предположил Ифнесс.

Гетман алулов всхрипнул, как вол, и повернулся к Фабрашу: «Ты не обознался? Когда вы спускались с Оргая, за вами гнался Хозман?»

«Мне ли не знать Хозмана Хриплого! Сколько раз я с ним торговался — и с бандой его, и один на один!»

Сзади послышался сиплый, простуженный голос: «Кто поминает Хозмана? Надеюсь, добрым словом?»

Все обернулись. У входного пролома стоял Хозман Хриплый. Он спокойно приблизился — человек среднего роста с бледным, строгим лицом. Длинный черный плащ скрывал всю его одежду, кроме широкого красно-коричневого шарфа, обмотанного вокруг шеи.

Каразан произнес: «Вчера ночью, на берегу Вуруша, ты похитил четверых из нашего племени. Мы требуем их возвращения. Алулы не созданы для рабства — да будет известно каждому работорговцу Караза!»

Хозман хрипло рассмеялся, отвечая на угрозу непринужденностью, внушенной длительным опытом: «Постойте, любезнейший! На чем основано ваше обвинение?»

Каразан медленно подошел вплотную к скупщику рабов: «Хозман! Твое время истекло».

Разъяренный Быбба пытался просунуться между противниками: «Только не здесь! В Шахфе свои законы...»

Гетман отмел кабатчика тяжелой ладонью: «Где наши де-вушки?»

«Послушайте, — проворно отступил Хозман, — кто ни пропадет в Миркиле, все на меня пальцем показывают. На берегу Вуруша? Ночью? Я завтракал сегодня в Шахфе! Ищите обидчиков в горах».

«Врешь! Ты успел сюда доехать».

Хозман с улыбкой покачал головой: «Если бы у меня были быстроходцы сказочной резвости и неслыханной выносливости, стал бы я заниматься работорговлей? Я бы нажил состояние разведением волов. Отроги Оргая кишат чумпами: такова действительность. Примите мои соболезнования».

Бледный от ярости Каразан, неспособный найти брешь в защите работорговца, в замешательстве молчал. Тем временем Хозман заметил черное одноглазое существо в тени у входа, изумленно вздрогнул и напрягся: «Что здесь делает кха? Он с вами заодно?»

Ифнесс спокойно ответил: «Я поймал его под Три-Оргам, в тех местах, где мы с вами чуть не повстречались вчера вечером».

Хозман обернулся к землянину, но глаза его не отрывались от неподвижной фигуры циклопа — «кха», как он неосторожно позволил себе его назвать. Работорговец пытался придать голосу шутливо-беззаботное выражение и даже перестал хрипеть: «Еще обвинитель нашелся! Если бы слова могли ранить, бедный Хозман уже извивался бы на земле, обливаясь кровью».

«Не вернешь девушек алулам — так оно и будет!» — взревел гетман алулов, вновь убежденный в лживости разбойника.

Хозман лихорадочно соображал, быстро поглядывая то на Ифнесса, то на циклопа. Повернувшись к Каразану, он просиял лстивой улыбкой и слащаво произнес: «Я подкармливаю нескольких чумп, выполняющих поручения. Возможно, девушки-алулы еще в сохранности. Если это так, вы обменяете четверых на двоих?»

«Четверых на двоих? Что это значит?» — рычал Каразан.

«За четверых девушек отдайте мне кха и этого беловолового чужестранца».

«Сделка не состоится! — поспешил вмешаться Ифнесс. — Вам придется договариваться на других условиях».

«Ну хорошо, одного кха. Подумайте! Четырех красавиц за дикого, бесполезного урода!»

«Исключительно любопытное предложение! — заявил Ифнесс. — Зачем вам понадобилось это существо?»

«Среди моих заказчиков есть собиратели редкостей», — Хозман вежливо подвинулся, пропуская входящих посетителей — двух безобразно пьяных кашей, растрепанных и потных. Шедший впереди толкнул Хозмана в плечо: «Посторонись, гад! Разорил кашей? Доволен? Из-за тебя, гада, жрать

нечего. Да и некому скоро будет жрать! А теперь еще прохо-
ду не даешь!»

Презрительно усмехнувшись, Хозман собрался отойти в сторону, но воин из клана Синих Червей схватил его за шарф и потянул к себе, лицом к лицу, гремя каской-трещоткой: «Смешно, а? Издеваешься?»

Подскочил седовласый Быбба: «Никаких драк в кабаке! Руки прочь!»

Махнув рукой наотмашь, кащ повалил Хозмана на пол. Быбба достал из-под передника дубинку и стал с поразительным проворством наносить удары по голове и по спине кочевника. Кащ отмахивался и ругался, но в конце концов, спотыкаясь, выбежал на улицу. Ифнесс Иллинет сочувственно нагнулся к лежащему Хозману и обернулся к Этцвейну: «Нужно ампутировать нарост».

Этцвейн мгновенно подскочил, выхватив нож. Землянин оттянул красно-коричневый шарф, а Этцвейн, прижимая коленом судорожно вскидывающего руки и ноги работорговца, разрезал ремешки сумки, подвешенной у того под затылком. Кабатчик, вытаращив глаза, опустил дубинку. Сморщившись от отвращения, Ифнесс приподнял двумя пальцами влажную асутру — уплощенное овальное членистоногое величиной с большой кулак, изрытое темно-коричневыми бороздками и чуть более светлыми выпуклыми извилинами. Этцвейн обрубил нерв. Грязные стены старого кабака в Шахфе слышали много отчаянных криков, но даже они задрожали от страшного вопля Хозмана Хриплого.

Между Ифнессом и Этцвейном протиснулась жесткая, как дерево, фигура — кха. Этцвейн приготовился ударить ножом, но кха уже выпрыгнул на улицу с асутрой в руке. Ифнесс пустился в погоню, Этцвейн за ним. Их взорам открылось неожиданное мрачное зрелище: в облаке белесой пыли черный циклоп, выпустив из ступней мощные когти, в безмолвной ярости топтал и разбрасывал во все стороны остатки асутры.

Нахмурившись, Ифнесс спрятал лучевой пистолет. Этцвейн поразился: «Он ненавидит асутру больше нас с вами!»

«Недвусмысленная демонстрация эмоций», — согласился землянин.

Из кабака донеслись новые вопли, глухой перестук ударов. Схватившись за голову, на двор выбежал Хозман, преследуемый алулами. Ифнесс с необычной для него поспешностью преградил дорогу Каразану и схватил его за руку: «Опомнитесь, подумайте о девушках! Если вы его убьете, мы ничего не узнаем!»

«Узнаем? Что мы узнаем? — орал гетман. — Он продал в рабство наших дочерей! Сам сказал! Мы их больше не увидим!»

«Не обязательно! Убить его вы всегда успеете, подождите! — Ифнесс повернулся к Хозману, пойманному Этцвейном за шиворот. — Говорите! Вам есть о чем рассказать».

«Что рассказывать? Кому? Зачем? — Хозман истерически всхлипывал. — Все равно меня разорвут на части — людоеды, звери!»

«Тем не менее, мне будет интересно вас выслушать. Вам нечего терять — говорите».

«Все это сон, — бормотал Хозман. — Сон, больше ничего. Я летал по воздуху, как бестелесный призрак. Я говорил с чудовищами. Я умер и восстал из мертвых».

«Прежде всего, — деловито прервал его Ифнесс, — где девушки, похищенные вчера ночью?»

Хозман дико взмахнул рукой и чуть не упал навзничь, потеряв равновесие: «За облаками! В царстве небесном! Оттуда никто, никто не вернется. Их унесло на волшебном челне».

«Так-так, понятно. Их увезли на летательном аппарате».

«Увезли? Их не просто увезли. Их больше нет на Дердейне!»

«Когда прилетает корабль-челнок?»

Хозман боязливо отвел глаза, хитро сморщив губы трубочкой. Ифнесс резко повысил голос: «Не увиливайте! Алулам не терпится устроить вам мучительную казнь. Не заставляйте их ждать!»

Работорговец хрипло смеялся: «Мне плевать на пытки! Я умру в мучениях — так предсказал колдун, мой повивальный дядька. Убивайте меня, как хотите, мне все равно».

«С каких пор вы носили асутру?»

«Это было давно... Так давно, что я забыл прежнюю жизнь. Сколько лет? Десять? Двадцать? В мой шатер заглянули двое — двое в черных одеждах. Таких людей в Каразе нет, нет на Дердейне. Я в ужасе поднялся им навстречу, они... они прижили мне наставницу». Дрожащими пальцами Хозман нащупал тыльную сторону шеи и покосился на алулов. Те стояли кругом наготове — каждый опустил руку на эфес кривой сабли.

«Где четыре девушки, украденные ночью?» — спросил Каразан.

«В ином, далеком мире. Что с ними теперь? Как они живут? Не знаю. Наставница ничего не объясняла».

Ифнесс жестом призвал гетмана к спокойствию и вежливо спросил: «Каким образом вы общались с наставницей?»

Хозман уставился в пространство помутневшими глазами. Слова срывались с его языка невольным, прерывистым потоком: «Невозможно описать, это особое состояние... Сначала, обнаружив на себе захребетника, я обезумел от омерзения — но только на один миг! Асутра тут же сотворила благодатное чудо — меня переполнила радость. Мрачные болота Балха источали восхитительные ароматы — воздух пьянил меня, я преобразился. В этот момент я был способен на все, ничто не могло меня остановить!» Хозман воздел руки к небу: «Блаженство длилось несколько минут. Потом вернулись люди в черном и разъяснили мои обязанности. Я быстро подчинился — за непослушание приходилось платить страшную цену. Наставница вознаграждала наслаждением и наказывала мучительной болью. Она понимала человеческий язык, но сама говорить не могла — только шипела да посвистывала. Я так и не выучил ее наречие. Но я мог говорить с ней вслух и спрашивать, если таково было ее желание. Наставница стала моей душой, частью меня самого — роднее и нужнее рук и ног. Нервы ее сплелись с моими неразрывно. Асутра заботилась о моем благополучии, не заставляла работать под дождем или в холоде. Я никогда не голодал — мой труд вознаграждался слитками червонного золота, меди, иногда даже стали».

«И в чем, собственно, состояли ваши обязанности?» — поинтересовался Ифнесс.

Хозман снова разразился лавиной слов, будто давно накопивших, ждавших первой возможности вырваться: «Обязанности? Очень простые. Я скупал рабов, здоровых рабов — столько, сколько можно было купить. В работорговле мне не было равных! Я обшарил, обчистил каразскую землю от реки Азур на дальнем востоке до бескрайних степей Дулговы на западе, до Турусских гор на южном побережье! Тысячи рабов отправил в космос Хозман Хриплый, гроза Караза!»

«Как их отправляли?»

«Ночью, когда вокруг никого не было и наставница могла предупредить об опасности, я вызывал челнок с орбиты и загружал моих рабов — порой одного или двух, иногда дюжину и больше. Рабы послушно всходили на борт, беспечные, отупевшие — им в питье подмешивают наркотик. Если нужно было спешить в другое место, я тоже поднимался на борт, и челнок стремительно уносил меня безмолвной птицей над черными облаками ночи. Например, из Оргая в Шахфе».

«И куда же доставлял рабов ночной челнок?»

Хозман показал пальцем вверх: «Там, высоко над небом, ждет летучий корабль. В нем тихо, рядами, лежат спящие рабы. Когда корабль наполняется, он улетает к миру наставниц — в сторону витков Хисторбо, созвездия Змеи. Как-то ночью мне было нечего делать — я задавал наставнице вопросы, а она отвечала «да» или «нет». Зачем асутрам столько рабов? Существа, служившие им раньше, плохо понимали указания или перестали слушаться. Так или иначе, настала очередь людей. Они должны защитить наставниц от страшного врага, притаившегося среди звезд». Хозман замолчал. Алулы, окружившие его тесным кольцом, теперь взирали на работорговца скорее не с ненавистью, а с ужасом, пораженные его невероятной судьбой.

Ифнесс опять спросил, самым безразличным тоном: «Как вызывается челнок?»

Закусив губу, Хозман отвернулся и смотрел на пыльную равнину. Ифнесс настаивал, осторожно и мягко: «Вам больше не придется носить асутру, отравляющую мозг быстротечным блаженством. Теперь вы снова один из нас, а мы считаем, что асутры угрожают всему роду людскому».

Хозман отвечал неохотно, глухим говорком: «У меня в сумке коробка с маленькой кнопкой внутри. Когда мне нужен челнок, я ухожу в безлюдное место темной ночью и жму на кнопку до тех пор, пока челнок не спустится с неба».

«Кто управляет челноком?»

«Он движется сам, побуждаемый таинственной волей».

«Отдайте мне коробку с кнопкой».

Хозман медленно опустил руку в сумку на поясе и вынул прямоугольную коробку. Ифнесс сразу отобрал ее. Этцвейн, встретившись глазами с кивнувшим ему историком, обыскал сумку и одежду Хозмана, но нашел только три небольших слитка меди и великолепный стальной кинжал с рукояткой из резного белого стекла.

Хозман наблюдал за происходящим с недоуменно-вопросительным выражением: «Что вы собираетесь со мной делать?»

Ифнесс взглянул на Каразана. Тот покачал головой: «Хозман не человек, а кукла, игрушка на ниточках! Он не заслуживает возмездия».

«Справедливое решение, — согласился землянин. — В стране работорговцев его нельзя обвинить ни в чем, кроме излишнего усердия».

«Этим дело не кончится! — недовольно отозвался гетман. — Нам не вернули дочерей. Пусть Хозман вызовет летающий челн. Мы его захватим и потребуем девушек в обмен!»

«На борту никого нет — у кого вы будете требовать?» — спросил Хозман, но вдруг добавил: «Впрочем, вы могли бы подняться на орбиту в челноке и лично предъявить возражения хозяевам корабля».

Каразан издал тихий задумчивый звук, обратив лицо к лиловому вечернему небу — гигант в белой рубашке навывпуск и черных шароварах. Этцвейн тоже смотрел в небо, представляя себе Руну, Ивовую Прядь, среди копошащихся бурых насекомых...

Ифнесс спросил Хозмана: «Вы когда-нибудь бывали на орбитальном корабле?»

«Только не я! — содрогнулся работорговец. — Я только того и боялся, чтобы как-нибудь там не очутиться. Изредка в

челноке приземлялся серый карлик с наставницей на спине. Тогда приходилось часами стоять в темноте, пока две асутры шипели и пересвистывались. После таких посещений я мог отдыхать — накопитель на орбите наполнялся, рабов увозили, и какое-то время их скупка не требовалась».

«Когда асутра с орбитального корабля спускалась в последний раз?»

«Довольно давно. Точно не помню. Мне не давали размышлять, я не считал дни».

Ифнесс задумался. Каразан грузно шагнул вперед: «Так мы и сделаем: вызовем челнок, поднимемся на орбиту, уничтожим врагов и освободим дочерей алулов! Остается дожидаться ночи».

«Идея захвата корабля-накопителя напрашивается сама собой, — сказал Ифнесс Иллинет. — Успех сулит значительные выгоды, возможностью изучить технологию противника трудно пренебречь. Тем не менее я предвижу, что вы столкнетесь с трудностями, особенно в том, что касается возвращения и приземления. Допустим, вам удастся захватить корабль на орбите — но вы не умеете им управлять и можете оказаться в отчаянном положении. Рискованное предприятие. Рекомендую воздержаться».

Каразан горестно крикнул и снова воззрился на небо, будто пытаясь отыскать кратчайшую дорогу к тюрьме на орбите. Хозман, почувствовав возможность незаметно ускользнуть, не преминул ею воспользоваться. Зайдя за угол постоянного двора, чтобы вернуться к быстроходцу, работорговец застал кашей из клана Синих Червей, рывшихся в его седельных сумках. Хозман издал нечленораздельный яростный крик и бросился на широкую сутулую спину ближайшего грабителя. Второй каш, копавшийся с другой стороны седла, не долго думая, ткнул Хозмана кулаком в лицо. Тот отбежал назад, чтобы не упасть, и ударился спиной о глинобитную стену кабака. Синие Черви снова погрузились в свое неблагородное занятие. Алулы с отвращением наблюдали за ними и собрались было вмешаться, но Каразан отозвал их: «Ахульфы делают добро ахульфа. Пусть, не наше дело».

«Ты кого ахульфами зовешь? — огрызнулся один из разбойников. — Оскорбительная кличка!»

«Только не для ахульфов, — скучающим тоном обронил Каразан. — Вам обижаться не на что».

Кащи, значительно уступавшие алулам численностью, не решались ввязываться в драку и вернулись к обыску поклажи работорговца. Каразан отвернулся и погрозил кулаком в небо.

Этцвейн, беспокойный и подавленный, обратился к Ифнессу: «Предположим, мы захватим корабль. Разве вы не сможете разобраться в приборах управления?»

«Почти наверняка не смогу. Но и пытаться не стану — в этом вы можете быть уверены».

Этцвейн уставился на землянина с холодной враждебностью: «Мы обязаны что-то сделать. Не меньше сотни — может быть, две сотни людей — томятся на орбите и беспомощно ждут, пока асутры не увезут их на чужую планету. Мы их единственная надежда».

Ифнесс рассмеялся: «По меньшей мере, вы преувеличиваете мои возможности. Подозреваю, что вас очаровала пара кокетливых глаз, и теперь вы готовы решиться на галантный подвиг, невзирая на препятствия и последствия».

Этцвейн сдержал готовый сорваться с языка гневный ответ — меткое замечание заставило его смутиться... К тому же, почему бы Ифнесс вдруг начал проявлять великодушие? С момента их первой встречи землянин неизменно отказывался заниматься чем бы то ни было, кроме своих собственных дел, всегда представлявшихся ему неизмеримо более важными. Не впервые Этцвейн чувствовал сильнейшую неприязнь к ученому-карьеристу. Их отношения никогда не были близкими — настало время окончательного отчуждения. Тем не менее, Этцвейн спокойно спросил: «Вернувшись в Шиллинск, не могли бы вы связаться с Дасконеттой и потребовать, чтобы с Земли выслали спасательный корабль? Дальнейшее промедление немыслимо».

«Я мог бы это сделать, — кивнул Ифнесс. — Кроме того, Дасконетта, скорее всего, утвердил бы мой запрос и тем самым приписал бы себе достижение, по всей справедливости не являющееся его заслугой».

«Сколько времени потребуется такому кораблю, чтобы прибыть в Шахфе?»

«Трудно сказать. Это зависит от многих факторов».

«Меньше суток? Два дня? Две недели? Месяц?»

«Учитывая все соображения, в самых благоприятных условиях корабль может прибыть на Дердейн через две недели».

Каразан, до сих пор ничего не понимавший в беседе чужестранцев, восторженно вскрикнул, когда землянин назвал возможный срок прибытия спасательной экспедиции: «Две недели! К тому времени пленных увезут — до скончания века они будут пресмыкаться перед захребетниками, потерянные на далекой, чужой планете!»

«Трагическая ситуация, — согласился Ифнесс. — Но я не могу ничего посоветовать».

«Существует разумный вариант! — не сдавался Этцвейн. — Вы как можно скорее вернетесь в Шиллинск и там потребуете помощи у Дасконетты. Я вызову челнок. Вместе с алулами мы поднимемся на орбиту и захватим корабль. Если сможем, мы приземлимся сами — если нет, останемся на орбите и будем ждать спасателей с Земли».

Ифнесс ответил не сразу: «В вашем плане есть своего рода сумасшедшая логика. Если допущения верны, он даже осуществим. Должен признать, что обстоятельства позволяют мне обойти Дасконетту и связаться непосредственно с теми, от кого зависит организация спасательной экспедиции. Таким образом, мое предыдущее возражение отпадает... Но в уравнении слишком много переменных. Мы имеем дело с неизвестностью».

«Прекрасно понимаю. Но алулы намерены захватить корабль в любом случае, а у меня есть возможность способствовать их успеху, — Этцвейн похлопал по сумке с лучевым пистолетом. — Сознавая это, как я могу остаться в стороне?»

Ифнесс пожал плечами: «Я не позволяю себе экстравагантные благоглупости — иначе меня давно уже не было бы в живых. Все же, если вам удастся посадить на Дердейне неземной звездолет или хотя бы удержать его на орбите до моего возвращения, я буду в первом ряду публики, аплодирую».

щей вашей альтруистической браваре. Подчеркиваю, однако, что прежде всего я учитываю свои собственные интересы, ничего не гарантирую и настоятельно рекомендую вам не пускаться в космические авантюры».

Этцвейн сухо усмехнулся: «Ничего другого я от вас и не ожидал. Да, захват звездолета — дело рискованное. Но если мы не пойдем на риск, люди погибнут неизбежно. Возвращайтесь в Шиллинск без промедления. Время не ждет».

Ифнесс нахмурился: «Сегодня? Путь не близкий... С другой стороны, гостеприимство Быббы меня тоже не прельщает. Согласен — желательно поторопиться. Пусть будет так. Я возьму с собой кха. Мы отправимся сейчас же в сопровождении Фабраша».

Глава 7

Солнца уже три часа как зашли за далекий хребет Оргая, и в небе исчезли последние следы багрово-фиолетовой вечерней зари. На равнине ждали восемнадцать воинов-алулов, Этцвейн и Хозман.

«Здесь обычное место, — говорил Хозман, — и сейчас самое подходящее время. Это делается так. Я нажимаю кнопку. Через двадцать минут сверху должен появиться зеленый огонь. Тогда я отпускаю кнопку, и челнок приземляется. Рабы стоят очередью, друг за другом. Опьяненные наркотиком, они послушны, ничего не понимают, двигаются, как во сне. Открывается дверь. За ней — бледно-голубой свет. Я подхожу, подгоняя рабов ближе к двери. Если в челноке спустилась наставница, она появляется на пороге, и я должен ждать, пока асутры переговариваются. Когда разговор кончается, рабы заходят внутрь, я закрываю дверь, и челнок взлетает. Вот и все».

«Очень хорошо. Нажмите кнопку».

Хозман подчинился. «Сколько раз я этим занимался! — бормотал он. — И каждый раз дивился: куда их увозят? Что их ждет? Потом, когда челнок улетал, я долго смотрел на звезды и, казалось, говорил с ними... Но все это позади, все позади. Я отведу ваших быстроходцев в Шахфе и продам их Быббе, а потом вернусь в родные края и стану профессиональным пророком... Встаньте в очередь, потеснее. Вы должны выглядеть вялыми, рассеянными, обмякшими».

Алулы и Этцвейн построились цепочкой друг другу в затылок и стали ждать. Ночь выдалась тихая, безветренная. Километрах в восьми к северу, в Шахфе, жгли костры и масляные лампы, но отсюда их уже не было видно. Минуты тяну-

лись долго — Этцвейн никогда еще не замечал, чтобы время шло так медленно. Каждая секунда растекалась, как плавленный воск, и неохотно исчезала в непроглядной тьме прошлого.

Хозман поднял руку: «Зеленый огонь! Прибывает челнок. Стойте наготове — расслабленно, вяло, не делайте резких движений...»

Небо тихо вздохнуло и слегка загудело — постепенно растущая тень закрывала звезды. Орбитальный челнок приземлился метрах в пятидесяти. Медленно опустился люк-трап, на землю пролился бледный голубой свет. «Пойдемте, — бормотал Хозман. — Строем, не расходитесь... Выползает наставница. Не слишком волочите ноги, торопиться тоже не надо».

Этцвейн, шедший впереди, остановился, не доходя до трапа. Дорожка голубого света вела в расплывчатый голубой сумрак. На наружном выступе у порога трапа под линейкой микроскопических цветных огоньков сидела асутра. На какое-то мгновение Этцвейн и асутра встретились глазами. Догадавшись о приближении опасности, асутра зашипела и стала поспешно пятиться к небольшому отверстию в корпусе. Одним взмахом сорухской сабли Этцвейн отрубил брюшко насекомого, преградив путь к отступлению, и с отвращением сбросил лезвием на трап судорожно шевелящиеся остатки. Алулы раздавили их сапогами.

Хозман хихикнул сумасшедшим тонким голоском: «Связь не прошла бесследно. Я чувствовал бешеную ярость: как мороз по коже!»

Каразан грузно взошел по трапу. Потолок внутреннего коридора заставил его пригнуться: «Вперед! Доведем дело до конца, пока кровь не остыла! Гастель Этцвейн, ты разбираешься в этих шарнирах, штырьках, прозрачно мигающих огнях?»

«Нет».

«Заходи же! Взялся за гуж — не говори, что не дюж!»

Этцвейн поднимался по трапу последним. Его одолевала нерешительность — бесспорно, они отважились на крайне безрассудное предприятие. «Смелость города берет!» — убеждал он себя, но на пороге полной неизвестности привычные

пословицы и прибаутки теряли смысл. Этцвейн обернулся к Хозману — и поразился искажившему лицо работорговца нетерпению. Казалось, тот едва сдерживал торжествующий возглас.

«Настал час его мести! — мрачно подумал Этцвейн. — Теперь Хозман отомстит всем — и нам, и асутрам. Весь Дердейн будет расплачиваться за ужас его прежней жизни... Не проще ли прикончить его сразу?» Этцвейн медлил, задержавшись на пороге челнока. Снаружи стоял явно что-то предвкусивший Хозман. Внутри алулы, с первой минуты угнетенные замкнутым пространством, начинали недовольно ворчать. Поддавшись внезапному порыву, Этцвейн соскочил на землю и схватил Хозмана за руку — тот прятал ее, почти заложив за спину. Работорговец сжимал в кулаке белую тряпку. Этцвейн медленно поднял глаза: Хозман боязливо облизывался, кончики его бровей подло опустились и дрожали.

«Вот как! — сказал Этцвейн. — Решил подать сигнал, чтобы на орбите нас встретили залпом?»

«Нет-нет! — запинаясь, оправдывался Хозман. — Это мой платок. Привычка — потеют ладони».

«Понятное дело, потеют!» — не отпускал его Этцвейн.

Из челнока выглянул Каразан. Мгновенно разобравшись, в чем дело, богатырь спустился по трапу и наклонился над работорговцем, широко открыв большие страшные глаза: «Насекомое! Никто не принуждал тебя к предательству — оно у тебя в крови!» Гетман вытащил из ножен широкую кривую саблю: «На колени, Хозман! Подставляй шею, пришло твое время».

«Один момент! — вмешался Этцвейн. — Как закрывается люк?»

«Сами догадывайтесь! — крикнул Хозман и попробовал отпрыгнуть в сторону, но Каразан поймал его за воротник плаща.

Работорговец стал причитать истеричным слезным голосом: «Мы так не договаривались! А у меня есть ценные сведения, я могу спасти вам жизнь — но если мне не гарантируют свободу, ничего не скажу! Убить-то вы меня убьете, зато потом, когда вззоете от непосильной работы на планете хозяев,

вспомните последний смех Хозмана!» Закинув голову, он разразился диким издевательским хохотом: «Вас сгноят в рабстве, а Хозман — Хозман умрет в радости, обрушив на врагов лавину горя!»

Этцвейн пожал плечами: «Какое нам дело до твоей грошовой жизни? Мы беспокоимся о себе — твое предательство сорвет наши планы».

«Никакого предательства! Моя жизнь, моя свобода — в обмен на ваши!»

«Затолкните его в челнок, — посоветовал Каразану Этцвейн. — Если мы выживем, ему повезет. По возвращении, однако, придется его хорошенько высечь».

«Нет, нет, нет!» — вопил и вырывался Хозман. Каразан огрел его ладонью по голове — работорговец замолчал.

«Предпочел бы прикончить паразита, — вежливо поделился мнением Каразан. — Ну, пошли!» Встряхнув Хозмана за шиворот, гетман затащил его внутрь челнока. Разглядывая люк, служивший трапом, Этцвейн обнаружил нечто вроде внутреннего зажима и спросил Хозмана: «Что теперь? Потянуть трап на себя, а когда он закроется, опустить рычаг?»

Хозман уныло кивнул: «Больше ничего. Машина сама взлетает и находит корабль».

«Тогда приготовьтесь: отправляемся».

Этцвейн захлопнул люк — и сразу ощутил навалившуюся на ноги тяжесть. Алулы ахнули, Хозман жалобно залепетал. Через некоторое время ускорение уменьшилось. Голубое освещение мешало распознавать лица и, казалось, придавало характеру каждого человека что-то новое, доселе неизвестное. Глядя на кочевников, Этцвейн чувствовал себя пристыженным их отвагой — им ничего не было известно о возможностях Иффесса. Этцвейн спросил Хозмана: «О каких спасительных сведениях вы говорили? Что вы знаете?»

«Ничего определенного, — мялся Хозман. — Просто знаю, как нужно себя вести, как нужно выглядеть, чтобы избежать немедленного разоблачения».

«И как же, по-вашему, мы должны себя вести?»

«Нужно ходить с обвисшими руками, с пустым невидящим взглядом — вот так, едва держась на ногах и спотыка-

ясь», — обмякший Хозман стоял с безнадежным выражением на осунувшемся лице, изрезанном длинными тенями морщин.

Минут через пятнадцать сила тяжести снова слегка увеличилась: челнок тормозил. Хозман нервно забормотал: «Не знаю, что и как делается внутри корабля. Но вы должны действовать беспощадно и стремительно. Неожиданность — единственная надежда».

«Корабль обслуживают серые существа с асутрами на спинах?»

«Надо полагать».

«Деритесь, и деритесь хорошо! — посоветовал Хозману Этцвейн. — Это в ваших интересах».

Работорговец не ответил. Прошло несколько секунд. Челнок вздрогнул, соприкоснувшись с чем-то жестким, и, по-видимому, втиснулся в некое углубление или гнездо со вторым, уже окончательным толчком. Люди напряглись. Люк открылся. Перед ними брезжил голубым полумраком пустой узкий коридор, где можно было поместиться только цепочкой по одному. Из потолочной панели неожиданно раздался голос: «Пройдите в приемник, снимите всю одежду. Вас освежат очищающим раствором».

«Двигайтесь, как пьяные, не понимающие инструкций», — пробормотал Хозман.

Этцвейн медленно, волоча ноги и опустив голову, прошел в дальний конец коридора, где дорогу преграждал следующий люк. Алулы последовали за ним — среди них шаркал понурый Хозман. Голос с потолка заговорил снова: «Снимите всю одежду. Одежду необходимо снять».

Этцвейн изобразил, что пытается стащить с себя куртку, но скоро изможденно опустил руки и обмяк, прислонившись к стене. В громкоговорителе послышались тихое шипение, брезгливая возня. Из отверстий в потолке вырвались струи едкой жидкости — все стоявшие в коридоре промокли до нитки. Едкий ливень прекратился, открылся люк в конце коридора. Этцвейн вошел, спотыкаясь и пошатываясь, в большое круглое помещение. Здесь их ожидали шесть двуногих существ с темно-серой бородавчатой кожей — сутулые, приземистые, напоминавшие огромных жаб. Из приплюснутых

голов молочно-белыми шарами выступали пять стекловидных глаз, мускулистые ступни с серо-зелеными перепонками можно было скорее назвать ластами. На тыльной стороне шеи у каждой жабы сидела асутра.

Этцвейну не пришлось даже подавать знак. В алулах взорвалась давно копившаяся ярость — они бросились вперед, и через пять секунд служители насекомых неподвижно лежали в растекающихся лужах серо-зеленой крови, смешанных с изрубленными и раздавленными остатками их хозяев. Выхватив лучевой пистолет, Этцвейн озибался по сторонам, его ноздри возбужденно расширились. Больше никто не появлялся.

Крадучись, длинными шагами, Этцвейн пробежал к выходу в противоположном конце помещения, выглянул в узкий коридор, тянувшийся в двух направлениях. Прислушиваясь, он мог различить только тихий, низкий, размеренно пульсирующий гул. Половина алулов во главе с Каразаном направилась налево. Этцвейн шел впереди отряда, свернувшего направо. Плечи едва помещались в тесном коридоре, голова почти касалась низкого потолка. Видимо, проходы в орбитальном корабле проектировались асутрами в расчете на приземистых узкоплечих служителей-амфибий. Великану-гетману, наверное, приходилось протискиваться бочком и пригнувшись.

Впереди, под потолком, Этцвейн заметил мерцание звезд — коридор кончался крутым подъемом без ступеней. Поспешно взобравшись наверх, Этцвейн ворвался в рубку управления под прозрачным куполом. Помещение окружала низкая кольцевая скамья. На центральном участке блестело скопление заполненных разноцветными жидкостями небольших прозрачных резервуаров. Прямо напротив входа, вплотную к нижнему краю купола, продолжением кольцевой скамьи выступала низкая наклонная панель, испещренная канавками и точечными отверстиями — судя по всему, пульт управления. За пультом на скамье с мягкой обивкой лежали три асутры.

Как только Этцвейн появился в рубке, асутры вскочили на пульт и повернулись к нему, прижавшись к куполу и возмущенно шипя. Одно из насекомых приподняло передними лап-

ками маленький черный прибор, с треском испутивший в сторону Этцвейна струю сиреневого пламени. Этцвейн, однако, уже бросился в сторону — пламя угодило в грудь кочевнику, взобравшемуся в рубку следом за Этцвейном. Этцвейн боялся пользоваться лучевым пистолетом: разряд мог прожечь прозрачный купол. Короткими перебежками, пригибаясь и прячась за прикрытиями, он приблизился к асутрам. Одно насекомое успело спрыгнуть и юркнуть в тесный лаз высотой не больше двух ладоней. Вторую асутру Этцвейн успел прибить, ударив саблей плашмя. Третья, шипя и свистя, пятилась по пульта управления. Этцвейн схватил ее и швырнул на пол, где подоспевший кочевник превратил ее каблуком в грязное мокрое место.

Человек, пораженный выстрелом асутры, лежал на спине под низким куполом рубки и смотрел на звезды. Он умирал, ему ничто не могло помочь. Этцвейн приказал двум алулам оставаться на страже. Те ответили дерзкими взглядами, оспаривая его право распоряжаться. Этцвейн игнорировал их упрямство: «Осторожно! Не стойте там, где асутра может в вас прицелиться — она прячется в лазе под скамьей. Это отверстие лучше всего чем-нибудь загородить. Не теряйте бдительности!» Этцвейн спустился в коридор и отправился на поиски Каразана.

Коридор пологой дугой спускался к центральному трюму, где на многоэтажных нарах, тянувшихся от круглой площадки к стенам подобно спицам огромного колеса, спали тяжелым наркотическим сном пленные, захваченные в Каразе. Каразан убил одного из бородавчатых серых служителей. Двое других покорно стояли в стороне. У них на загривках не было «наставниц». Не меньше двухсот человек — мужчин, женщин и детей — лежали плотными неровными рядами, как бревна в поленищах. Среди них, на площадке, стоял Каразан, хмуро поглядывая то на пятиглазых гигантских жаб, то на спящих рабов. Впервые в жизни, наверное, гетман пребывал в нерешительности.

«Пленных можно оставить в покое, — сказал Этцвейн. — Пусть спят. Гораздо важнее другое. Асутры пользуются узкими лазами с выходами на уровне пола. Одна успела скрыться

в такой лаз. У насекомых есть лучевое оружие, они уже убили одного. Нужно обойти корабль, соблюдая чрезвычайную осторожность, и замуровать все опасные отверстия — по крайней мере до тех пор, пока мы не разберемся в планировке».

Каразан пожаловался: «Корабль меньше, чем я думал. Тесно, повернуться негде».

«Корабль строили асутры. С их точки зрения он достаточно просторен. Если повезет, мы скоро приземлимся. До тех пор остается только ждать и надеяться, что уцелевшие асутры не позовут своих на помощь».

«Ума не приложу, что к чему? — беспокойно оглядываясь, ворчал Каразан. — Прежде всего, с какой стати эти твари явились на Дердейн за рабами? Что, их не устраивают жабы, черные одноглазые чудища, медные бесы — и какая там еще нечисть у них в услужении?»

«Об асутрах мы не знаем ничего определенного, — сказал Этцвейн. — Одна догадка не хуже другой. Возможно, симбионты каждого типа выполняют только отдельные функции. А может быть, асутры просто предпочитают разнообразный состав прислуги».

«В конце концов, какая разница? — гремел Каразан. — Выкурить их, как клопов из щелей, и все тут!» Гетман отдал распоряжения своим людям и попарно отправил на поиски. Объявив, что он неспособен разойтись со встречными в узких коридорах и будет только мешать, Каразан отправился в более просторную рубку под куполом, погоняя перед собой двух серокожих амфибий. Там он попытался заставить их приземлить корабль на Дердейне, но ничего не добился. Этцвейн направился к челноку, остававшемуся в корабельном доке, однако не нашел в нем ничего, что напоминало бы приборы управления. Потом он занялся поисками провизии и воды и обнаружил их в мешках и баках в отдельном отсеке рядом с трюмом, где спали рабы. Воздух казался чистым и свежим — где-то в орбитальной тюрьме работала автоматическая система фильтрации и кислородного обогащения. Этцвейн надеялся, что уцелевшие асутры не догадаются или не пожелают выпустить воздух из корабля, спрятавшись в каком-нибудь герметичном отсеке. Что бы он сделал на их месте? Если с род-

ной планеты скоро должен был прибыть транспортный звездолет, он не стал бы ничего предпринимать и ждал бы устранения проблемы лучше вооруженными и оснащенными сородичами...

Стали возвращаться пары воинов-кочевников. Они нашли двигатели, генераторы энергии и систему очистки воздуха. Удалось застать врасплох и прикончить одну асутру, сидевшую на шее пятиглазой жабы, но других насекомых не видели. В дюжине отсеков были заблокированы все проходы, слишком узкие для людей. Теперь у Этцвейна было много свободного времени. Он постепенно, внимательно изучил все помещения орбитального накопителя, пытаясь определить местонахождение аварийного убежища насекомых. Алулы, уже чувствовавшие себя увереннее, помогали ему.

Часами они бродили по кораблю, оценивая расстояния и объемы, и в конечном счете заключили, что логово хозяев орбитальной тюрьмы находилось непосредственно под куполообразной рубкой управления и занимало пространство площадью не больше одного квадратного метра и высотой чуть больше метра. Этцвейн и Каразан внимательно осмотрели наружные поверхности этой полости, размышляя над тем, как в нее можно было бы проникнуть. В стенах, изготовленных из неизвестного Этцвейну материала, не похожего ни на стекло, ни на металл, не было никаких швов или стыков. Этцвейн предполагал, что в убежище находились своего рода «каюты», жилые ячейки экипажа. Как долго асутры могли выжить в таких ячейках без пропитания? Вероятно, в том же закрытом пространстве хранился аварийный запас провианта.

Приближался рассвет. Дердейн выглядел, как огромный, окруженный звездами черно-пурпурный диск с пульсирующим анилиново-красным проблеском на востоке. Голубая Эзелетта вынырнула из-за горизонта, за ней розовая Сасетта и, наконец, слепяще-белый Заэль. Поверхность Дердейна озабилась.

По приблизительной оценке Этцвейна космическая тюрьма висела над Каразом на расстоянии трехсот с лишним километров. Прямо внизу должно было быть Шахфе, но незначительное селение невозможно различить с орбиты. С юга на

север, как серебряные змеи с лиловым отливом, спящие на подстилке из темного курчавого мха, тянулись гигантские реки Караза. Далеко на юго-западе можно было заметить озеро Ниор и цепочку озер поменьше. Этцвейн не знал, какая сила удерживала корабль-накопитель на орбите и сколько времени заняло бы падение на планету, если бы асутры выключили двигатели, но поморщился, представив себе последние несколько секунд... Тем не менее, уничтожив корабль, асутры ничего не выигрывали. Этцвейн задумался о любопытном сходстве внешне столь непохожих друг на друга существ, как люди, асутры, рогушкой и кха. Всем требовались пропитание и укрытие, все пользовались светом, чтобы ориентироваться в пространстве... Средствами общения служили, главным образом, речевые и слуховые органы — не зрение, не осязание и не обоняние — по простейшим, одинаковым для всех причинам. Звук заполняет пространство, отражаясь от поверхностей и огибая препятствия, звук можно производить с минимальными затратами энергии, сочетания и последовательности звуковых колебаний бесконечно разнообразны.

Телепатия? Многие соображения позволяли подвергнуть сомнению целесообразность повседневного применения телепатической связи человеком, хотя другие существа могли пользоваться таким методом общения более последовательно. Приписывать исключительно человеку способность время от времени угадывать мысли или эмоции на расстоянии было бы нерационально. «Сравнительное изучение разумных существ было бы чрезвычайно занимательным времяпровождением», — решил Этцвейн...

Он разглядывал во всех направлениях глухо-черное, пылающее звездами небо. На скорое прибытие Иффнесса и земного звездолета можно было не надеяться. Но уже нужно было опасаться преждевременного прибытия звездолета насекомых-паразитов. Орбитальный корабль-накопитель в целом представлял собой шишковатый цилиндр, утыканный приземистыми конусами с ветвистыми мачтами из белого металла, разбросанными на пять-шесть метров один от другого. Этцвейн не преминул отметить, что накопитель, в отличие от красновато-бронзовых дисковых звездолетов, поблескивал

гладким, будто полированным угольно-серым покрытием, отливавшим маслянистыми алыми, темно-синими и зелеными разводами.

Этцвейн вернулся в рубку, чтобы изучить приборы управления. Несомненно, они должны были выполнять те же основные функции, что и земное оборудование. Этцвейн подозревал, что Ифнесс, если бы у него была такая возможность, смог бы разобраться в значении странных маленьких жгутиков, выростов и канавок, емкостей с серым студнем... Снизу, из коридора, появился Каразан. Клаустрофобия вызывала в нем тревогу и раздражительность. Только под прозрачным куполом, окруженный безграничным космосом, гетман становился спокойнее: «Не могу пробить стену! Ножи и палицы бесполезны, а инструменты насекомых я не понимаю».

«Не вижу, чем асутры могли бы нам угрожать, — размышлял вслух Этцвейн, — если все их проходы замурованы. Отчаявшись, они могли бы, наверное, прожечь перегородки и обстрелять нас из лучевого оружия... С другой стороны, если бы они согласились спуститься на Дердейн, то потом могли бы улететь подобру-поздорову. Конечно, в таком случае Ифнессу не удастся заполучить их корабль, но он может и подождать до следующего раза».

«Согласен целиком и полностью! — заявил Каразан. — Не выношу висеть в пустоте, как птица в клетке. Если бы мы сумели как-то объясниться с захребетниками, то, наверное, смогли бы и торговаться. Может быть, жабы их понимают? Попробуем растолковать им, что нам нужно — все равно больше нечего делать».

Они спустились в трюм для рабов, где в безразличной неподвижности сидели служители-амфибии. Этцвейн провел одно бородавчатое существо в рубку и жестами, указывая на пульт управления и на планету, стал объяснять жабе, что та должна опустить корабль на поверхность. Ничто не помогало. Серая тварь стояла, уставившись пятью глазами во все стороны. Складки кожи у боковых отверстий низколобой головы учащенно вздымались и опадали, свидетельствуя о неких неизвестных эмоциях.

Раздосадованный Этцвейн даже подтолкнул амфибию к пульту управления, но существо сжалось, напряглось и выделило вонючую слизь из желез по обеим сторонам спинного хребта. Этцвейн прекратил дальнейшие попытки.

Поразмыслив полчаса, он подошел к заблокированному лазу под скамьей — тому, куда сбежала асутра — и осторожно отодвинул мешки с сухими зерновыми лепешками, загораживавшие вход. Этцвейн шипел и свистел самым успокоительным и ободряющим, с его точки зрения, образом, после чего прислушивался. Ответом было гробовое молчание. Он еще раз посвистел, подождал — снова безрезультатно. Раздраженный и разочарованный, Этцвейн завалил проход мешками. Не могла же асутра, умственными способностями не уступавшая человеку, не понимать, что ей предлагают перемирие!

Почти прижавшись лицом к прозрачному куполу, Этцвейн смотрел на Дердейн, уже ярко освещенный солнцами. Вихрь перистых облаков заслонял озеро Ниор. Прямо внизу Миркильская долина тоже скрылась под облаками... Отказ асутры начать переговоры означал, по-видимому, неспособность к компромиссу или сотрудничеству. Судя по всему, паразиты не ожидали никаких уступок и сами уступать не собирались. Этцвейн вспомнил рогушкоев, сеявших смерть, ужас и разорение среди народов Шанта. Согласно первоначальному допущению, рогушкой были экспериментальным биологическим оружием, разработанным с целью опустошения и порабощения земных миров. Теперь, однако, возникало впечатление, что асутры опробовали на Дердейне медных бесов, рассчитывая использовать их в борьбе с хозяевами черных шаровидных звездолетов...

Мрачно нахмурившись, Этцвейн разглядывал Дердейн. Ситуация становилась все более загадочной и противоречивой. Этцвейн перебирал в уме вопросы, время от времени вызывавшие у него замешательство. Зачем асутрам понадобились рабы с Дердейна, если в их распоряжении уже были кха — столь же понятливые, сильные и расторопные? Почему кха с такой страстью растоптал асутру? Как асутры могли надеяться, что рогушкой устоят против технологически развитой

расы? И еще: когда кха оказался замурован в отсеке расстрелянного корабля-диска, почему управлявшая им асутра не выбралась наружу сама? Размеры позволяли ей это сделать. В высшей степени любопытно! Возможно, когда-нибудь какие-нибудь обстоятельства прольют свет на эти тайны.

Время тянулось медленно. Алулы подкрепились принесенным с собой вяленным мясом и осторожно попробовали сухие зерновые лепешки из корабельных запасов. Скорее бы прибыл Ифнесс на спасательном корабле! В том, что Ифнесс вернется, Этцвейн не сомневался. Ифнесс никогда ни в чем не терпел поражения, Ифнесс был слишком горд, чтобы допустить провал... Этцвейн спустился в трюм и взглянул на длинные ряды бледных спящих лиц. Он нашел Руну Ивовую Прядь и провел несколько минут, рассматривая ее правильные черты. Прикоснувшись к ее шее, он попытался уловить пульс, но ему мешало биение его собственного сердца. Приятно было бы странствовать по степям Караза, подальше от любопытных глаз, в обществе Руны... Этцвейн медленно, неохотно отвернулся. Он побродил по кораблю, удивляясь эффективности его проектирования и точности отделки деталей. Поистине чудо техники: звездный корабль, способный переносить мыслящих существ на немыслимые расстояния!

Этцвейн вернулся в рубку управления и сел на скамью перед пультом, беспомощно разглядывая хитроумные приборы. Солнца заходили, мир под кораблем погрузился в ночь.

Ночь прошла, наступил день. Хозман Хриплый лежал, раскинув руки, лицом вниз, за нарами в трюме. Веревоочная петля плотно вдавилась в его шею, язык вывалился. Каразан неодобрительно поворчал, но даже не попытался искать убийц — смерть работоторговца не казалась ему заслуживающим внимания событием.

Шло время. В корабле установилась атмосфера сомнения и неуверенности. Торжество победы прошло, кочевники предавались унынию... Снова Этцвейн посвистел в проход, ведущий к убежищу асутры — безуспешно. Теперь он подозревал, что все асутры сдохли. Он видел, как асутра юркнула в лаз под скамьей. Впоследствии алулы прикончили асутру, устро-

ившуюся на шее бесхвостой амфибии. Это могло быть одно и то же насекомое.

Прошел второй день, за ним третий, четвертый. Каждое утро Дердейн украшался новым узором облаков, других изменений не было. Этцвейн уверял алулов в том, что отсутствие каких-либо событий — хороший признак, но Каразан возразил: «Не могу согласиться с твоими доводами. Что, если Ифнесса зарезали по пути в Шиллинск? Что, если он не смог связаться с соплеменниками? Или, например, ему могли отказать в помощи. Что тогда? Мы сидели бы тут и ждали — так же, как ждем сейчас. Отсутствие перемен ни о чем не говорит».

Этцвейн попытался рассказать об особенностях необычного, извращенного характера землянина, но Каразан нетерпеливо отмахнулся: «Он человек. Значит, ни в чем нельзя быть уверенным».

В ту же секунду один из часовых, день и ночь стоявших у прозрачного купола, закричал: «Корабль! Вот он летит!»

Этцвейн вскочил, задыхаясь от волнения. «Слишком рано! — думал он. — Ифнесс не мог вернуться так скоро!» Прищурившись, Этцвейн смотрел туда, куда указывала рука часового... Далеко по звездному небу, поблескивая в лучах солнц, лениво скользил бронзовый диск.

«Звездолет насекомых», — сказал Этцвейн.

Каразан мрачновато отозвался: «У нас один выход — драться. Они ожидают, что их тюрьма у нас в руках».

Этцвейн взглянул на пульт управления, оживший мерцающими, бегущими нитями огоньков. Что означала эта иллюминация? Спросить было не у кого. Если экипаж звездолета-диска пытался связаться с орбитальным кораблем и не получил ответа, асутры уже были настороже. Надежды Каразана на неожиданность обороны могли не оправдаться.

Бронзовый диск полого спускался с северной стороны, замедлился и неподвижно завис в полутора километрах от накопителя. Повисев некоторое время, он внезапно озарился зеленой вспышкой и исчез. В небе стало пусто.

Из дюжины глоток послышался одновременный резкий выдох изумления. «Это еще что? — возмутился Каразан, не

обращаясь ни к кому в частности. — Со мной эти фокусы не пройдут! Со мной шутки плохи!»

Этцвейн покачал головой: «Не могу сказать, в чем дело, но предпочитаю отсутствие этого корабля его присутствию».

«Они догадались, что мы здесь, и хотят застать нас врасплох, — ворчал гетман. — Мы будем готовы!»

До позднего вечера все алулы, не занятые патрулированием коридоров, толпились в рубке управления. Но бронзовый диск не появился вновь — все понемногу успокоились и вернулись к прежнему времяпровождению.

Миновали еще четыре утомительно скучных дня. Алулы впали в неразговорчивое уныние, стали пренебрегать патрульными обязанностями. Этцвейн пожаловался гетману, но Каразан отозвался неразборчивым бормотанием.

«Распускать людей опасно! — настаивал Этцвейн. — Необходимо поддерживать дисциплину. В конце концов, поднимаясь на борт челнока, каждый понимал, на что идет».

Каразан не ответил, но через несколько минут собрал кочевников вокруг себя. «Мы — алулы! — провозгласил он. — Мы знамениты стойкостью. Настало время показать, на что мы способны. Скука и теснота — не самые трудные испытания. Все могло быть гораздо хуже».

Хмурые бойцы выслушали его без возражений и впредь стали бдительнее нести вахту.

Поздно вечером произошли события, резко изменившие положение вещей. Глядя на восток, Этцвейн заметил над багрово-серыми просторами планеты неподвижно висевший в пространстве черный шар. Не представляя себе размеров сферы, расстояние трудно было оценить. Этцвейн наблюдал за шаром минут десять, но не заметил никаких признаков перемещения. Пораженный внезапной догадкой, он обернулся к пульту управления: по нему бегали разноцветные огоньки. В рубке появился Каразан. Этцвейн указал пальцем на черный шар. Тоскливо, с надеждой, Каразан спросил: «Корабль с Земли? Мы вернемся на Дердейн?»

«Не думаю. Ифнесс обещал вернуться не раньше, чем через две недели. Слишком рано».

«Тогда чей это корабль? Опять асутры?»

«Я рассказывал о битве под Три-Оргаем, — напомнил Этцвейн. — Скорее всего, это звездолет врагов асутр. Кто они, неизвестно».

«Шар приближается, — заметил Каразан. — Скоро тайное станет явным».

Двигаясь по пологой дуге, черный сферический корабль обогнул орбитальную тюрьму, замедлился и повис в полутора километрах к югу. Точно там же, где он исчез четыре дня тому назад, с коварством ядовитого насекомого возник бронзовый диск. После мимолетной напряженной задержки диск выпустил два снаряда. Черный шар рефлексивно отреагировал противоракетами. На полпути между звездолетами вспыхнуло беззвучное сияние, затмившее солнца. Если бы не материал прозрачного купола, на долю секунды потемневший в момент вспышки, Этцвейн и Каразан могли ослепнуть.

Бронзовый диск сосредоточил на черном шаре четыре луча, выходящих, как огненные струи. Поверхность шара раскалилась докрасна и вскрылась — видимо, система защиты отказала. В отместку черный шар испустил поток лилового пламени — дисковидный звездолет на мгновение полыхнул, как факел. Диск выпустил еще один снаряд, угодивший точно в отверстие, прожженное сфокусированными лучами. Шар взорвался. На фоне облака сверкающих брызг мелькнули черные искры летящих обломков — и среди них, как показалось Этцвейну, силуэты беспомощно кувыркающихся тел. Обломки с глухим звоном посыпались на корпус корабля-накопителя. Тяжелые удары кусков покрупнее заставляли корпус отзывать мелкой дрожью.

Черное звездное небо очистилось. От сферического корабля ничего не осталось, а бронзовый диск снова исчез.

Этцвейн глухо произнес: «Диск прячется в засаде. Мы — приманка. Асутры знают, что мы здесь. Думают, что накопитель захвачен врагами, и ждут прибытия наших кораблей».

Этцвейн и Каразан беспокойно озирались под неожиданно угрожающим звездным небом. Нехитрая затея освобождения четырех девушек, украденных Хозманом Хриплым, привела к ситуации, далеко выходящей за рамки их представлений. Этцвейн не рассчитывал участвовать в космической войне.

Гетман алулов и его люди даже не сознавали безнадежности положения.

На орбите ничего не происходило. Солнца заходили, озаряя темно-малиновым пламенем бесчисленные перья облаков. В космосе ночь наступала сразу, хотя на поверхности Дердейна все еще брезжило прощальное сумеречное сияние.

Ночью Этцвейн к своему негодованию обнаружил, что патрульные спят. Он снова пожаловался Каразану, приводя прежние доводы и указывая на то, что условия не изменились. Каразан, однако, отмахнулся раздраженным жестом огромной руки от Этцвейна и его назойливых, потерявших всякий смысл опасений. «Гетман и его соплеменники деморализованы, — возмущенно думал Этцвейн. — В такой степени, что приветствовали бы нападение врагов, пленение, рабство — все, что угодно, лишь бы оказаться лицом к лицу с понятным, осязаемым противником». Мрачно насупившись, Этцвейн решил, что пытаться переубедить кочевников было бессмысленно — они больше не внимали голосу разума.

Ночь прошла, а за ней еще несколько дней и ночей. Алулы сидели под прозрачным куполом, обхватив колени руками и глядя в небо невидящими глазами. Настало время обещанного возвращения Ифнесса, но никто больше не верил ни в землянина, ни в его спасательный корабль. Единственной реальностью были космическая клетка и безжизненное звездное небо.

Этцвейн придумывал десятки способов предупредить Ифнесса, если тот все-таки появится, но отказался от всех — точнее говоря, ни один из его планов не был практически осуществим. Скоро и Этцвейн потерял счет бесконечным дням. Невозможность уединиться давно стала почти невыносимой, но апатия была сильнее враждебности. Несмотря на взаимное отвращение, Этцвейн и кочевники молчаливо терпели друг друга.

Потом атмосфера ожидания изменилась — нарастало ощущение неизбежности. Кочевники тревожно бормотали, напряженно вглядываясь в космическую пустоту широко открытыми глазами. Каждый знал: что-то должно было слу-

читься, и очень скоро. Так и произошло. Снова появился бронзовый диск-звездолет.

Люди в рубке управления тяжело застонали от отчаяния. Этцвейн в последний раз лихорадочно обыскал глазами небо, внутренне призывая земные корабли появиться: куда запропастился Ифнесс?

Кроме бронзового диска и накопителя, над Дердейном не было никаких кораблей. Диск описал дугу вокруг орбитальной тюрьмы, остановился и приблизился вплотную — угрожающе огромный силуэт заслонил звезды. Корпуса соприкоснулись, корабль-накопитель вздрогнул. Со стороны входного люка послышался низкий пульсирующий звук. Каразан взглянул на Этцвейна: «Они здесь. У тебя есть лучевое оружие. Ты будешь драться?»

Этцвейн понуро покачал головой: «Мертвые, мы не принесем пользы ни себе, ни другим».

Каразан презрительно усмехнулся: «Значит, будем сдаваться? Нас увезут, сделают рабами».

«Это неизбежно. Рабство лучше смерти. Надеюсь, жители земных миров поймут, наконец, что медлить больше нельзя, и вмешаются. Нас могут освободить».

Каразан горько рассмеялся, сжимая и разжимая огромные кулаки, но все еще не мог принять решение. Снизу, из коридора, послышались торопливые шаги. Гетман обратился к бойцам: «Не сопротивляйтесь! Нас слишком мало. Мы вынуждены подчиниться — такова участь слабых».

В рубку управления вбежали два черных циклопа, каждый с асутрой под затылком. Расталкивая людей плечами и не обращая на них никакого внимания, они направились прямо к пульту управления. Один легко и уверенно пробежался пальцами по странному маленьким жгутикам. Глубоко внутри корабля взвыли двигатели. Прозрачный купол помутнел, почернел — через него уже ничего нельзя было разглядеть. Из коридора в рубку забежал еще один кха. Жестами он показал, что алулы и Этцвейн должны удалиться. Каразан утрюмо двинулся к выходу и, пригнувшись, стал спускаться к трюму. За ним цепочкой потянулись Этцвейн и кочевники.

Глава 8

Алулы сидели на корточках между рядами многоэтажных нар со спящими рабами. Кха, занимавшиеся своей работой, игнорировали людей. На шее каждого одноглазого существа, как непомерно надувшийся клещ, сидела асутра.

Корабль-накопитель двигался. Люди не чувствовали ни вибрации, ни толчков, ни ускорения, но сомневаться было невозможно — вероятно, человеческий мозг каким-то образом чувствовал перемещение в подпространстве. Кочевники молчали, каждый погрузился в свои невеселые думы. Кха шагали мимо — так, будто пленники не существовали.

Шло время — сколько времени? Никто не пытался узнать. Раньше часы растягивались неопределенностью и напряжением ожидания. Теперь уныние и подавленность приводили к тому же результату.

Этцвейн надеялся только на то, что Иффесса не убили на равнине Лазурных Цветов, что тщеславие заставит его выполнить обещание и прислать помощь с Земли. У кочевников не осталось никакой надежды. Их охватила вялость отчаяния. Поодаль, напротив Этцвейна, в узком промежутке между нарами лежала Руна Ивовая Прядь. Заметив ее профиль, Этцвейн почувствовал внезапный прилив теплоты. Он рискнул своей свободой и потерял ее, чтобы выглядеть в ее глазах отважным рыцарем. Таково было бы оскорбительное суждение землянина Иффесса. Насколько оно справедливо? Этцвейн печально вздохнул: его побуждения были сложны, он сам не умел в них разобраться.

Каразан тяжело поднялся на ноги. Постояв неподвижно секунд десять, он потянулся, выворачивая огромные руки то в одну, то в другую сторону, поигрывая мышцами. Этцвейн

встревожился — на лице гетмана появилось необычно спокойное и в то же время решительное выражение. Алулы наблюдали с безразличным любопытством. Этцвейн вскочил и громко позвал Каразана. Тот, казалось, не слышал. Этцвейн потряс гетмана за плечо — Каразан медленно обернулся. Широко открытые серые глаза ничего не выражали.

Другой кочевник встал и пробормотал Этцвейну на ухо: «Отойди. Он слышит зов смерти».

Еще один из алулов посоветовал: «К нему приставать опасно — он попрощался с жизнью. В конце концов, так лучше всего и для него, и для всех нас».

«Неправда! — закричал Этцвейн. — От мертвых никому нет никакой пользы. Каразан!» Он тряс гетмана за богатырские плечи: «Слушай! Ты меня слышишь? Если хочешь когда-нибудь еще раз увидеть озеро Ниор, слушай меня!» Ему показалось, что в глазах Каразана мелькнула искра понимания: «У нас есть надежда! Ифнесс жив — он найдет нас!»

Стоявший рядом кочевник с волнением спросил: «Ты на самом деле в это веришь?»

«Если бы вы знали Ифнесса, то не сомневались бы! Землянин неспособен признать поражение».

«Может быть, — отозвался кочевник. — Но как он нам поможет, если мы затеряемся на неизвестной планете далекой звезды?»

Из груди Каразана вырвался хриплый нечленораздельный звук. С трудом подбирая слова, гетман выдавил: «Как... как он нас найдет?»

«Не знаю, — признался Этцвейн. — Но я никогда не потеряю надежду!»

Каразан сказал с укоризной, срывающимся голосом: «Глупо говорить о надежде! Напрасно ты меня будил — я слышал боевой клич смерти».

«Ты не трус, ты обязан надеяться! — настаивал Этцвейн. — Умирать легко, жить трудно».

Каразан не ответил. Он снова уселся на пол, потом растянулся во весь рост и заснул. Другие алулы переговаривались вполголоса, недружелюбно поглядывая на Этцвейна. То, что он прервал исступление «слышащего зов смерти», явно при-

шлось им не по душе... Этцвейн вернулся на прежнее место и скоро уснул.

Алулы вели себя враждебно. Кочевники демонстративно игнорировали Этцвейна и говорили друг с другом так, чтобы он не мог расслышать. Каразан, видимо, не разделял чувства бойцов. Он сидел поодаль от всех, то наматывая на пальцы, то разматывая плеть-нагайку со свинцовым грузилом на конце.

Примерно через сутки Этцвейн, дремавший на полу, внезапно проснулся. Вокруг него стояли три кочевника — Чернявый Хуланик, Красавчик Файро и Ганим Шиповатый Сук. В руках Ганима была веревка. Этцвейн приподнялся и сел с лучевым пистолетом наготове. Он вспомнил Хозмана Хриплого и его вывалившийся язык. Алулы молча сделали вид, что идут по своим делам.

Этцвейн поразмышлял несколько секунд и подсел к Каразану: «Твои люди хотели убить меня во сне».

Каразан многозначительно кивнул, продолжая вертеть плеткой.

«Почему?»

Сначала казалось, что гетман не ответит. Помолчав, он произнес с некоторым усилием: «Без причины. Просто они не прочь кого-нибудь убить и выбрали тебя. Своего рода игра».

«Я в эти игры не играю! — резко и холодно заявил Этцвейн. — Пусть забавляются в своей теплой компании. Прикажи им оставить меня в покое».

Каразан вяло пожал плечами: «Какая разница?»

«Тебе все равно, разумеется. Для меня, однако, это имеет большое значение».

Каразан снова пожал плечами, наматывая и разматывая плеть.

Ситуация заставляла задуматься. У Этцвейна было лучевое оружие. Его могли убить только во сне — вероятно, не с первой попытки, может быть, даже не со второй. Алулы играют с ним, стараются довести до нервного срыва. Зачем? От скуки. Подлое развлечение, спорт варваров. Можно ли называть такую забаву жестокой? С точки зрения кочевников

жизнь чужака Этцвейна стоила не больше жизни чумпы, пойманной на потеху племени.

Напрашивались несколько вариантов. Он мог перестрелять своих мучителей, раз и навсегда положив конец всей истории. Такое решение не вполне удовлетворяло Этцвейна. Даже если асутры не конфискуют лучевой пистолет, игра будет продолжаться с пушшим ожесточением — каждый из алулов будет ждать первой возможности подкрасться к нему, пока он спит.

Этцвейн встал и неторопливо пошел к выходу из трюма, притворяясь, что направляется к отхожему месту. По пути он невольно остановил взгляд на неподвижно спящей Руне Ивово-й Пряди — теперь она казалась не столь привлекательной, как раньше. В конце концов дочь варваров-кочевников была ничем не лучше своих соплеменников... Не доходя до выхода, Этцвейн повернул к подсобному помещению, где хранились мешки с зерновыми лепешками и баки с водой. Остановившись в проходе, он обернулся. Кочевники вызывающе смотрели ему вслед. Мрачно улыбаясь, Этцвейн подтащил ко входу в помещение большой мешок с мукой и уселся на него. Алулы внимательно наблюдали, не выражая никаких чувств. Этцвейн встал, взял сухую зерновую лепешку, налил себе кружку воды. Снова усевшись на ящик, он стал жевать лепешку, запивая водой — и заметил, что несколько кочевников инстинктивно облизали губы. Как по команде, все они отвернулись и нарочито притворились, что засыпают.

Каразан спокойно смотрел на Этцвейна, хотя его благородный высокий лоб неодобрительно наморщился. Этцвейн игнорировал гетмана. Что, если Каразану захочется есть и пить? На этот счет Этцвейн не принял окончательного решения — скорее всего, он не отказался бы выдать гетману лепешку-другую.

После некоторого размышления Этцвейн передвинул импровизированное сиденье поглубже в полутемную кладовую — туда, где в него труднее было бы попасть брошенным ножом. Таким образом предотвращалась самая очевидная опасность. Вскоре, однако, не удовлетворившись организацией обороны, Этцвейн сложил из мешков целую баррикаду — за

ней он мог прятаться от посторонних глаз, продолжая наблюдение.

Не выспавшийся Этцвейн сидел и ждал. Глаза его слипались, голова опускалась на грудь... Вскинув голову, чтобы проснуться, он заметил тихо кравшегося к кладовой кочевника.

«Еще два шага, и ты умрешь!» — предупредил его Этцвейн.

Лазутчик сразу остановился, выпрямился: «Почему я не могу налить себе воды? Я не участвую в травле».

«Ты ничего не сделал для того, чтобы остановить троих, собиравшихся меня задушить. Голодай, умирай от жажды в их компании — пока они не умрут».

«Это несправедливо! Ты нарушаешь наши обычаи!»

«Вполне справедливо. Охота есть охота, только теперь охотник — я. Ты напьешься только тогда, когда умрут Красавчик Файро, Ганим Шиповатый Сук и Чернявый Хуланик».

Изнывающий от жажды кочевник отвернулся и медленно отошел. Каразан громко произнес: «Стыдно не дать человеку напиться!»

«Стыдно должно быть тебе! — отозвался Этцвейн. — Если бы ты вмешался вовремя, все могли бы есть и пить вдоволь».

Поднявшись на ноги, гетман прищурился, глядя на вход в кладовую. На мгновение он стал напоминать прежнего Каразана, но тут же опустил плечи и поник: «Верно. Я не распорядился. Какой смысл заботиться об одной жизни, когда мы все обречены?»

«Можешь не беспокоиться, теперь я сам о себе позабочусь, — ответил Этцвейн. — Начинается новая травля. Добыча — Файро, Ганим, Хуланик».

Каразан, а за ним и остальные алулы, взглянули на трех поименованных душителей. Те вызывающе озирались, встречая всеобщее внимание надменными ухмылками.

Каразан примирительно обратился к Этцвейну: «Что было, то прошло. Все это вздор, лишняя канитель».

«Почему ты не сказал этого раньше, когда меня травили? — Этцвейн был в ярости. — Никто не получит ни еды, ни питья, пока живы трое душителей!»

Каразан сел на прежнее место. Шло время. Сначала алулы упрямо демонстрировали солидарность с тремя «охотниками», потом начали образовываться другие группы, шептавшиеся в сторонке. Хуланик, Файро и Ганим постепенно остались одни в проходе между нарами. Они сидели сгорбившись, поблескивая в тенях стеклянными ножами.

Этцвейн снова задремал — и встрепенулся, остро ощущая приближение опасности. В трюме было тихо. Этцвейн приподнялся, попятился дальше в тень кладовой. Снаружи, в трюме, алулы за кем-то пристально следили. Кто-то прижался к стене и теперь, невидимый для Этцвейна, бочком, потихоньку подкрадывался ко входу в кладовую. Кто?

Среди алулов не было Каразана.

С оглушительным, парализующим ревом вход заслонила гигантская тень. Этцвейн нажал на курок больше от неожиданности, нежели намеренно. Огненный луч звездообразной вспышкой ударил нападавшему в лицо. Приготовившийся к прыжку гетман умер мгновенно. Ударившись плечом об косяк, тело с обугленной головой опрокинулось навзничь.

Этцвейн медленно вышел из кладовой. Алулы замерли в ужасе. Стоя над трупом Каразана, Этцвейн не понимал: чего тот хотел, на что надеялся? У гетмана не было оружия. Еще недавно богатырь-кочевник был человеком большой души — простым, прямым, великодушным. Он не заслуживал отчаянной смерти в тесном трюме для рабов. Этцвейн перевел взгляд на бледные молчаливые лица алулов: «Вините самих себя! Вы не сопротивились злу — и лишились своего вождя!»

Кочевники едва заметно напряглись, тайком обмениваясь взглядами. Перемена наступила с непостижимой внезапностью — сонные, безразличные, оцепеневшие от скуки бойцы превратились в бешеную толпу кидающихся из стороны в сторону, сцепившихся парами, падающих фигур. Этцвейн прижался спиной к стене. С воплями бросаясь в нападение, алулы совершали прыжки и пируэты, достойные заправских танцоров, резали, кололи, рубили наотмашь. Через несколько

секунд все было кончено. На палубе в лужах крови лежали Красавчик Файро, Ганим Шиповатый Сук, Чернявый Хуланник и еще двое.

Этцвейн сказал: «Быстрее, пока не явились асутры! Затащите тела на нары, найдите место!»

Мертвые легли вперемешку с живыми. Этцвейн вскрыл большой мешок муки, рассыпал муку по палубе и собрал мешком впитавшуюся кровь. Через пять минут в трюме было чисто и спокойно — только немного просторнее, чем раньше. Еще через несколько минут мимо по коридору прошли, не задерживаясь, трое кха с поглядывающими по сторонам асутрами на шеях.

Утолив голод и жажду, разрядившие эмоциональное напряжение алулы снова впали в оцепенение, напоминавшее сон наяву. Этцвейн, не доверявший непредсказуемому темпераменту кочевников, решил, однако, что чрезмерная подозрительность вызовет дополнительную враждебность, и крепко заснул, предварительно привязав лучевой пистолет к ремню поясной сумки.

Он долго спал. Никто не нарушил его покой. Наконец, проснувшись, он почувствовал, что корабль больше не движется.

Глава 9

Воздух в трюме казался спертым, голубое освещение померкло. Гнетущая скука сменилась еще более гнетущим ожиданием. Откуда-то сверху слышались торопливые тяжелые шаги и обрывки гнусаво-щебечущих трелей — так переговаривались кха. Этцвейн поднялся на ноги, прошел к погрузочной рампе — туда, где часть палубы трюма наклонно спускалась к стене — и прислушался. Алулы тоже встали и боязливо поглядывали в сторону рампы. Они уже несколько не подходили на гордых воинов, когда-то, в другой жизни, встреченных Этцвейном у излучины реки Вуруш.

Свист, скрежет, дробный лязг храповиков — часть стены отделилась и опустилась, становясь продолжением рампы. В голубоватый полумрак трюма вместе с сырым воздухом ворвался пасмурный дневной свет.

Расталкивая сгрудившихся у рампы кочевников, Этцвейн выглянул наружу — и отшатнулся, пораженный, испуганный, неспособный разобратся в столпотворении форм и цветов. Прищурившись, он осмотрелся снова, пытаясь найти закономерности в неожиданных, чуждых очертаниях. Через несколько секунд Этцвейн уже осознавал перспективу открывшегося ландшафта.

Он видел крутые остроконечные холмы со склонами, поросшими глянцево-черной, темно-зеленой и бурой растительностью, напоминавшей плотную курчавую шерсть. За холмами и над ними распростерлось затянутое тяжелыми низкими тучами серое небо. Чуть ниже туч неподвижно висели рваные черные облака, местами ронявшие завесы дождя. По подножиям холмов прерывистыми ступенчатыми зигзагами поднимались ряды строений, сложенных из ноздреватых глыб свет-

лого желтовато-серого материала. Ниже, на уровне равнины, цепочки строений сливались, образуя более плотный комплекс, тоже из грязно-белых глыб, но с отдельными, казавшимися монолитами буграми черного вулканического шлака. Проходы между строениями и вокруг них, извилистые и часто наклонные, сплетались уродливо-зыбкими кружевами. Кое-где змеились гладкие ленты пошире, служившие транспортными артериями — по ним двигались самоходные клетки, грузовые экипажи, напоминавшие гигантских жуков с приподнятыми надкрыльями, и небольшие, похожие на саламандр машины, сновавшие над самой поверхностью, не прикасаясь к дорожному полотну.

Вдоль дорог торчали разделенные неравными промежутками столбы с огромными черными прямоугольными щитами без каких-либо надписей или символов. Тем не менее, возникало впечатление, что эти столбы служили указателями или дорожными знаками. По-видимому, кха или асутры могли распознавать цвета, неразличимые человеческим глазом.

Рампа спускалась на ровную мощеную площадку, окруженную бронзовым плетнем. Будучи уроженцем Шанта, Этцвейн инстинктивно, автоматически пытался обнаружить и истолковать цветовую символику, но не мог проследить никакой логики. Где-то, однако, в сумятице размеров, форм и пропорций такая логика должна была существовать — технологическая цивилизация невозможна без абстрактной символики.

Местными обитателями были кха. У каждого второго нашее висела асутра. Этцвейн не замечал ни серых пятиглазых амфибий, ни человеческих существ — кроме одного. В трюм для рабов по рампе поднималась высокая худощавая фигура в бесформенном плаще из грубого волокна. Жесткие седые волосы взъерошились над морщинистым серым лицом, как копна сена, на длинном костлявом подбородке не было признаков бороды. Этцвейн понял, что перед ним женщина — хотя ни формы ее тела, ни походка, ни жесты не позволяли определить пол. Старуха закричала гулким, привычно-сварливым голосом: «Все, кто не спит — за мной, выходите! Живо, по порядку, без толкотни! Первое правило: никогда не ждите по-

вторения приказа!» Она кричала на почти непонятном диалекте и казалась суровой, дикой и бесчеловечной, как метель в морозной снежной пустыне. Старуха спустилась по рампе. Этцвейн осторожно последовал за ней, нисколько не сожалея об отвратительном трюме и связанных с ним кошмарных воспоминаниях.

Кочевники и Этцвейн сгрудились на мощеной площадке под огромным черным цилиндром корабля-накопителя. Над ними на узком наружном балконе с перилами стояли, как четыре черных статуи, одноглазые кха с асутрами под затылками. Старуха провела пленных к закрытому выходу огороженного бронзовым плетнем загона: «Ждите здесь! Я пошла будить спящих».

Прошел час. Пленные стояли, прислонившись к ограде, молчаливые, мрачные. Как утопающий, хватающийся за соломинку, Этцвейн заставлял себя помнить об обещании Ифнеса. Надежда позволяла с меланхолическим любопытством наблюдать за происходящим. Ощущение неприязненной чуждости незнакомого мира не проходило. Отовсюду доносились приглушенные, как пассажи флейты за стеной, окрики кха, терявшиеся на фоне шипения и свиста экипажей, быстро проносившихся по мокрой дороге прямо за оградой. Этцвейн провожал глазами восьмиколесные, подвижно сочлененные платформы. Кто ими управлял? Он не замечал в передней части машин ни кабины, ни лобового стекла — только сверху выступал небольшой полусферический прозрачный купол-пузырь, и в нем маленькая темная масса... Асутра!

Из корабля-накопителя промаршировала старуха, за ней — толпа оторопевших рабов, проспавших всю дорогу на нарах. Спотыкаясь и прихрамывая на затекших ногах, пленные озирались в унылом изумлении. Этцвейн узнал среди них Шренке, а потом и Гульше. Как все остальные, бывшие brave разбойники-сорухи волочили ноги, опустив плечи и боязливо оглядываясь. Гульше скользнул взглядом по лицу Этцвейна, но, по-видимому, не вспомнил его. В хвосте утрумой колонны брела Руна Ивовая Прядь — она тоже безразлично прошла мимо.

«Стой! — пронзительно заорала надзирательница. — Здесь ждем автобуса. Теперь слушайте! Забудьте прежнюю жизнь — возвращения нет. Вы на планете Кхахей, вы родились заново, у вас впереди новая жизнь. Здесь не так уж плохо — тем, кого не забирают в лаборатории. Из лабораторий еще никто не вернулся. В любом случае, никто не живет вечно.

Тем временем вам не грозят ни голод, ни жажда, ни холод, здесь можно жить! Мужчин и здоровых, сильных женщин учат воевать. Заявлять, что вы не желаете участвовать в чужой войне или отказываетесь убивать себе подобных, бессмысленно! Война — действительность, неизбежная и окончательная. Вы должны делать все, что от вас требуется.

Не поддавайтесь унынию и скорби — это легко, но тщетно! Если пожелаете размножаться, подайте прошение одному из заступников, вам назначат подходящего партнера.

Неподчинение, халтура, своевольные отлучки, потасовки и шутовские проказы строго запрещены! За все провинности одно наказание для всех — смерть! Автобус подъезжает. Поднимайтесь по трапу и сразу проходите вперед».

Рабы набились в автобус плотной толпой. Сжатый телами со всех сторон, Этцвейн плохо ориентировался — он видел только часть узкой вентиляционной прорези. Сначала они ехали по дороге, параллельной подножию гряды холмов, потом повернули на равнину. Время от времени на фоне неба возвышались бугорчатые серые башни. Землю покрывала влажно-бархатная поросль мха — темно красного, темно-зеленого, фиолетово-черного.

Автобус остановился. Рабы вышли на обширный бетонный двор, окруженный с трех сторон строениями из ноздреватых светлых глыб грязно-желтоватого оттенка. С севера тянулась волнистая вереница пологих холмов с одним причудливо заостренным утесом осыпающегося базальта. К востоку простиралась безграничная черная топь, сливавшаяся с пасмурным горизонтом. Рядом, у самой обочины двора, покоился ржаво-бронзовый дисковидный звездолет. Все его люки были открыты, трапы опустились на бетон. Этцвейну показалось,

что он узнал корабль, эвакуировавший атаманов-рогушкоев из котловины Энх в Паласедре.

Рабов погнали в бараки. Они шли мимо нескольких длинных узких загонов, распространявших тошнотворную вонь. Одни пустовали, в других сидели и бродили человекообразные существа нескольких уродливых разновидностей. Этцвейн заметил дюжину рогушкоев. Другая группа больше напоминала кха. В третьем загоне сгорбились, обхватив руками колени, десять или двенадцать тшедушных уродов с торсами кха и нелепыми огромными головами, пародировавшими человеческие. За загонами находилось приземистое длинное строение без окон — по всей видимости биолaborатория, где проектировались экспериментальные гибриды. Так Этцвейн, многие годы размышлявший о происхождении рогушкоев, узнал наконец правду.

Пленных мужчин отделили от женщин и развели по бригадам. Каждой бригадой из восьми человек руководил один из рабов, прибывших на планету гораздо раньше. Бригадиром Этцвейна оказался тощий жилистый старик с кожей, напоминавшей кору засохшего дерева — но выносливый, непоседливый, с острыми локтями и коленями.

«Меня зовут Половиц! — заявил старик. — Первое, чему вы должны научиться — беспрекословное и немедленное повиновение. Не ждите прощения — каждый проступок карается беспощадно. Хозяева никому ни в чем не потакают. Они не наказывают, они уничтожают. Идет война. Хозяева имеют дело с сильным, опасным врагом и не расположены к милосердию. Напоминаю еще раз: каждый приказ следует выполнять точно и расторопно. Тот, кто этого не понимает, до второго приказа не доживет. Через день-другой вы сможете убедиться в справедливости моего предупреждения. Как правило, за первый месяц потери в партии новоприбывших составляют не меньше трети. Если вы цените свою жизнь, подчиняйтесь приказам без размышления.

Лагерные правила просты. Драться не разрешается. Я выношу решение по поводу любого спора, и мой приговор обсуждению не подлежит. Кроме того, нельзя петь, кричать и сви-

стеть. Совокупляться без предварительного разрешения запрещено. Беспорядок не допускается, вы обязаны поддерживать чистоту. Улучшить свое положение вы можете только двумя способами. Во-первых, демонстрируя постоянное прилежание. Послушный, трудолюбивый работник становится бригадиром. Выдвигается также тот, кто проявляет особый талант к общению с кха. Способным петь Великую Песнь предоставляются ценные льготы. Таких умельцев немного. Каждый, кто пытается выучить язык кха, знает, что даже для приобретения самых основных навыков требуется невероятное долготерпение. Тем не менее, лучше быть переводчиком кха, чем погибнуть в первых рядах на фронте».

Этцвейн сказал: «У меня есть вопрос. С кем мы будем воевать?»

«Не задавай лишних вопросов! — отрезал Половиц. — Бесполезная привычка, признак ненадежности. Посмотри на меня! Я не задавал вопросов и прожил на Кхахей много лет. Меня поймали ребенком в округе Шозейд еще в годы второй охоты на рабов. При мне проектировали краснокожих бойцов. Трудные были времена! Сколько нас выжило из той волны? Можно пересчитать на пальцах одной руки! Почему мы выжили?» Лицо Половица озарилось мрачным торжеством: «Потому что мы люди! Потому что судьба каждому дарует только одну жизнь, и мы взяли от нее все, что могли! Рекомендую вам то же самое — делайте все, что можете, трудитесь изо всех сил и через силу! Все остальное не учитывается».

«Вы предупредили меня о бесполезности лишних вопросов, — кивнул Этцвейн. — Я хотел бы задать нелишний вопрос. Предлагается ли нам поощрение, способное нас воодушевить? Можем ли мы надеяться снова увидеть Дердейн и стать свободными людьми?»

Хриплый голос Половица стал еще грубее: «Ваше поощрение — возможность дожить до завтрашнего дня! Надеяться? На что? На Дердейне тоже нет надежды. Все умирают там, все умирают здесь. Тебе нужна свобода? Ты свободен! Беги в холмы — тебя никто не держит. Иди, скатертью дорога! Но помни: тебе придется жевать мох и выжимать из мха

отравленную дождевую воду. Распухнешь от голода, будешь выть от жажды. Выбери — свобода или жизнь?»

Этцвейн промолчал. Половиц натянул накидку на худые плечи: «Теперь мы пойдем есть. После этого начнется обучение».

В трапезной бригада выстроилась вдоль желоба кормушки, наполненного еле теплой кашей-размазней, хрустящими холодными стеблями какого-то овоща и таблетками, казавшимися наперченными на вкус. После еды Половиц заставил подчиненных делать гимнастические упражнения и в конце концов привел их к одной из приземистых машин, похожих на гигантских саламандр.

«Нам поручена функция «нападения врасплох». Это штурмовые машины. Они движутся на вибрирующих подушках и могут развивать очень высокую скорость. Каждому члену бригады выделяется личная машина. Он обязан заботиться о ней лучше, чем о самом себе. Штурмовая машина — опасное и дорогое оружие».

«Я хотел бы задать вопрос, — сказал Этцвейн, — но не уверен, покажется ли он вам «лишним». То есть, было бы нежелательно поплатиться жизнью за простое любопытство».

Половиц остановил на нем каменный взгляд: «Любопытство — вредная привычка».

Этцвейн придержал язык. Половиц сухо кивнул и повернулся к машине-саламандре: «Водитель лежит плашмя на живот, вытянув руки вперед. Он смотрит в призму, обеспечивающую достаточный обзор. Руками и ногами он управляет движением машины. Подбородком он нажимает на курки, выпуская торпеды или стреляя огненным резаком».

Половиц показал, как работают приборы управления, после чего привел их на участок, где стояли макеты-тренажеры. Три часа они учились управлять машинами и оружием, лежа в тренажерах. Потом, после короткого перерыва, им два часа демонстрировали методы ухода за машиной, обязательные для каждого.

Небо потемнело. В сумерках моросил дождь. В унылой серой полутьме бригада побрела к баракам. На ужин в кормушку налили пустую сладковатую баланду — пленные за-

черпывали ее кружками. Прихлебывая из кружки, Половиц спросил: «Кто из вас желает учить Великую Песнь?»

Этцвейн поинтересовался: «Что для этого нужно делать?»

Половиц решил, что вопрос заслуживал ответа: «Великая Песнь — повествование об истории Кхахей, запечатленное символическими звуковыми последовательностями. Кха общаются друг с другом, насвистывая лейтмотивы-ссылки из Великой Песни, с вариациями. Переводчик должен уметь делать то же самое с помощью двойной свирели. Это логичный, изменчивый и выразительный язык, но человеку им овладеть очень трудно».

«Я хотел бы выучить Великую Песнь», — вызвался Этцвейн.

Половиц оскалил остатки зубов: «Меня твой выбор почему-то не удивляет». Этцвейн решил, что от бригадира лучше держаться подальше. Для того, чтобы выжить, здесь приходилось постоянно сдерживаться, притворяться, хитрить. Подобострашие, раболепие воспринимались как должное. «Делать нечего, — подумал Этцвейн, — придется изображать усердие».

Половиц, по-видимому, угадал ход мыслей Этцвейна. Уходя, он обронил через плечо загадочную фразу: «В любом случае я своего не упущу».

Некоторое время лагерная жизнь шла своим чередом. Солнце — или солнца — никогда не появлялись. Бесконечное однообразие сырого пасмурного полусвета подавляло внутреннее стремление, стирало особенности характеров, внушало уныние и подавленность. Распорядок дня не менялся — заключенные выполняли обязательные гимнастические упражнения, тренировались, лежа в макетах штурмовых машин-саламандр, и отрабатывали норму — готовили пищу, сортировали руду, очищали, пилили и полировали болотное дерево. Постоянное внимание уделялось чистоплотности и аккуратности. Особые патрули проводили регулярные проверки барачков и наблюдали за уборкой и благоустройством лагерной территории. Этцвейн задавал себе вопрос: чья воля, чьи предпочтения отражались распорядком жизни заключенных, кто

настаивал на соблюдении чистоты и благоустройстве — асутры или кха? В конце концов он решил, что таково было влияние кха. Вряд ли асутры способны были изменить внутреннюю сущность кха больше, чем это им удалось в случаях Саджарано Сершана, Джурджины, Джерда Финнерака или Хозмана Хриплого. Асутры диктовали общую политику, определяли окончательные цели и контролировали поведение. В остальном, по-видимому, они редко вмешивались в жизнь своих симбионтов.

Асутры встречались повсеместно. Примерно половина кха носила захребетников. Асутры управляли дорожным транспортом и другими машинами. Половиц с благоговением упоминал о летательных аппаратах, пилотируемых насекомыми. Некоторые признаки, однако, указывали на то, что функции водителей и пилотов носили плебейский характер — Этцвейн подозревал, что асутры не в меньшей степени, чем кха, люди, ахульфы или чумпы, подразделялись на категории, касты и уровни влияния.

В конце каждого дня разрешалось уделять один час личной гигиене, предписанным развлечениям и половым сношениям между назначенными партнерами — на полу под навесом между мужскими и женскими бараками. Час отдыха завершался, когда по крышам начинал барабанить дождь, неизменно проливавшийся с наступлением темноты. Рабы расходились по баракам, где они спали в кучах сухого мха. Слова Половица подтвердились: в лагере не было ни охранников, ни ограждения. Ничто не удерживало заключенных от побега в холмы. Этцвейну рассказали о нескольких побегах — изредка заключенные поддавались соблазну и отправлялись «на волю». Иных беглецов больше никогда не видели, другие возвращались в лагерь через три-четыре дня, гонимые голодом и жаждой, и с благодарностью выстаивали очередь к кормушке, подчиняясь общему распорядку. Ходили слухи, что сам Половиц когда-то сбежал в холмы, а по возвращении стал самым усердным рабом в лагере.

Этцвейн видел, как убили двух мужчин. Первый, высокий и тучный, не хотел заниматься гимнастикой и пытался перехитрить бригадира. Вторым оказался Шренке. Сорух с коль-

цом в носу впал в неистовство и напал на кха. И в первом, и во втором случае кха сжег провинившегося разрядом лучемета.

Любимым занятием Этцвейна стало изучение Великой Песни Кхахен. Учительницей ему назначили сгорбленную древнюю старуху по имени Кретцель с лицом, изборожденным сотнями складок и морщин. Обладательница невероятной памяти, Кретцель отличалась благодушным характером и охотно развлекала Этцвейна сплетнями и шутками. В качестве учебного пособия она пользовалась механизмом, воспроизводившим хрипы, кричания, трели и пересвисты Великой Песни в классическом варианте. Кретцель повторяла последовательности звуков, пользуясь парой двойных свирелей, и разъясняла их значение. Она сразу дала понять, что Песнь лишь случайно напоминала музыку человеческому уху. По существу Великая Песнь представляла собой основной лексикон, сборник смысловых элементов и представлений, использовавшихся кха в процессах мышления и общения.

Великая Песнь состояла из четырнадцати тысяч напевов, а каждый напев содержал от тридцати девяти до сорока семи фраз.

«Тебе предстоит выучить простейший Первый стиль, — говорила Кретцель. — Во Втором стиле используются обертоны, трели и имитационные эхо. В Третьем в целях отрицания или привлечения внимания применяются обращения гармоний и последовательностей звуков во фразах. Четвертый стиль — вариант Второго с дополнениями-наклонениями и смысловыми контрапунктическими вариациями. Пятый позволяет исполнять фразы в различных переносных смыслах — так, чтобы они в той или иной мере напоминали фразы других напевов. Я умею играть только в Первом стиле и даже его понимаю поверхностно. Помимо пяти стилей, Кха пользуются сокращениями, тональностями-спряжениями, гармоническими ссылками и многоголосными сочетаниями двух или трех тем. Их язык устроен складно и хитроумно».

В противоположность бригадиру Половицу, Кретцель не настаивала на строгой дисциплине и рассказывала все, что знала, не умалчивая подробности. В какой степени асутры по-

нимали Великую Песнь и пользовались языком кха? Покачивая трясущейся головой, Кретцель безразлично пожимала плечами: «Зачем это знать? Тебе никогда не придется обращаться к паразитам. Конечно, асутры понимают Песнь. Они все понимают, все на Кхахей переделали по-своему».

Ободренный словоохотливостью старухи, Этцвейн задавал другие вопросы: «Сколько времени асутры провели на Кхахей? Откуда они прибыли?»

«Великое горе постигло планету кха — обо всем этом повествуется в последних семистах напевах. Здесь, в Северной Тундре, было много ужасных сражений. Пора работать — или кха решат, что мы отлыниваем».

Этцвейн изготовил себе пару двойных свирелей. Как только ему удалось преодолеть инстинктивное отвращение к неестественно и фальшиво звучащим гармоническим интервалам кха, он сыграл первый напев Великой Песни с ловкостью, поразившей дряхлую переводчицу: «Способностей тебе не занимать! В Первом стиле, однако, фразы необходимо повторять точно. Ага, мои старые уши все слышат! Ты приукрашиваешь напев, и ритм напоминает привычную тебе музыку. Недопустимая ошибка! В результате Песнь теряет всякий смысл. Еще раз — и никаких вольностей!»

Несмотря на поощрение совокупления и размножения рабов, формирование постоянных связей предотвращалось. Время от времени, наблюдая за женщинами, занимавшимися гимнастикой на другом конце бетонного двора, Этцвейн замечал Руну Ивовую Прядь. Однажды, когда Половиц разрешил «вольные упражнения», Этцвейн рискнул приблизиться к ней. Руна в какой-то мере утратила былые беззаботность и беспечную грацию. Девушка смотрела на Этцвейна с недружелюбным безразличием — он понял, что Руна его не узнала.

«Я — Гастель Этцвейн, — напомнил он. — Мы встретились на стоянке у реки Вуруш. Я играл с музыкантами, а ты хотела, чтобы я сбросил твою тубетейку — помнишь?»

Выражение на лице Руны не изменилось: «Что тебе нужно?»

«Мужчинам и женщинам не запрещается проводить время вместе. Если ты не против, я попрошу бригадира назначить тебя...»

Руна прервала его раздраженным жестом: «И не подумаю ублажать каждого встречного! Рожать детей — в гнилом болотном аду, на радость клещам-захребетникам? Еще чего! Иди утешайся с бесплодными старухами. Чем меньше проклятых душ гибнет под беспросветным серым небом, тем лучше!»

Этцвейн уговаривал ее, приводя один довод за другим, но вызвал только взрыв ожесточения. Выругавшись, Руна повернулась к нему спиной и быстро отошла. Отягощенный скорее тоской одиночества, нежели разочарованием, Этцвейн вернулся к гимнастическим упражнениям.

Дни тянулись с медлительностью, приводившей Этцвейна в бешенство. По его оценке, сутки на Кхахей были примерно на пять часов продолжительнее, чем на Дердейне. Естественный ритм жизни нарушился: Этцвейн все чаще впадал в мрачное оцепенение, прерывавшееся вспышками истерического озлобления. Он запомнил первую дюжину напевов Великой Песни — и лейтмотивы как таковые, и способы их смыслового употребления. Теперь он пробовал выражать простейшие мысли на языке кха, выбирая и соединяя отдельные фразы. Несмотря на исключительные способности к звуковому подражанию, ему мешало почти безудержное стремление варьировать музыкальные фразы по-своему, добавляя гармонические разрешения и ритмические задержания, украшая напевы форшлагами и трелями. Импровизации приводили старуху Кретцель в отчаяние. Всплеснув руками, она снова и снова демонстрировала правильную манеру игры: «Последовательность заканчивается так, и только так! Она передает идею тщетного поиска болотных лангустов на берегу Океанской Трясины во время утреннего дождя. Ты вводишь случайные элементы из других напевов, и получается мешанина, какофония ассоциаций! Каждую ноту требуется исполнять с определенным акцентом — не громче и не тише. Иначе выходит бессмысленная болтовня, младенческий лепет!»

Этцвейн с напряжением заставлял пальцы слушаться и повторял лейтмотивы в точном соответствии с указаниями учительницы. «Правильно! — наконец заявляла она. — Перейдем к следующему напеву: Хайана, предок кха, бредет по обнаженной отливом трясине, и ему докучают щебечущие насекомые...»

Разумеется, Этцвейн предпочитал компанию Кретцель капризным наставлениям Половица и, если бы это разрешалось, проводил бы все время, разучивая Великую Песнь. «Излишнее прилежание ни к чему, — упрекала его Кретцель. — Я помню все напевы и умею с грехом пополам пересвистываться с одноглазыми в Первом стиле. Это все, чему я могу тебя научить. Если ты проживешь сотню лет, может быть, начнешь играть во Втором стиле, но никогда тебе не сравняться с кха, потому что ты не кха. А у них есть еще Третий, Четвертый и Пятый стили, идиомы и переносные значения, сходящиеся и расходящиеся многоголосные сопоставления, контраккорды, синкопы, паузы, присвисты, степени хриплости, динамические акценты и переходные глиссандо. Жизнь коротка: зачем себя утруждать?»

Этцвейн решил, тем не менее, запомнить все, что мог — обучение языку кха было приятнее любого другого занятия и помогало коротать время. С каждым днем Половиц вызывал у Этцвейна все возрастающую неприязнь. Единственным спасением становилось общество старой переводчицы. Идея побега не привлекала его. По словам Половица, подтвержденным сведениями, полученными от Кретцель, в окружающих холмах и болотах нечего было есть, а всю дождевую воду впитывал мох. Лучший способ избежать преследований бригадира заключался в прилежном изучении Великой Песни... Где пропал Ифнесс? Этцвейн уже редко вспоминал о землянине. События былой жизни мутнели, стирались в памяти, теряли смысл. Каждое утро моросящий дождь Кхахей и бесконечно повторяющаяся дрессировка все настойчивее утверждались в сознании. Действительность ограничивалась бараками на планете с беспросветно пасмурным небом. «Рано или поздно Ифнесс вернется, — повторял себе Этцвейн перед

сном, — спасение придет...» Но каждый вечер слова эти все больше напоминали молитву — пустой набор звуков.

Как-то вечером старухе Кретцель надоело повторять напевы кха. Жалуясь на воспаление десен, она бросила свирель на полку: «Пусть меня пристрелят — какая разница? Воевать я уже не могу, годы не те. Меня тут кормят, потому что я помню Великую Песнь — а мне все равно! Никогда мои кости не лягут в землю Дердейна! Ты молод, ты еще надеешься. Надежды угаснут одна за другой и не останется ничего, кроме желания жить. Тогда ты поймешь, что существование само по себе — даже такое существование — лучше небытия... Нам многое пришлось перенести в жестокие, дикие времена. Я еще не состарилась, когда асутры принялись выводить меднокожих бойцов. Поначалу им никак не удавалось их размножать, получая потомство от женщин... А зачем им это нужно было, я не знаю».

«Зато я хорошо знаю, — отозвался Этцвейн. — Рогушкоев высадили на Дердейне. Они опустошили Шант и несколько обширных областей в Каразе. Не странно ли? Асутры уничтожали людей на Дердейне и в то же время захватывают их в плен, чтобы использовать как пушечное мясо!»

«Всего лишь очередной эксперимент, — многозначительно заметила Кретцель. — Краснокожие бойцы потерпели поражение, теперь захребетники испытывают новое оружие». Старуха оглянулась: «Хватай свирель, играй напевы! Половиц кружит, как ахульф — вынюхивает, кто чем занимается. Остерегайся Половица — он любит убивать». Кретцель тоже взяла свирель: «А, мои бедные больные десны! Начнем девятнадцатый напев. Сах и Айану вяют веревку из волокон рахо и выкапывают коралловые орехи палками из черного дерева. Лейтмотивы черного дерева и жестких волокон играют грубо, с хриплым присвистом — это мы уже проходили. Не забывай прибавлять мизинцем прерывистое вибрато — иначе фраза превратится в описание «того места, откуда трясину уже почти не видно», из напева 9635».

Этцвейн играл на свирели, краем глаза следя за Половицем. Половиц задержался, проходя мимо, прислушался, с су-

ровым подозрением глянул на Этцвейна и пошел своей дорогой.

Позже, во время гимнастических упражнений, Половиц внезапно разразился приступом гнева: «Подтянись! А теперь согнись, как положено! Ты что, разленился, ладонь к земле прижать не можешь? Не беспокойся, я все вижу! Твоя жизнь — на волоске, как куколка мотылька! Что встал столбом?»

«Жду дальнейших указаний, бригадир Половиц!»

«Знаю я твою ехидную породу! Всегда умеешь так ответить, чтобы звучало как дерзость, а придраться ни к чему нельзя было! Не утешайся сладкими мечтами, господин виртуоз! На свирели игрец нашелся! Ты у меня узнаешь, почему фунт лиха, помяни мое слово! Сто прыжков в высоту — давай, давай, быстрее, чтоб только пятки сверкали! Скажи спасибо старому Половицу, что заботится о твоём здоровье, маленький сынок!»

Этцвейн спокойно и усердно прыгал в высоту, буквально выполняя приказ. Бледный от ненависти Половиц внимательно наблюдал, но больше не нашел к чему придраться. Не дождавшись конца упражнения, он резко повернулся и поспешил прочь. Слегка усмехнувшись, Этцвейн вернулся в каморку Кретцель, сыграл девятнадцать уже разученных напевов и с помощью проигрывателя запомнил мотивы двадцатого и двадцать первого. Без разъяснений старухи смысловое значение новых фраз он угадать не мог.

Этцвейн вел себя со всей возможной осторожностью, но Половиц не давал передышки. Терпение Этцвейна истощалось, он решил перейти в наступление. Каким-то таинственным образом Половиц почувствовал перемену настроения или догадался о происходящем в душе ненавистного музыканта. Вплотную придвинув костлявое морщинистое лицо к лицу Этцвейна, бригадир просипел: «Двенадцать человек пытались обвести меня вокруг пальца, и где они теперь? В отхожей яме! Молокосос! Тебе и не снились все проделки старого Половица! Одна ошибка, один-единственный проступок — и

ты узнаешь, чего стоит благородная спесь на печальной планете Кхахей!»

Этцвейну оставалось только притворяться. Он вежливо ответил: «Сожалею, если я чем-то вас оскорбил. Я стараюсь обращать на себя как можно меньше внимания. Вы же понимаете, что я здесь оказался не по своей воле».

«Лукавые отговорки! Вздумал за нос меня водить? — взревел Половиц. — С тобой все кончено, болтовня больше не поможет!» Бригадир ушел, а Этцвейн вернулся к занятиям на свирели.

Кретцель заметила явную рассеянность ученика и поинтересовалась ее причиной. Этцвейн объяснил, что бригадир собрался донести на него охранникам. Старуха пронзительно хихикнула: «Болван Половиц, зловердное ничтожество! Да он не стоит урчания в кишках ахульфа! На тебя Половиц не донесет — побоится соврать. Кха не дураки, все соображают! Давай-ка я тебе сыграю напев 2023 — про то, как колорезы задушили камневала, продавившего им сухомох. Пусть только Половиц осмелится на тебя палец поднять! Сыграй одиннадцатую фразу — он тут же спасует. Или нет, еще лучше! Скажи старому хрычу, что в последнее время он заметно отлынивает, и что ты поэтому разучиваешь напев Беспристрастной Инспекции. Давай, бери свирель! Забудь про Половица — повоняет да перестанет».

«Гастель Этцвейн! — заявил Половиц во время утренней гимнастики. — Приседаешь с грацией и проворностью беременного гегемота! Это даже на приседания-то не похоже, одно вихляние задом! Знаменитый виртуоз изволит задирать нос и не снисходит до наших низменных упражнений? Что молчишь? Отвечай, когда спрашивают! Сколько еще я должен выносить твою наглость?»

«Нисколько, — отозвался Этцвейн. — Если вашему терпению пришел конец, позовите надзирателя — вот он идет. По счастливой случайности я захватил с собой свирель. Пусть надзиратель нас рассудит — я ему сыграю напев Беспристрастной Инспекции».

Глаза Половица налились кровью, челюсть медленно отвисла — впрочем, он тут же захлопнул рот. Бригадир обернулся, будто собираясь позвать проходящего мимо чернокожего циклопа, и сделал вид, что сдерживается исключительно благодаря невероятному усилию воли: «Что же получается? Кха спустит в отхожую яму тебя и половину остальных колченогих кретинов. А мне придется вытягивать за уши новую бригаду, еще хуже прежней? Мы теряем время! Ну-ка живо! Еще сорок приседаний, и чтобы больше никто у меня не тухтел!»

Вечером Кретцель полюбопытствовала: «Как поживает наш друг Половиц?»

«Бригадир не узнать! — изобразил недоумение Этцвейн. — Не злобствует, не бесится, нравочений не читает. Кроткий, пугливый, как птенчик лугового стрекача. Даже тренироваться стало интересно — каждый делает, что хочет».

Переводчица молчала. Этцвейн поднес свирель к губам, но заметил слезу на пепельной щеке старухи и опустил инструмент: «Что тебя огорчает?»

Кретцель растерла лицо руками: «Я забыла Дердейн. Стараюсь не вспоминать — память печальна, печаль убивает. Но достаточно услышать одно слово, и все бывшее оживает: я вспомнила луга над Эльшукайскими прудами, где у моих родителей была ферма... Маленькой девочкой я любила забегать в высокую нескошенную траву, оставляя длинные борозды — и как-то раз спугнула с гнезда пару стрекачей. Однажды я забежала дальше, чем обычно, глубоко в густую траву выше роста, а когда выбралась наружу, наткнулась на чьи-то ноги, подняла голову — и увидела ухмыляющуюся рожу Моляска, охотника на рабов. Он засунул меня в мешок, и я больше никогда не видела Эльшукайские пруды... Жить мне осталось недолго. Кости мои смешаются со здешней гнилой черной землей — и я снова буду дома, на солнечных лугах».

Этцвейн сыграл на свирели задумчивую мелодию: «Когда тебя привезли на Кхахей, здесь уже было много рабов?»

«Наша бригада прибыла одной из первых — тогда почти всех истребляли, выращивая рогушкоев. Я спаслась, потому

что выучила Песнь. Остальных замучили — в живых остались двое или трое. В том числе старый хрыч Половиц».

«И за все это время никто не убежал?»

«Бежать? Куда? Весь мир — тюрьма!»

«Если бы я мог, то как-нибудь навредил бы асутрам. И полезно, и приятно».

Кретцель безразлично пожала плечами: «Когда-то я тоже так думала, а теперь... Я слишком долго играла Великую Песнь. Иногда мне кажется, что я кха».

Этцвейн вспомнил кха, бешено уничтожавшего асутру Хозмана Хриплого у постоянного двора в Шахфе. Что вызвало в нем вспышку ярости? Если бы все кха на Кхахей поддались такому же порыву, от захребетников не осталось бы ни следа. Этцвейн осознал, что в действительности очень мало знает об одноглазых аборигенах, о том, как они живут, каков их склад ума. Он принялся расспрашивать переводчицу, но та сразу рассердилась и раздраженно посоветовала ему прилежнее запоминать Великую Песнь.

Этцвейн возразил: «Я выучил двадцать два напева. Осталось запомнить больше четырнадцати тысяч. Я буду глубоким стариком прежде, чем найду ответы на свои вопросы».

«А я к тому времени откину копыта! — отрезала Кретцель. — Бери инструмент и кончай болтать. Заметь, что в конце второй фразы звучит двойное стаккато. Это часто применяемый символ, передающий «страстность утверждения». Кха — храбрый, отчаянный народ. Их история — бесконечная вереница плачевных катастроф. Они не сдаются. Двойное стаккато выражает именно такое упрямство, вызов, брошенный в лицо судьбе».

Старый крикун и задира Половиц с пугающей внезапностью превратился в угрюмого молчальника, уделявшего упражнениям лишь поверхностное внимание. Напряжение, нагнетавшееся угрозами бригадира, разрядилось — мрачные, скучающие рабы ежедневно повторяли давно заученные движения и приемы.

Тупая безнадежность наполняла каждую минуту существования Этцвейна. Он начинал ощущать некое самоотстране-

ние, раздвоение внутреннего сознания и внешней рутины — ум, будто отступивший на безопасное расстояние от бессмысленности бытия, безучастно, без интереса наблюдал за функциями тела.

Даже Великая Песнь уже не помогала вернуться к действительности. День за днем Этцвейн прилежно брал уроки у старой переводчицы, день за днем запоминал новые напевы и их значение. Но тяжкая мысль о том, что ему придется всю жизнь повторять фальшивые пересвисты кха, подавляла его — вся затея представлялась бессмысленной, невыполнимой, напрасной. Ну хорошо, он выучит четырнадцать тысяч напевов — что дальше? Сидеть в конуре, как Кретцель, и натаскивать очередного узника? Бездействие приводило Этцвейна в ярость, он гневно укорял себя: «Я победил рогушкоев! Я сопротивлялся, я думал и находил решения! Смирение смерти подобно — я не покорюсь! Настало время разбудить в себе дремлющие силы и подчинить судьбу своей воле!»

Так убеждал себя Этцвейн и, воспрянув духом, замышлял восстание, саботаж, партизанские вылазки, поимку и обмен заложников, захват бронзового звездолета-диска, бесполезно простаивавшего на дворе, всевозможные способы ведения переговоров с асутрами с помощью кха... Каждый план разбивался об одно и то же препятствие — практическую неосуществимость. Отчаявшись, Этцвейн попытался организовать группу единомышленников, но столкнулся с разочаровывающим всеобщим безразличием. Откликнулся только один из заключенных, задумчивый сухопарый субъект из каразского округа Сапровно по имени Шапан — так в Каразе называли жесткий сорняк с цепкими усиками, походившими на рыбацкие крючки. Шапан, казалось, живо заинтересовался взглядами Этцвейна, и Этцвейн уже почувствовал, что наконец нашел товарища и союзника, когда Кретцель во время одного из уроков заметила между прочим, что Шапана считают самым подлым провокатором в лагере: «Из-за него сгинули человек двенадцать. Он поддакивает каждому, кто строит крамольные планы, подзуживает недовольных, а потом обо всем докладывает надзирателям-кха. Зачем ему это нужно, ума не приложу

— за доносы не дают никаких поблажек. Одним словом, извращенец».

Этцвейн сначала рассвирепел, но скоро почувствовал острое отвращение к себе и впал в сардоническую апатию. Шапан подсаживался к нему, проявляя готовность составлять новые заговоры, но Этцвейн притворялся тугодумом.

Перезвон медных гонгов разбудил рабов ночью, когда сырая, тяжелая тьма еще окутывала лагерь. Доносились возбужденные трели кха, топот бегущих ног — что-то случилось, хозяева всполошились. Из-под шишковатого купола над гаражом для штурмовых машин раздался дикий улюлюкающий вой: сигнал общей тревоги. Рабы выбежали на двор. Поодаль темнела безмолвная масса транспортного звездолета. Никто ничего не понимал — заключенные бормотали, с сомнением высказывая противоречивые догадки.

Из корабля вышла дюжина кха с асутрами, вцепившимися им в загривки. Кха заметно спешили. Темнота наполнилась щебетом и свистом — кха перекликались в «сокращенно-справочном» Первом стиле. Снова завывала улюлюкающая сирена. Нервничающие бригадиры построили подопечных. Тех, кто учился управлять оружием и штурмовыми машинами, погнали в транспортный звездолет — вверх по трапу в длинный, тускло освещенный трюм. От немой палубы, покрытой гниющими органическими остатками, исходила удушливая вонь. Рабы сгрудились вплотную, упираясь подбородками друг другу в плечи и спины. Испарения десятков тел добавляли к смрадной атмосфере трюма сладковатую примесь прокисшего пота.

Корпус дрогнул, корабль взлетел. Рабы хватались за стойки, прижимались к стенам и цеплялись друг за друга, хотя падать было некуда. Одних тошнило, другие стонали похоронными голосами, третьи кричали от гнева и страха — этих заставляли молчать ударами и пинками. Крики стали раздаваться реже, глухие стоны мало-помалу прекратились.

Корабль летел час или два часа — и наконец приземлился, грубо встряхнув толпу невольников. Двигатели смолкли, звездолет замер. Задыхаясь, рабы не помышляли ни о чем,

кроме возможности глотнуть свежего воздуха, и принялись колотить кулаками по обшивке с криками: «Пустите! Пустите же!»

Люк открылся, в трюм ворвался порыв ледяного ветра. Невольники инстинктивно отшатнулись, сдавив задние ряды. Раздался громкий голос: «Выходите все, по порядку! Кхахеи в опасности, время настало!»

Сгорбившись навстречу ветру и обхватив себя руками, рабы спустились в непроглядную, бушующую холодом темноту. Поодаль, справа, мигал бледный фонарь. Пронзительный голос приказал: «Вперед, к фонарю, шагом марш! По одному, из строя не выходить!»

Уставшие, не выспавшиеся люди зашевелились. Никто не проявлял желания идти, но каким-то образом все побрели гуськом к фонарю по податливо-пружинистой, слегка губчатой поверхности. Морозящий морозный дождь хлестал в лицо. Этцвейну казалось, что он движется в кошмарном сне, что все это скоро кончится и он проснется.

Нестройная колонна остановилась перед приземистым строением. Подождав пару минут, невольники двинулись дальше, вниз по наклонной рампе в тускло освещенный подземный зал. Промокшие и дрожащие, обученные воевать рабы жались друг к другу, от их грязной одежды поднимался дурно пахнущий пар. В дальнем конце зала слышались фальшивые переливы флейты — кха взобрался на скамью и обращался к толпе. К чернокожему циклопу присоединился сгорбленный старик с удивительно длинными, тощими руками и ногами.

Кха разразился последовательностью пересвистов в Первом стиле. Старик заговорил, широко открывая беззубый рот, чернеющий под зарослями усов: «Передаю смысл сказанного. Враги прилетели на звездолете. Уже соорудили укрепления. Снова супостаты стремятся захватить Кхахеи! Они убивают мудрых помощников...» Старик запнулся, прислушиваясь к переливчатым трелям кха, а Этцвейн спросил себя: «Мудрые помощники — это еще кто такие? Асутры?» Старик снова разинул рот: «Кха будут драться, и вы будете драться плечом к

плечу с хозяевами-кха. Вас не забудут, о вас упомянут в Великой Песне...»

Старик слушал, но кха перестал щебетать, в связи с чем толмач обратился к толпе самостоятельно: «Взгляните вокруг себя, посмотрите друг другу в лицо — наступает лихое время. Многие из вас не увидят завтрашнего дня. Многие умрут — как их запомнят? Не по имени и не по внешности. Запомнят вашу отчаянную храбрость. В напеве Великой Песни будет сказано: в предрассветных сумерках люди выехали на штурмовых машинах, чтобы помериться силами с врагом!»

Снова засвистел чернокожий циклоп. Дряхлый толмач выслушал и перевел: «Тактика проста. Бешено, врасплох атакуют безымянные разрушители в стремительных, изрыгающих огонь машинах-саламандрах. Враг в смятении, враг бежит! Что вам осталось, кроме ярости и отчаяния? Внушайте страх! Вперед, только вперед — другого пути нет! Враги укрепились в северных болотах, орудия защищают их от атаки сверху. Но мы нападём снизу...»

Этцвейн закричал из темноты: «Кто наши враги? Люди, такие же, как мы! Зачем убивать людей и помогать асутрам?»

Старик склонил голову набок. Кха чирикал. Старик сыграл несколько фраз на двойной свирели и снова обратился к воинам-рабам: «Я ничего не знаю, так что не задавайте вопросов. Враг есть враг — неважно, как он выглядит и кем он притворяется. Вперед: убивайте, разрушайте! Такова воля кха. От себя добавлю: желаю удачи! Судьба нас подвела, жаль умирать вдали от Дердейна. Но раз уж мы должны погибнуть, почему не погибнуть храбро?»

Из толпы послышался другой голос, хриплый, издевательский: «Храбрости нам не занимать, умрем как положено — пусть твой кха не сомневается! Не зря нас привезли так далеко, не зря мы выжили так долго!»

В конце помещения появился мигающий красный огонь: «Идите на огонь, все вперед!»

Невольники мялись и топтались — никто не хотел идти первым. Кха издал трель с настойчивым стаккато. Старик заорал: «Ступайте в проход — туда, где горит красная лампа!»

Толпа повалила в туннель с белеными стенами, кончавшийся узким проходом. Каждого выходящего из прохода ловили и крепко держали двое кха. Третий кха всовывал пойманному в рот трубку и впрыскивал прямо в пищевод порцию густой едкой жидкости.

Кашляя, ругаясь и плюясь, спотыкающиеся люди выбирались на обширную мощеную площадку, полуосвещенную водянисто-серыми рассветными лучами. По обеим сторонам выстроились шеренгами неподвижные машины-саламандры. По мере того, как люди выходили вперед, их бригадиры подбегали и отводили каждого в сторону к штурмовой машине. «Давай залезай! — бесцветным голосом приказал Этцвейну Половиц, поднимая крышку люка в чуть выпуклой спине саламандры. — Езжай на север все время вверх, перевали через гряду холмов. Пусковые трубы заряжены. Взрывай укрепления врага торпедами, добивай выживших лучевым орудием. Все».

Этцвейн втиснулся в углубление, крышка захлопнулась. Лежа на животе, он прикоснулся ступней к педали акселератора. Машина заворчала, зашипела, скользнула над мощеной площадкой и то ли выехала, то ли вылетела на влажный мох.

Машины-саламандры были изобретательно устроены и опасны — верткие и гибкие, они скользили на вибрационных подушках, перетекая по неровностям поверхности, как капли ртути. Аккумуляторы энергии устанавливались в хвостовой части. Этцвейн ничего не знал о емкости аккумуляторов, но в тренировочном лагере их перезаряжали очень редко. Три пусковые трубы с торпедами были нацелены прямо вперед. В передней части чуть выступала вверх поворотная платформа с лучевым орудием. Опираясь на точечные скопления сжатого воздуха, машины могли сновать по плавно-волнистой поверхности плотного мха так быстро, что за ними трудно было уследить.

Этцвейн ехал на север, поднимаясь по пологому склону, будто обитому бархатно-черным мхом. Справа и слева скользили другие машины-саламандры — одни опережали его, другие отставали. Зелье, насильно впрыснутое Этцвейну в

глотку, начинало действовать — он чувствовал мрачное вододушевление власти и неуязвимости.

Перевалив через холм, Этцвейн отпустил педаль акселератора, но машина не тормозила. «Неважно! — убеждал его отравленный мозг. — Вперед с полной скоростью! Другого пути нет!» Его надули. Осознание беспомощности охладило наркотический пыл. Этцвейн чувствовал, как по всему телу горячими уколами распространяется гнев. Они не только послали его убивать неизвестных «врагов» — нет, этого им мало! Они еще позаботились о том, чтобы он спешил умереть!

Перед ним открылась широкая долина. В трех километрах он заметил мелкое озерцо, а рядом с ним — три черных звездолета. Звездолеты и озеро окружали кольцом двадцать приземистых черных конусов — по-видимому те самые «укрепления», каковые надлежало атаковать обученным рабам.

Из-за гряды холмов стремительно выскальзывали штурмовые машины, всего сто сорок штук. Ни одну нельзя было остановить. Машина, опережавшая Этцвейна, описала широкую дугу и направилась обратно. Ее водитель высунулся из люка, размахивая руками и жестикулируя, куда-то показывая. Для озлобленного Этцвейна этого стимула оказалось более чем достаточно — он тоже повернул назад к базе захребетников, с безумной радостью крича что-то бессмысленное в вентиляционное отверстие. Один за другим остальные водители заразились той же идеей — машины разворачивались и скользили восвояси.

Над ними на гребне холма притаились четыре тяжелые бронемашины — хозяева наблюдали за происходящим. Теперь эти броневики, мигая красными огнями, ползли наперерез возвращающимся камикадзе. Этцвейн навел прицел торпеды на броневик и нажал подбородком спусковой рычаг. Бронемашина взвилась в воздух как рыба, выскочившая из воды, и с лязгом повалилась на бок. Хозяева открыли огонь — три штурмовые саламандры превратились в лужи расплавленного металла, но уже через долю секунды оставшиеся броневики опрокинулись, пораженные шквалом торпед. Из двух обгоревших корпусов выбрались кха, длинными прыжками побежавшие по мшистому склону. За ними гнались восстав-

шие камикадзе. Саламандры вертелись, описывая круги, метались из стороны в сторону подобно ящерицам, ловящим насекомых, и в конце концов сбили всех беглецов-циклопов.

Приподняв крышку люка и размахивая рукой, Этцвейн кричал в вентиляционную отдушину: «На базу! На базу!»

Обратно через гряды холмов понеслись машины-саламандры. Им навстречу сразу же блеснули малиново-багровые лучи оружейных установок базы. «В рассыпную!» — орал Этцвейн, наполовину высунувшись из люка и яростно жестикулируя. Его никто не замечал. Этцвейн выпустил торпеду — одно из орудий взорвалось. Штурмовые машины горели от прикосновения шарящих по склону багровых лучей, но другие водители тоже не промахнулись. Через пять секунд половина машин-саламандр превратилась в кучи оплавленного дымящегося металла, но все огневые точки хозяев были подавлены. Оставшиеся в живых водители приближались к базе, не встречая сопротивления. Кто-то запустил торпеду в подземный гараж, и целый комплекс под холмом взорвался, как вулкан. Обрывки торфа и обломки бетона, вперемешку с конечностями и кусками черных тел, быстро кружась, взлетели высоко в воздух и градом посыпались на мох.

На месте базы зиял молчаливый кратер. Теперь нужно было как-то остановить штурмовую машину. Этцвейн несколько раз нажал и отпустил педаль акселератора и даже потянул ее к себе, но это не привело к желаемому результату. Наконец, когда он полностью откинул в сторону крышку люка, сработал предохранительный выключатель, и двигатель заглох. Машина остановилась. Этцвейн выпрыгнул на черный бархатный мох. Если бы в эту минуту его убили, он умер бы в полном восторге.

Другие водители тоже остановили машины способом Этцвейна и вылезли наружу. Из ста сорока человек, отправившихся в самоубийственную атаку, вернулись примерно семьдесят. Наркотик еще действовал — лица покраснелись, глаза чернели расширенными зрачками и блестели, личность каждого казалась необычно сосредоточенной и своеобразной, каждый чувствовал себя сильным, способным на все. Мятажни-ки хохотали, притоптывая и прихлопывая, обменивались об-

рывистыми фразами, одновременно пытаюсь собраться с мыслями и обосновать свой неестественный оптимизм:

«Наконец-то! Свобода! Теперь наша жизнь не стоит ломаного гроша...»

«Значит, так: удерем за холмы, и как можно дальше! Пусть гонятся за нами, если посмеют!»

«Еда? Конечно, мы найдем еду! Ограбим кха!»

«Нам не простят победы! Асутры налетят стайей звездолетов и сожгут нас!»

Этцвейн вмешался: «Подождите, послушайте! За холмом — черные звездолеты. В них люди, такие же, как мы, но с другой планеты. Почему бы не встретиться с ними по-дружески и не положиться на их добрую волю? Нам нечего терять».

Дюжий чернобородый мужик по имени Корба (больше Этцвейн ничего о нем не знал) потребовал разъяснений: «С чего ты взял, что в черных звездолетах — люди?»

«Я видел, как взорвался похожий звездолет, — ответил Этцвейн. — Из него выбросило человеческие тела. В любом случае, давайте разведем обстановку — нам нечего терять».

«Правильно! — заявил Корба. — Дожить бы до завтра, а там будь что будет».

«Еще вопрос, — сказал Этцвейн. — Важно действовать сообща и предусмотрительно, а не как шайка диких ахульфов. Нужен руководитель, человек, способный координировать действия. Как насчет Корбы? Корба, возьмешься командовать?»

Корба погладил черную бороду: «Только не я. Ты первый помянул руководство, вот и руководи. Тебя как зовут-то?»

«Гастель Этцвейн. Тогда я буду распоряжаться до поры до времени — если никто не против».

Никто ничего не сказал.

«Ну и прекрасно, — вздохнул Этцвейн. — Прежде всего давайте отремонтируем машины, чтобы они тормозили и останавливались».

«А зачем они нам, машины?» — вмешался старик с горящими глазами. Его звали Сул, он слыл заядлым спорщиком: «Пешком можно пройти там, где на машине не проедешь!»

«Что, если придется далеко ездить, чтобы найти что-нибудь поесть? — возразил Этцвейн. — Мы ничего не знаем о местных условиях. Бесплодная пустошь может тянуться на тысячу километров во все стороны. Машины дают больше шансов выжить. Кроме того, на них установлены орудия. В машинах мы — опасные бойцы, без них — банда голодающих беглецов».

«Верно! — поддержал его Корба. — С оружием, по крайней мере, мы успеем всыпать асутрам под первое число, даже если придется помирать. А помирать придется — помяните мое слово!»

Мятежники, хорошо знакомые с устройством машин, сняли панели двигательных отделений и удалили зажимы, фиксировавшие регуляторы скорости. Этцвейн поднял руку: «Тихо!» Ветер донес из-за холма еле слышное завывание странного скрипучего тембра, заставлявшее нить зубы.

Бойцы разошлись во мнениях:

«Кого-то вызывают!»

«Нет, это сигнал тревоги!»

«Они знают, что мы здесь, и ждут нас».

«Так воют призраки — я слышал этот клич на заброшенном кладбище».

Этцвейн сказал: «В любом случае пора выезжать. Я поеду впереди. На гребне холма остановимся». Он забрался в машину, захлопнул крышку люка и поехал. Штурмовые аппараты скользили по черному бархату мха, как тени деловитой стаи огромных крыс.

Снова преодолев пологий склон холма, водители затормозили, как только впереди показалась долина. Бойцы вылезли из люков. За ними мшистый склон спускался к кратеру уничтоженной базы. Дальше, за базой, поблескивала трясина. Впереди распростерлась долина с озерцом, черными звездолетами и кольцом конусов вокруг них. По берегу озера суетились люди — человек двадцать — выполнявшие какую-то работу. На таком расстоянии невозможно было разглядеть их черты или определить, чем именно они занимались, но, судя по движениям, они торопились. У Этцвейна появилось недоброе

предчувствие — будто в воздухе над долиной скопилось предгрозовое напряжение.

Со стороны космических кораблей опять взывала дребезжащая сирена. Люди, возившиеся у воды, обернулись, застыли на несколько секунд и побежали к звездолетам.

Тут же раздался испуганный возглас Корбы — он указывал на юг, где в туманной дымке за трясинной на фоне вечно пасмурного неба угадывались очертания другой гряды холмов. Из-за тех холмов выплывали три красновато-бронзовых диска: впереди два обычных и за ними третий невероятной величины, всходивший над горизонтом подобно медной луне. Первые два диска приближались с угрожающей быстротой.

Большой корабль двигался медленнее, над самой землей. Из конических укреплений вокруг озера вырвались трескучие белые молнии, поразившие звездолет-диск, летевший впереди. Диск озарился голубым сиянием, подскочил высоко в небо и мгновенно пропал в тучах. Второй диск испустил широкую струю лилового огня, целиком охватившего один из сферических черных звездолетов. Укрепления вокруг озера отвечали новыми залпами белых разрядов, но попавший под обстрел черный шар накалился докрасна, потом добела, и осел на дымящемся мху бесформенной полурасплавленной массой. Атаковавший его бронзовый диск, судя по всему неповрежденный, проворно нырнул под прикрытие пологой возвышенности. Громадный бронзовый звездолет опустился на поверхность поблизости. Его выходные люки раскрылись, как лепестки неожиданно распустившегося бутона, и легли на мох, превратившись в наклонные выездные ramпы. Изнутри стремительно выскальзывали штурмовые машины-саламандры — двадцать, сорок, шестьдесят, не меньше сотни.

Машины бросились к человеческим укреплениям, рыская черными тенями по черному мху, почти невидимые, защищенные от огня гребнем холма. Кольцо укреплений вокруг озера раскрылось: конусы стягивались к двум уцелевшим сферическим звездолетам. Но машины-саламандры уже спешили вниз по бархатно-черному склону — огневые позиции людей оказались в радиусе действия торпед. Черные конусы ошетинились белыми трескучими разрядами. Машины-сала-

мандры часто взрывались, высоко подсакивая и кувыряясь, но их было слишком много, и уцелевшие успевали выпускать торпеды. Одно за другим орудия-конусы превращались в рваные клочья металла. Водители штурмовых машин обстреливали также шарообразные звездолеты, но безрезультатно — злобные красные вспышки разрывов гасли, не долетая до угольно-черных корпусов.

Два бронзовых диска, огромный и обычный, поднялись в воздух, ощупывая черные шары толстыми прямыми щупальцами лилового огня. С неба прибыло подкрепление. Восемь серебристо-белых веретенообразных кораблей с выступающими из корпусов сложными устройствами или орудиями быстро спустились и повисли над двумя черными шарами. Воздух мерцал и дрожал. Лиловые струи огня затуманились, стали янтарно-желтыми, потом потускнели и исчезли, как если бы источники энергии в бронзовых дисках иссякли. Черные шары вертикально поднялись в воздух, набрали скорость, превратились в темные пятна на фоне серых облаков и скрылись за завесой туч. Серебристо-белые звездолеты повисели над озером неподвижным восьмиугольником еще три минуты и тоже исчезли в облаках.

Машины-саламандры скользили обратно, поднимаясь по рампам большого дисковидного звездолета и исчезая в трюмах. Через пять минут оба бронзовых диска взлетели и удалились за туманные южные холмы.

За исключением взбунтовавшихся рабов, ошеломленно стоявших на гребне холма, на всем обширном пространстве поля битвы не осталось ничего живого. Около маленького темного озера застыли изуродованные остатки конусных укреплений и все еще раскаленный оплавленный черный шар.

Мятежники залезли в штурмовые машины и осторожно спустились по склону к озеру. От огневых позиций людей остались бесполезные переплетения обрывков металла. Оплывший черный звездолет излучал такой жар, что никто не осмелился к нему приблизиться. Даже если в нем были запасы провианта, они, несомненно, сгорели. Вода, однако, была в двух шагах. Бойцы подошли к берегу мелкого озерца. От него

исходил неприятный запах, заметно усиливавшийся по мере приближения.

«Вода есть вода, — заявил Корба. — Пусть воняет, мне все равно. Сейчас побрезгуешь — а потом где еще напьешься?» Он наклонился зачерпнуть пригоршню и сразу отскочил: «Что-то плавает! Кишмя кишит!»

Этцвейн присел на корточки и заглянул в воду. Озеро бурлило вихрями и всплесками, вызванными движением бесчисленных юрких, напоминавших насекомых существ всевозможных размеров, от микроскопических букашек до гигантов величиной с руку. Из-под розовато-серого туловища каждой твари свисали восемь членистых ног с тремя крохотными шупиками на концах. В шерстистых углублениях спереди поблескивали черные глаза-бусинки. Этцвейн с отвращением выпрямился: «Асутры! Миллионы асутр!» Он наотрез отказался пить из этого пруда.

Этцвейн взглянул на небо. Низкие черные тучи лениво дрейфовали под сплошной серой пеленой, роняя прерывистые шлейфы дождя. Прозябшего Этцвейна передернуло нервной дрожью: «Проклятые места! Чем скорее мы отсюда уедем, тем лучше».

Один из мятежников с сомнением произнес: «Где еще мы найдем воду и пищу?»

«Питаться асутрами? — Этцвейн скорчил гримасу. — Я скорее подохну с голоду. В любом случае эти твари развились на чужой планете и, скорее всего, ядовиты». Этцвейн повернулся лицом к югу: «Звездолеты могут вернуться. Лучше убраться подобру-поздорову».

«Все это замечательно, — жаловался старый Сул, — но куда бежать? Мы обречены. Зачем торопиться?»

«Предлагаю ехать на юг. Где-то там, за трясинной, наш лагерь — ближайшее место, где можно добыть воду и пищу».

Повстанцы прищурились, глядя на Этцвейна с подозрением и в замешательстве. Корба вызывающе спросил: «Мы только что освободились — после стольких лет рабства — и ты хочешь возвращаться в лагерь?»

Другой мятежник ворчал: «Я родился в упрямом племени баготов, в семье из клана Стальных Шпор. Пусть я буду

жрать насекомых и хлебать вонючую жижу, но продаваться в рабство за еду не намерен!»

«Я не собираюсь сдаваться в рабство, — возразил Этцвейн. — Вы забыли, что у нас есть оружие? Мы не вернемся стоять в очереди к лагерной кормушке — мы вернемся, чтобы взять свое и рассчитаться со старыми долгами! Будем двигаться на юг, пока не найдем старый лагерь, а там посмотрим».

«Путь далек!» — пробормотал кто-то.

Этцвейн отозвался: «В транспортном корабле мы прилетели за два часа. Возвращение займет два-три дня, может быть четыре — а что еще делать? Ложиться и помирать?»

«Верно! — одобрил Корба. — Пусть асутры спялят нас молниями — на этой промозглой планете все равно никто долго не проживет. Поедем и встретим смерть, как подобает людям!»

«Значит, по машинам! — заключил Этцвейн. — Едем на юг».

Обогнув озерцо и дымящийся корабль-шар, они поднялись по черному мшистому склону, где виброподушки уже оставили переплетения блестящих следов-дорожек, потом спустились к воронке, оставшейся от базы, и помчались дальше. «Где-то под обломками базы, — думал Этцвейн, — лежит старый Половиц, вдавленный в черный торф чужой земли. И поделом — стоило выслуживаться столько лет!» Тем не менее, несмотря на горечь возмущения сотнями несправедливостей, причиненных бригадиром ему и многим другим, Этцвейн чувствовал некое мрачное сострадание. Он обернулся, взглянув на скользящие следом машины-саламандры. Все повстанцы, и он в том числе, спешили навстречу смерти. Но сперва они успеют отомстить.

Трясина была уже близко: безграничный простор липкой грязи, местами покрытый пятнами белесо-зеленой пенистой плесени. Машины повернули и продолжали мчаться на юг по краю топи. Под тяжелыми низкими тучами моховые луга, трясина и небо сливались в мутной дали без четкой линии горизонта.

Машины скользили на юг зловещей гибкой вереницей. Мятеежники не оборачивались назад. Ближе к вечеру им повстречалась болотистая заводь с грязноватой водой. Они напились, не обращая внимания на горький привкус, и наполнили той же водой баки в машинах. Потом, осторожно перебравшись вброд через мелкую заводь по самому краю трясин, они снова помчались на юг.

Небо потемнело, пошел неизбежный вечерний дождь, мгновенно поглощавшийся мхом. Машины ехали в сумерках, постепенно сменившихся непроглядным мраком. Этцвейн остановил колонну, и бойцы выбрались на мох, кряхтя от голодной усталости и со стонами растирая онемевшие мышцы. Мрачно бормоча хрипылыми голосами, люди бродили вперед и назад вдоль вереницы машин. Некоторые заметили, что пенящаяся накипь на трясине заметно флуоресцировала в темноте, тогда как моховой луг беспросветно чернел. Кто-то предложил ехать всю ночь: «Чем скорее мы вернемся в лагерь, тем скорее все это кончится так или иначе — утолим голод или нас убьют».

«Я тоже тороплюсь, — отвечал Этцвейн, — но в темноте ехать слишком опасно. У нас нет опознавательных огней, мы можем разъехаться кто куда. Что, если водитель заснет, не снимая ногу с акселератора? Утром мы его уже не найдем. Нужно перетерпеть голод, дожидаться рассвета».

«Днем нас могут увидеть с летающих кораблей, — возразил один из самых нетерпеливых. — Других опасностей здесь никаких нет, куда ни посмотри, а пустые животы бурчат и днем, и ночью».

«Двинемся в путь, как только забрезжит заря, — пообещал Этцвейн. — Ехать в полной темноте — безумие. Мой живот так же пуст, как и у вас. За неимением лучшего я намерен спать». Он решил больше не спорить и спустился к краю бесконечной трясин.

Болотная накипь мерцала синеватой сеткой пересекающихся линий, медленно плывших и постоянно образующих новые узоры из неправильных ромбов. Бледные пятнышки света то и дело сновали проблесками по открытым участкам, неподвижно задерживаясь в редких пучках тростника...

Что-то быстро пробежало по грязи у самых ног Этцвейна — судя по очертаниям большое плоское насекомое, опиравшееся на плесень подушечками многочисленных широко расставленных ног. Этцвейн пригляделся: асутра? Нет, что-то другое, хотя асутры, вероятно, развились где-то в таком же болоте или озере. Возможно даже, что захребетники развились именно на Кхахей — хотя в первых напевах Великой Песни о них ничего не говорилось...

Другие повстанцы тоже вышли на берег огромной топи и дивились странной игре света в зловещей, сырой тишине ночи. Кто-то развел на берегу крохотный костер, подкладывая в огонь сухие кусочки мха и тростника. Несколько человек поймали в грязи насекомых и теперь готовились поджарить их и съесть. Этцвейн фаталистически пожал плечами. Он занимал шаткое положение в группе мятежников — любой мог оспорить его первенство в любую минуту.

Ночь тянулась долго. Этцвейн пытался уснуть внутри штурмовой машины, но там было слишком тесно. Он вылез наружу и лег на мох. Приземистая машина почти не защищала от холодного ветра, но мало-помалу он задремал... и вскочил на ноги, разбуженный отчаянными стонами. Наощупь пробравшись вдоль вереницы машин, Этцвейн нашел трех человек, судорожно извивавшихся на земле. Их рвало. Этцвейн постоял минуту, потом вернулся к своей машине. Как он мог им помочь, чем он мог их утешить? Смерть дышала в затылок каждому, потеря трех человек казалась несущественной... Ветер крепчал, с трясины наползло облако тумана с морозящим дождем. Этцвейн снова залез в машину. Стоны отравленных слабели и в конце концов прекратились.

Наконец рассвело. На губчатом черном торфе лежали три мертвеца — трое, поужинавшие жареными насекомыми. Не говоря ни слова, Этцвейн вернулся к своей машине, и колонна двинулась на юг.

Черные болотистые луга казались бесконечными — повстанцы ехали быстро, но в почти летаргическом оцепенении. К полудню они подъехали к еще одной заводи и снова напились. Вокруг заводи, в тростниках, кое-где висели гроздья мелких плодов, напоминавших восковые шарики. Двое пов-

станцев осторожно потрогали их и понюхали. Этцвейн ничего не сказал, но на этот раз никто не захотел рисковать.

Корба стоял и смотрел на сплошь поросшую мхом равнину, простиравшуюся к югу. Он показал Этцвейну на далекую тень над горизонтом — то ли облако, то ли холм со скальными выходами: «К северу от лагеря торчала как раз такая скала. Похоже, мы скоро приедем».

«Боюсь, что нескоро. Корабль, перевозивший нас на базу, двигался гораздо быстрее машин. Думаю, ехать придется еще не меньше двух дней».

«Что ж, как-нибудь доедем, если с голоду не передохнем».

«От трех дней голодовки еще никто не умирал — вот если машины не дотянут, будет гораздо хуже. Этого я больше всего боюсь. Аккумуляторы не вечны».

Корба и еще несколько человек с сомнением обернулись к черным плоским машинам. «Поехали! — сказал один. — По меньшей мере увидим, что делается по ту сторону холмов — вдруг Корба не ошибся, и нам повезет?»

«Я тоже надеюсь на лучшее. Но приготовьтесь к разочарованию», — предупредил Этцвейн.

Колонна скользила по волнистому черному ковру. Нигде не было никакого движения, никаких признаков жизни — ни остатков жилищ, ни развалин древних укреплений, ни ориентиров, сложенных из камней разумными существами.

Налетела гроза. Черные тучи клубились над самой головой, машины дрожали от ураганного западного ветра. Но уже через полчаса гроза прошла, и воздух стал чище, чем раньше. Теперь было ясно, что тень на юге — внушительная возвышенность.

К концу дня колонна поднялась на гребень седла между двумя холмами. Впереди, насколько видел глаз, простирался монотонно-черный моховой луг.

Машины остановились. Люди вышли и молча смотрели на открывшуюся им пустыню. Этцвейн сухо сказал: «Нам еще ехать и ехать». Вернувшись в машину, он повел ее вниз по склону.

У него в голове сложился план. Когда темнота снова заставила их сделать привал, Этцвейн предложил его на обсуж-

дение: «Помните корабль-диск, стоявший на дворе перед бараками? По-моему, это космический аппарат. В любом случае ценная машина. Асутры дорожат ею гораздо больше, чем жизнью шестидесяти-семидесяти рабов. Если этот корабль все еще в лагере, предлагаю захватить его и выторговать возвращение на Дердейн».

«Как мы это сделаем? — спросил Корба. — Нас заметят и обстреляют торпедами!»

«Насколько я помню, лагерь охраняют не слишком бдительно. Почему бы сразу не сделать большую ставку? Если мы сами себе не поможем, кто нам поможет?»

Один боец, кочевник из племени алулов, с горечью сказал: «Я забыл — так много всего случилось, столько времени прошло... Давным-давно ты говорил о Земле и обещал помощь какого-то Ифнесса».

«Мечты, сказки! — развел руками Этцвейн. — Я тоже многое забыл... Странно, странно! Если бы люди с Земли видели нас сейчас, мы показались бы им существами из кошмарного сна, порождениями черных болот, чуждыми и бестелесными, как блуждающие огни... Боюсь, я никогда не увижу Землю!»

«Что мне Земля! Повидать бы еще раз старый добрый Караз! — отозвался кочевник. — Если мне улыбнется удача и я попаду домой, я больше никогда не пожалуюсь на судьбу».

Другой боец проворчал: «Мне для полного счастья хватило бы куска жирного мяса».

По одному, неохотно возвращаясь к одиночеству после дружеского разговора, повстанцы разошлись, улеглись у своих машин и провели еще одну холодную, голодную ночь.

Как только рассвет позволил различить окружающую местность, колонна черных саламандр уже была в пути. Этцвейну казалось, что машина движется не так бодро, как раньше — он пытался угадать, сколько времени еще проработает двигатель. Но емкость аккумуляторов была неизвестна, неизвестно было и оставшееся расстояние до лагеря. По самой грубой оценке, ехать нужно было еще не меньше дня, но не больше трех-четырех дней.

Всюду расстился мох — ровный, губчатый, влажный, местами почти незаметно переходивший в болото. Несколько раз машины пересекали большие лужи жидкой серой грязи. У одной такой лужи колонна остановилась — всем хотелось передохнуть и размять ноги.

Грязевой бассейн бугрился огромными смрадными пузырями, судорожно надувавшимися и лопающимися с громкими маслянисто-всасывающими звуками. По краям бассейна гнездились колонии сочлененных пучками шоколадно-коричневых червей и быстро перекатывавшихся с места на место черных ворсистых колобков. И те и другие мгновенно погружались в грязь, если раздавался любой звук, не похожий на клототание грязи. Этот факт заставил Этцвейна задуматься — вокруг, казалось бы, не было естественных врагов, заставлявших прятаться или защищаться существа, облюбовавшие грязевые ванны. Этцвейн знал, что над моховыми болотами не водились хищные птицы, летающие рептилии или крылатые насекомые.

Под рваным краем гниющей подушки черного мха в полутора метрах от грязевой лужи он обнаружил, однако, многочисленные маленькие норы — к ним вели узкие двойные дорожки свежих отпечатков крохотных трехпалых ног. Нахмурившись, Этцвейн с подозрением изучал следы. Из норки высунулось и сразу юркнуло обратно лиловато-бурое насекомое: асутра, еще не достигшая зрелости. Встревоженный Этцвейн брезгливо отступил на шаг. Как могли расы, сложившиеся в несовместимых условиях — человек и асутра — понимать друг друга, чувствовать какую-то симпатию друг к другу? Этцвейн не допускал такой возможности. Нейтралитет на основе взаимного отвращения? Может быть. Сотрудничество? Никогда!

Колонна продолжала путь. Теперь некоторые машины то и дело замедлялись, рывками опускаясь и приподнимаясь на виброподушках. Наконец одна упала на мох и отказалась двигаться дальше. Этцвейн посадил ее водителя верхом на саламандру, казавшуюся самой прыткой, и марш-бросок голодных бойцов возобновился.

После полудня еще две машины устало опустились на мшистую подстилку. Становилось ясно, что через несколько часов истощатся аккумуляторы всех штурмовых машин. Впереди снова показалась темная возвышенность, казавшаяся ниже знакомого гребня к северу от лагеря. «Если это опять не те холмы, — с тоской подумал Этцвейн, — мы никогда не доберемся до барачков. У нас просто не хватит сил пройти пешком шестьдесят или семьдесят километров».

Колонна повернула ближе к трясине, чтобы объехать крутую грядку, но крайний холм заканчивался отвесным утесом, торчавшим уже посреди болота. Пришлось преодолевать хребет.

Вверх по крутому склону ползли стонущие, оседающие машины-саламандры. Этцвейн первым перевалил через гребень, и его глазам открылся вид на юг... Под холмами ближе, чем в восьми километрах, раскинулся знакомый лагерь. Густой торжествующий рев вырвался из полусотни луженых глотков: «Лагерь! Вниз, к барачкам! Там еда — хлеб, горячая ба-ланда!»

Пошатываясь от напряжения, Этцвейн выбрался из-под люка своей машины: «Погодите, погодите! Глупцы! Вы забыли о нашем плане?»

«Чего тут ждать? — хрипел Сул. — Смотри! На дворе больше нет звездолета — все, он улетел! Даже если бы он там был, твой план никуда не годится. Нужно поесть и напиться. Все остальное не имеет смысла. Поехали в лагерь!»

Этцвейн не сдавался: «Нет, постойте! Мы слишком много страдали, чтобы теперь распрощаться с жизнью ни за что ни про что. Верно, звездолета нет. Но мы должны захватить лагерь, а для этого нужно напасть врасплох! Подождем до вечерних сумерек. А до тех пор сдерживайте свой голод».

«Я терпел всю дорогу, возвращаясь черт знает откуда, не для того, чтобы снова терпеть!» — заявил Сул.

«Терпи или умри! — зарычал Корба. — Когда лагерь будет наш, набьешь себе брюхо. А сейчас настало время показать, что мы люди, а не рабы!»

Старый Сул больше не спорил. Опустив пепельно-бледное лицо, он присел на край машины, что-то беззвучно бормоча сухими посеребрившими губами.

Сверху лагерь выглядел непривычно затихшим, даже полузаброшенным. Несколько женщин выполняли повседневную работу. Из дальних бараков показались двое кха. Бесцельно побродив туда-сюда, они снова зашли внутрь. Двор пустовал — бригады не занимались гимнастикой. В гараже было темно.

Корба прошептал: «Лагерь опустел — нас никто не оставит».

«Подозреваю неладное, — так же тихо откликнулся Этцвейн. — Странное спокойствие».

«Думаешь, нас ждут?»

«Не знаю, что думать. Все-таки нужно подождать до темноты — даже если в лагере остались трое кха и дюжина старух, нельзя допустить, чтобы они успели передать сигнал тревоги».

Корба крикнул.

«Уже смеркается, — продолжал Этцвейн. — Через час мы сможем подъехать незаметно».

Повстанцы ждали, переговариваясь и указывая друг другу на памятные уголки лагерной зоны. В бараках зажглись фонари. Этцвейн повернулся к Корбе: «Ты готов?»

«Готов».

«Помни: мой отряд атакует бараки кха с фланга, а вы подъезжайте ко двору спереди — и подавляйте любое сопротивление!»

«Ясное дело».

Машины Этцвейна и половины других бойцов — темные, невидимые на фоне черного мха — спустились по боковому склону плеча, выступавшего из гряды холмов. Корба подождал пять минут и двинулся со своим отрядом прямо вниз, напрямик к обращенному в сторону возвышенности лагерному двору. Группа Этцвейна — на машинах, едва волочившихся по мху на теряющих стабильность подушках — обогнула с тыльной стороны шишковатые белые строения, где обосновались кха.

Бойцы ворвались в бараки и напали на семерых кха, собравшихся в одном помещении. Ошеломленные или просто безразличные, кха почти не сопротивлялись. Через пару минут их всех уложили на пол, крепко связанных ремнями. Люди, ожидавшие отчаянной битвы и не встретившие отпора, в замешательстве потеряли голову и стали вымещать раздражение, яростно пиная беззащитных одноглазых надзирателей. Этцвейн с трудом остановил их: «Что вы делаете? Они такие же жертвы, как мы с вами! Убейте захребетников, но зачем же калечить кха? Это бессмысленно!»

Прекратив избиение, повстанцы оторвали насекомых, гнездившихся под затылками кха, и раздавили их. Процесс сопровождался глухими шипящими стонами пленников, явно испытывавших ужас.

Этцвейн отправился на поиски Корбы. Другой отряд уже захватил гаражи и склады провианта, а также пункт связи, где были найдены еще четверо кха. В отсутствие Этцвейна нападавших ничто не сдерживало, и троих циклопов уже забили насмерть кольями, вырванными из оград. Больше никто не сопротивлялся — повстанцы заняли лагерь с удивительной быстротой. Многих бойцов, так и не сумевших разрядить непосильное нервное напряжение, тошнило на пустой желудок. Опустившись на колени, они сотрясались мучительными потугами, кашляя и тяжело дыша. У Этцвейна тоже начался странный звон в ушах. Он приказал остававшимся в лагере женщинам немедленно подать горячую еду и питье.

Люди поели — не торопясь, с благодарностью судьбе, удивленно обсуждая невероятную легкость победы. Никто не веселился — все слишком устали, да и ситуация скорее озадачивала, нежели воодушевляла.

Насытившись, Этцвейн ощутил непреодолимую сонливость. Ему стоило большого труда не свалиться прямо под стол. Заметив стоявшую поодаль старуху Кретцель, он подошел к ней и спросил: «Куда подевались кха? Их тут было сорок или пятьдесят, а мы нашли только одиннадцать».

Огорченно всплеснув руками, переводчица пожаловалась: «Кха улетели на корабле, тому уже два дня. Какой тут был

переполох, ты бы видел! Случилось что-то важное. К добру или не к добру — кто их знает?»

«А когда вернется этот корабль — или другой?»

«Мне никто ничего не объяснял».

«Давай-ка спросим кха».

Они направились к баракам, где лежали связанные надзиратели. Десять часовых, столь предусмотрительно расставленные Этцвейном, сладко спали, все как один. Кха не преминули воспользоваться этим обстоятельством, лихорадочно пытаясь избавиться от пут. Этцвейн растолкал спящих пинками: «Вот так вы заботитесь о своей безопасности! Спите, как мертвые! Еще минута — и вы бы уже не проснулись!»

Старый Сул, один из бдительных часовых, угрюмо возражал: «Ты сам сказал, что они такие же жертвы, как мы. По справедливости, кха должны быть нам благодарны за освобождение».

«Именно это я и собираюсь им объяснить, — заявил Этцвейн. — Тем временем, с их точки зрения мы — озверевшие беглецы, напавшие на них и связавшие их ремнями».

«Вот еще! — бормотал Сул. — Не поспеваю я за твоими рассуждениями. Языком трепать ты горазд, нечего сказать».

Этцвейн приказал: «Затяните ремни потуже!» Обратившись к Кретцель, он продолжил: «Объясни кха, что мы не желаем им зла и считаем, что асутры — наш общий враг».

Кретцель в замешательстве всматривалась Этцвейну в лицо — по-видимому, она находила его просьбу нелепой и бессмысленной: «Зачем ты хочешь, чтобы я им это говорила?»

«Чтобы они нам помогли — или по меньшей мере не мешали».

Старуха покачала головой: «Я сыграю, но они не обратят особого внимания. Ты не понимаешь кха». Переводчица достала двойную свирель и насвистела несколько фраз. Кха прислушались, но поначалу не отреагировали. Помолчав несколько секунд, они обменялись дрожащими трелями и глissандо, похожими на далекий щебет поссорившихся птенцов.

Этцвейн с сомнением разглядывал одноглазых пленников: «Что они говорят?»

Кретцель пожала плечами: «Они поют в «иносказательном» стиле — меня такому не учили. В любом случае, по-моему, они тебя не поняли».

«Спроси их — когда вернется корабль?»

Кретцель рассмеялась, но послушалась. Каждый из циклопов молча смотрел на нее немигающим радужным глазом. Через некоторое время один кха что-то быстро чирикнул и снова замолчал. Этцвейн вопросительно взглянул на переводчицу.

«Это отрывок из напева 5633 — ссылка на глупую шутку, поставившую всех в неудобное положение. Ответ можно перевести, как насмешку. Кха спрашивает: какое тебе дело? Зачем тебе, человеку, об этом знать?»

«Понятно, — кивнул Этцвейн. — Они не желают заниматься практическими вопросами».

«Кха достаточно практичны, — возразила Кретцель. — Но ситуация недоступна их пониманию. Помнишь ахульфов?»

«Конечно».

«Для кха люди — что-то вроде ахульфов. Непредсказуемые,мышленные, но неразумные твари с врожденной склонностью к непостижимым выходкам».

Этцвейн недоверчиво хмыкнул: «Спроси их еще раз. Пообещай, что их освободят, когда корабль вернется».

Кретцель сыграла на свирели довольно сложный пассаж. Последовал небрежный краткий ответ: «Через несколько дней прибудет звездолет с новой партией рабов».

Глава 10

Восставшие рабы приобрели кров и пищу. Все понимали, однако, что передышка наступила ненадолго. Некий Джоро предлагал устроить за холмами тайник и перевезти туда запасы провианта. Таким образом он надеялся выжить до тех пор, пока не подвернется возможность устроить еще одно ограбление лагеря: «Мы отсрочим свою гибель на несколько месяцев. Кто знает, что произойдет за это время? Может быть, прилетят наконец спасательные корабли с Земли!»

Этцвейн горько рассмеялся: «Теперь я хорошо усвоил то, что должен был понимать с пеленок — тот, кто не заботится о себе сам, умирает рабом. Это неопровержимая аксиома. Никто нас не спасет. Если мы останемся в лагере, нас, скорее всего, перебьют как скотину через пару дней. Если мы убежим и будем прятаться на моховых лугах, протянем месяца два — в промокшей одежде, дрожа от холода — а потом нас все равно прикончат. Придерживаясь первоначального плана, мы в лучшем случае захватим огромное преимущество, а в худшем — умрем достойно, как подобает людям, причинив врагу столько вреда, сколько в наших силах».

«Наилучший вариант маловероятен, наихудший — почти неизбежен, — брюзжал Сул. — Я устал от сказочных проектов».

«Поступай согласно своему разумению, — вежливо отвечал Этцвейн. — Если тебе так хочется, отправляйся за холмы. Тебя никто не держит».

Корба сухо заметил: «Пусть каждый, кто желает уйти, уходит сейчас, не откладывая. Остальным предстоит много работы, а времени и так уже в обрез».

И Сул, и Джоро, тем не менее, предпочли остаться в лагере.

Как-то днем к Этцвейну подошла Руна Ивовая Прядь: «Помнишь меня? Мы с тобой подружились на стоянке алулов. Может быть, в тебе еще теплится огонек той дружбы? Я, наверное, поседела от рабской жизни, покрылась морщинами. Как ты думаешь?»

Этцвейн, поглощенный сотнями забот, смотрел вдаль, стараясь придумать подходящий, ни к чему не обязывающий ответ. Наконец он сказал с невольной сухостью: «Для девушки на этой планете привлекательность хуже уродства».

«А! Уродство было бы спасением! Когда-то мужские руки тянулись со всех сторон, чтобы скинуть с моей головы тубетейку, и я была счастлива — хотя и притворялась, что сержусь. А теперь, даже если я начну танцевать голая посреди двора, на меня никто не взглянет!»

«Уверен, что внимание ты привлечешь, — успокоил ее Этцвейн. — Особенно если хорошо станцуешь».

«Издеваешься? — печально спросила Руна. — Почему ты не хочешь меня утешить — обнять, улыбнуться? Смотришь на меня так, будто я жирная баба с носом картошкой!»

«Я не смеюсь, у меня и в мыслях этого не было, — заверил ее Этцвейн. — Но ты должна меня извинить — нужно готовиться».

Прошло еще двое суток. Напряжение росло с каждым часом. Утром третьего дня над южной трясиной появился звездолет-диск. Корабль приблизился и завис над лагерем. Поднимать тревогу или отдавать приказы не было нужды — все повстанцы заняли условленные позиции.

Звездолет висел, производя низкое гудение, заставлявшее дрожать стены. Этцвейн, в гараже, покрылся холодным потом, представляя себе возможные варианты провала.

Откуда-то из корабля донеслось мягкое громкое уханье, через несколько секунд отразившееся эхом от холмов. Звуки прекратились, но звездолет продолжал висеть. У Этцвейна, надолго затаившего дыхание, начинали ныть легкие.

Корабль дрогнул и стал медленно опускаться на лысую площадку у мощеного двора. Этцвейн выдохнул и чуть наклонился вперед. Наступал критический момент.

Когда звездолет прикоснулся к обнаженной почве, она заметно продавилась под его весом. Прошла минута, другая. Этцвейн боялся, что команда корабля заметит какую-нибудь мелочь, отсутствие какой-нибудь формальности... Люк открылся и лег на землю наклонной рампой. Из корабля спустились двое кха, каждый с асутрой, оседлавшей тыльную сторону шеи наподобие крохотного темного жокея. Циклопы остановились у основания рампы, глядя на бараки. Спустились еще двое кха — все четверо стояли и ждали.

Из складского помещения выехала пара самоходных платформ — такова была обычная процедура после прибытия корабля. Платформы слегка повернули, чтобы проехать ближе к рампе. Этцвейн и еще три человека вышли из гаража ленивой походкой, будто бесцельно прогуливаясь, и направились к кораблю через двор. Другие небольшие группы повстанцев появились в разных концах лагерной территории, постепенно приближаясь к звездолету.

Передняя платформа остановилась. С нее соскочили четверо людей — и тут же набросились на четверых кха. Еще четверо, со второй платформы, подбежали с ремнями наготове. Повстанцы договорились по возможности не убивать кха, чтобы остался кто-то, способный управлять звездолетом. Пока восемь человек боролись с четырьмя жилистыми циклопами у основания рампы, Этцвейн и его отряд забежали по рампе в корабль.

Команда звездолета состояла из четырнадцати кха и двух дюжин захребетников. Некоторые асутры безжизненно плавали в стеклянных сосудах, похожих на кювету, найденную Иф-нессом и Этцвейном в отвалившемся отсеке корабля под Три-Оргам. Стычка у рампы продолжалась недолго. Остальные кха и асутры практически не оказали сопротивления. Кха казались оцепеневшими от неожиданности или просто уставшими и сонными — понять их ощущения было невозможно. Угадать отношение хозяев-насекомых к происходящему было

труднее, чем заставить камень разговаривать. Освобожденных рабов снова раздражал излишек неразряженного напряжения — как атлета, подготовившегося поднять тяжелую штангу и обнаружившего, что она бумажная. Несмотря на облегчение, они чувствовали себя обманутыми, радость победы омрачалась невозможностью выместить гнев.

В огромном центральном трюме ютились почти четыре сотни мужчин и женщин всех возрастов и сословий. По большей части они выглядели как удрученные, нездоровые бедняки.

Этцвейн не терял времени на рабов. Он собрал всех кха, вместе с асутрами, под куполом рубки управления. Приковыляла срочно вызванная Кретцель. «Переведи им мои слова, — сказал Этцвейн, — и убедись в том, что меня хорошо поняли. Мы хотим вернуться на Дердейн. Все, что от них требуется — отвезти нас на родную планету. Не больше и не меньше. После возвращения никакие требования предъявляться не будут. Им сохранят жизнь и отдадут звездолет. Если они откажутся отвезти нас на Дердейн, мы их убьем без промедления и без сожаления».

Кретцель нахмурилась, пожевала губами, потом вынула свирели и стала играть.

Кха никак не реагировали. «Они что, не понимают?» — нервно спросил Этцвейн.

«Понимать-то понимают, — вздохнула переводчица. — Решение уже принято, ответ последует. Это церемониальное молчание».

Один из кха, обратившись к Кретцель, насвистел несколько фраз в Первом стиле — нарочито-разборчиво, но с некой презрительной, даже издевательской небрежностью.

Кретцель обернулась к Этцвейну: «Нас отвезут на Дердейн. Корабль вылетит сейчас же».

«Спроси: достаточно ли на борту еды и питья?»

Кретцель повиновалась и получила ответ: «Он говорит, что запасов, конечно, хватит на один рейс».

«Скажи ему еще вот что. Мы принесли в корабль торпеды. Если нас попытаются обмануть, мы взорвем себя вместе с ними».

Старуха сыграла на двойной свирели. Кха безразлично отвернулись.

В жизни Этцвейна было много моментов торжества и радости, но никогда еще он не чувствовал такого восторга, как на пути домой, возвращаясь с дождливой черной планеты Кхахей. Несмотря на усталость, он почти не спал. Не доверяя кха, он боялся их хозяев-паразитов и никак не мог поверить, что одержал окончательную победу. Среди сопровождавших его повстанцев надежным помощником он считал только Корбу и позаботился о том, чтобы он и Корба никогда не спали в одно и то же время. Для того, чтобы поддерживать в соратниках постоянную бдительность, Этцвейн предупредил их, что асутры хитроумны, злопамятны и никогда не смиряются с поражением. В глубине души, однако, он уже верил, что его злоключениям пришел конец. Опыт научил его видеть в асутрах безучастных реалистов, незнакомых с такими эмоциями, как озлобление или жажда мести. После поражения рогушкоев в Шанте асутры с легкостью могли уничтожить Гарвий, Брассеи и Масчейн разрядами лучевых орудий, но не стали тратить время. По мнению Этцвейна, все указывало на то, что он добился невозможного без помощи неизъяснимого Иффесса, и сознание этого факта придавало особый привкус его торжеству.

Этцвейн проводил много времени в рубке управления. В полете купол не позволял разглядеть ничего, кроме глухого мрака, время от времени смутно подергивавшегося чем-то вроде пенистых всплесков. Окружающие звезды изображались на панели управления маленькими черными кружками на светящемся ядовито-зеленом фоне. Три тесно расположенные черные точки, с каждым днем становившиеся крупнее и расплывавшиеся в стороны, были обведены окружностью, как мишень. Этцвейн догадывался, что таким образом обозначались Сасетта, Эзелетта и Заэль.

Условия, царившие в трюме, производили подавляющее впечатление. Прозябавшие там пленники ничего не знали и знать не хотели о чистоте, порядке и личной гигиене — трюм вонял, как огромный нужник. Этцвейн узнал, что большинст-

во рабов, очутившихся в звездолете, родились на Кхахей и выросли в трудовом лагере. В те годы, когда асутры выводили рогушкоев, чудовищные эксперименты на людях считались заурядным делом, не нарушавшим ход повседневной жизни. Асутры, каковы бы ни были их достоинства, не проявляли ни безгливости, ни жалости — Этцвейн предполагал, что эти ощущения свойственны исключительно людям. Он пытался возбудить в себе сострадание к рабам, но смрад и бедлам в трюме практически не позволяли что-нибудь сделать. По прибытии на Дердейн этому человеческому скоту суждено было провести остаток жизни в нищете и унижении. Некоторые, наверное, предпочитали даже вернуться «домой», на Кхахей.

Звездолет дрейфовал в космосе. Сверху танцевали три солнца, внизу пестрела островами облаков дымчатая, серовато-фиолетовая поверхность Дердейна. По мере того, как корабль спускался, Этцвейн начинал узнавать привычные очертания — Бельджамарский архипелаг, острова Удачи, Шант и Паласедру, Караз — огромный, раскинувшийся на полмира континент.

Этцвейн нашел реку Кебу и озеро Ниор. Когда корабль опустился еще ниже, он смог различить вершины Три-Оргая и под ними излучину реки Вуруш. С помощью Кретцель он дал понять одноглазым навигаторам, что желает приземлиться в Шахфе. Звездолет опустился на пологий склон к югу от селения. Откинулись люки-рампы. Шатаясь и спотыкаясь, ослепленные сиянием дня люди расходились по сухой каменистой земле родной планеты. Каждый нес котомку еды и столько металла, сколько мог поднять — достаточно, чтобы безбедно прожить многие годы на обделенном рудами Дердейне. Этцвейн взял тридцать стержней блестящего красноватого сплава из двигательного отсека. По его представлениям такого богатства должно было хватить с лихвой на оплату возвращения в Шант.

Подозрительный до конца, Этцвейн настоял на том, чтобы кха вышли из корабля и оставались снаружи, пока все люди не разойдутся. «Вы привезли нас на Дердейн, — сказал он им.

— Нам не нужен ваш звездолет, нам больше ничего от вас не нужно. Но что помешает вам сжечь беглецов лучами лилового огня?»

Кретцель передала ему ответ упрямо стоявших кха: «Вы нам тоже не нужны ни живые, ни мертвые. Убирайтесь из корабля!»

Этцвейн пригрозил: «Либо выходите на равнину, либо мы оторвем и раздавим ваших захребетников — похоже на то, что вы их очень цените и уважаете. Мы не для того страдали, рисковали и надеялись, чтобы сделать глупость и попасть под расстрел в последнюю минуту».

В конечном счете восемь кха согласились покинуть корабль. Этцвейн с отрядом единомышленников отвели их на полтора километра вверх по склону и там отпустили. Циклопы спокойными шагами направились обратно к звездолету. Тем временем Этцвейн и его товарищи нашли укрытие и спрятались среди скал. Как только кха взобрались по рампе и люк закрылся, бронзовый диск взмыл в воздух. Этцвейн следил за уменьшающимся блестящим блюдцем, пока оно не исчезло в слепящей сиреновой бездне неба. Только тогда какой-то тугой узел развязался у него в груди — Этцвейн поверил, что вернулся на Дердейн. Колени его подкосились, он присел на камень. Невероятная, смертельная усталость нахлынула волной, из глаз покатились горячие слезы.

Глава 11

В Шахфе прибытие толпы людей, тащивших сокровища, вызвало беспорядки и излишества. Одни перепились до бесчувствия медовухой из погреба Быббы, другие азартно торговались с кашами из клана Синих Червей, все еще рыскавшими по окрестностям. Всю ночь продолжались шумные перепалки — угрозы и проклятия перемежались пьяными рыданиями и возгласами боли. Наутро нашли не меньше дюжины трупов. Как только начало рассветать, группы земляков отправились в родные края — кто на север, кто на восток, на юг и на запад. Не попрощавшись с Этцвейном, алулы уходили к берегам озера Ниор. Руна Ивовая Прядь бросила взгляд через плечо — Этцвейн встретился с ней глазами, но так и не понял, что она хотела передать загадочным взглядом. Когда отряд кочевников исчез в пыльном зареве солончаковой пустоши, Этцвейн отыскал на постоялом дворе трактирщика Быббу.

«У меня к вам два вопроса, — сказал Этцвейн. — Во-первых, где Фабраш?»

Быбба отвечал уклончиво и неопределенно: «Кто следит за каждым бродягой? С работорговлей покончено. Старые рынки пустуют, Хозман Хриплый пропал без вести. Все разошлись, обнищали. Как Фабраш соизволит появиться, так вы его и найдете. Никогда не знаешь, куда он запропастился и когда вернется».

«Я не могу ждать, — возразил Этцвейн, — в связи с чем должен перейти ко второму вопросу. Где мой быстроходец? Я хочу, чтобы его немедленно оседлали и приготовили в дорогу».

Быбба изумленно выпучил глаза: «Ваш быстроходец? Что вы мне сказки рассказываете! Слыхом не слыхивал ни про каких ваших быстроходцев!»

«Ошибаетесь! — резко сказал Этцвейн. — Мой друг Ифнесс и я привели в ваше заведение быстроходцев и оставили их на ваше попечение. Будьте добры вернуть, по меньшей мере мне, не принадлежащее вам имущество».

Трактирщик недоуменно покачал головой и поднял глаза к небу, всем своим видом выражая целомудренное неведение: «В ваших краях, может быть, какие-то свои обычаи. У нас в Шахфе все руководствуется практическими соображениями. Дарованное добро возвращению не подлежит».

«Дарованное добро, говорите? — Этцвейн заметно помрачнел. — Видать, вы не прислушивались к тем, кто вчера вечером платил за выпивку металлом? Вам не рассказывали об отчаянных храбрецах, захвативших звездолет, чтобы вернуться на Дердейн? Вы что думаете, я потерплю мелкое воровство? Приведите быстроходца, или я вам устрою такую взбучку, что вас мать родная не узнает!»

Седовласый Быбба невозмутимо достал из-за стойки дубинку: «Взбучку, значит, устраивать вознамерился? Я тебя проучу, птенец желторотый! Не таких еще колачивал на своем веку! Вон из трактира и проваливай из Шахфе!»

Этцвейн извлек из поясной сумки небольшой лучевой пистолет, давным-давно полученный от Ифнесса — на Кхахеи никто не отобрал у него это оружие, хотя случая воспользоваться им так и не представилось. Направив разрядник на окованный железом кассовый сундук трактирщика, Этцвейн прикоснулся к спусковой кнопке. Вспышка, взрыв, крик ужаса! Оцепеневший Быбба уставился на большое пятно почерневшей, обожженной глины — туда, где в углу только что стоял сундук, полный наторгованного металла. Этцвейн протянул руку, отнял у трактирщика дубинку и огрел его по спине: «Быстроходца, живо!»

Оплывшее лицо Быббы заострилось от злобы и страха: «Ты уже лишил меня всего накопленного многолетним трудом! А теперь хочешь отнять последнее?»

«Никогда не обманывай честного человека! — заявил Этцвейн. — Такой же вор, как ты, посочувствовал бы твоей потере. Мне до нее нет дела. Верни мое имущество!»

Сдавленным, дрожащим от ярости голосом Быбба приказал вертевшемуся поблизости пареньку-службе привести оседланного быстроходца. Тем временем Этцвейн вышел на задний двор, где обнаружил сидевшую на скамье старуху Кретцель. «Что ты тут делаешь? — спросил Этцвейн. — Я думал, ты уже на пути к Эльшукайским прудам!»

«Путь далек, — прошепелявила старуха, натягивая на плечи рваную накидку. — Я припрятала кусочек-другой металла, на пропитание хватит до поры до времени. Кончится металл — потащусь на юг. Только я не дойду. Не придется мне повидать зеленые луга за чистыми прудами. А если даже дойду, кто вспомнит девчонку, украденную Мольском?»

«А Великая Песнь? Кто в Шахфе поймет, о чем ты играешь на своих свирелях?»

Кретцель пригнулась, чтобы солнечные лучи падали на костлявые плечи: «Великая Песнь! История далекого мира. Наверное, забуду я ее. А может быть и нет. Как-нибудь посижу на солнышке, согреюсь... да сыграю на свирели про славные дела минувших дней — и ни одна душа не разберет, чего это я играю? Хе-хе».

Привели быстроходца — тщедушное животное, ничем не напоминавшее статного породистого вола, на котором Этцвейн приехал в Шахфе. Изношенная сбруя и потертое седло тоже не радовали глаз. Этцвейн указал на эти очевидные недостатки, и паренек принес ему в качестве возмещения пару мешков муки и мех с медовухой.

Этцвейн заметил знакомое лицо — поодаль у стены кабака стоял Гульше, хмуро и внимательно наблюдавший за приготовлениями в дорогу. «Сорух послужил бы хорошим проводником, — подумал Этцвейн, — но как только я засну, он препроводит меня на тот свет». Такая перспектива заставила Этцвейна невольно вздрогнуть. Он попрощался с Гульше галантным взмахом руки и вскочил в седло. Несколько секунд он сидел и смотрел вниз, на Кретцель. Сколько драгоценных познаний хранила ее дряхлая голова! Он никогда ее больше

не увидит, а вместе с Кретцель умрет история целого мира... Старуха подняла глаза, их взгляды встретились. Этцвейн отвернулся, чтобы скрыть накатившиеся слезы жалости. Так он уезжал из Шахфе — в спину ему смотрели разбойник Гульше и переводчица Кретцель, один с упрямой ненавистью, другая с прощальным сожалением.

Через четыре дня быстроходец взобрался на выступающий из равнины гребень песчаника, и Этцвейн увидел внизу струящееся полотно Кебы. Шиллинск, по его приблизительным расчетам, находился где-то южнее, так как он потерял дорогу, пересекая равнину Лазурных Цветов. И действительно, километрах в восьми выше по течению Этцвейн заметил выступающий из-за мыса портовый причал Шиллинска. Подбодрив быстроходца стремянами, он спустился по склону и повернул на юг.

Постоялый двор в Шиллинске не изменился с тех пор, как он его покинул. У причала не было ни грузовых судов, ни барж, но Этцвейн не слишком торопился — в Шиллинске было тихо и спокойно, а он ничего так не хотел, как покоя и тишины.

Когда Этцвейн вошел в трактир, хозяин наводил лоск на свою стойку мешочком трепела и маслянистым лоскутком чумповой кожи. Он не узнал Этцвейна, и Этцвейн этому не удивился. В лохмотьях кхахейского раба он ничем не напоминал нарядного щеголя, приехавшего с Ифнессом в Шиллинск.

«Вы меня, наверное, не помните, — обратился к трактирщику Этцвейн. — Несколько месяцев тому назад я наведывался сюда с кудесником Ифнессом на волшебной лодке. Если не ошибаюсь, вам тогда пришлось пережить неприятный инцидент».

Хозяин поморщился: «Не стоит об этом напоминать. С кудесником Ифнессом шутки плохи. Кстати, когда он заберет свою лодку? Она все еще у причала».

Этцвейн широко открыл глаза: «Ифнесс не уехал на лодке?»

«Дверь открыта, смотрите сами — лодка там, где вы ее оставили», — подтвердил хромой трактирщик и с достоинством

добавил: «В целости и сохранности, согласно полученным указаниям».

«Превосходно!» — Этцвейн был чрезвычайно доволен. В свое время он внимательно наблюдал за тем, как Ифнесс пользовался приборами управления, и представлял себе, как взойти на борт, не опасаясь удара электрическим током. Он указал на двор: «На привязи стоит быстроходец. Будьте добры, примите его в качестве вознаграждения за труды, вместе с седлом. Мне нужно только перекусить и переночевать. Завтра я отправлюсь дальше в лодке».

«Вы вернете ее Ифнессу?»

«По правде говоря, не имею ни малейшего представления о том, что с ним случилось. Он должен был давным-давно вернуться в Шиллинск и отплыть вниз по течению. Не знаю, жив ли он... Если Ифнесс все же здесь появится и спросит обо мне или о лодке, он будет знать, где меня найти».

Кудесник или нет, Ифнесс был человеком, а значит мог погибнуть. Между Шахфе и Шиллинском путника подстерегали сотни опасностей — чумпы, шайки обезумевших от голода ахульфов, разбойничьи банды, охотники за рабами... Следовало ли отправиться на поиски Ифнесса? Этцвейн глубоко вздохнул. Караз необъятен — зачем пускаться в заведомо безнадежное предприятие?

Хозяин постоялого двора приготовил сытный ужин: фаршированную речную рыбу под терпким зеленым соусом. Отдохнув, Этцвейн вышел к причалу посмотреть на реку в темнеющих лиловых сумерках. Шант и Гарвий были гораздо ближе, чем он надеялся.

Утром он подплыл к лодке на ялике и осторожно нажал на кнопку выключателя системы электрозащиты сухим концом деревянного весла, после чего, еще осторожнее, положил палец на планшир. Ни разрядов, ни фонтанов голубых искр, заставивших трактирщика плюхнуться в реку, не последовало.

Этцвейн привязал ялик к швартову и отчалил. Течение подхватило лодку, поплывшую на север и медленно отдаляющуюся от берега. Этцвейн поднял парус — Шиллинск скоро превратился в горстку игрушечных домиков на призрачно-солнечном берегу.

Настало время решающего эксперимента. Этцвейн поднял крышку пульта управления и внимательно рассмотрел правильные ряды кнопок и круглых ручек. Напрягая память, он слегка повернул ручку, обозначенную крохотной непонятной надписью «Ascensor». Лодка тихо взмыла в воздух, но ее сразу стало относить ветром к крутому берегу. Этцвейн поспешно опустил парус — день выдался спокойный, и столкновения удалось избежать.

Покрутив другие ручки, он быстро разобрался в их назначении. Описав широкую дугу, воздушная ладья полетела на восток, к Шанту.

Под килем проплывали сизые равнины и темно-зеленые болота. Впереди серебрилась река Бобол, за ней — полноводный Юсак.

Ночью Этцвейн достиг восточного побережья Караза — под ним шумел прибой Зеленого океана. На самом берегу мерцали редкие желтые огни какого-то селения. Впереди, в спокойных черных водах, радужными блестками отражались звезды.

Этцвейн сбавил скорость и заснул. Когда он открыл глаза, на юго-востоке в рассветных сумерках уже темнела земля Шанта.

Этцвейн пролетел высоко над кантонами Гитанеск и Фенеск и начал спускаться, когда показалось озеро Суалле. Уже можно было различить башни Гарвия — горсть сверкающих самоцветов. Берега сходились, вдали показались рыбацкие мачты. Этцвейн опустил лодку на воду, поднял парус и, пользуясь попутным ветром, устремился к столице, оставляя за кормой бурлящие струи.

Ветер, однако, скоро стих — лодка тихо скользила по почти зеркальному озеру. Разомлевший в полуденных лучах Этцвейн не видел нужды торопиться, ему даже претила мысль о том, что в какой-то момент придется привязать лодку к пристани и выйти на берег. «В эту минуту наступит конец моим приключениям», — думал он, охваченный странной грустью. Сколько бед он пережил, сколько дней провел в черной тос-

ке! Но он взял от жизни все, что мог, невероятно расширив кругозор и обогатив представления.

Лодка плыла по безмятежным водам, и башни Гарвия уже высились, как гордые часовые в праздничных регалиях. Берег встречал Этцвейна знакомой картиной — среди хмурых портовых зданий и складов он узнал ветхий крытый причал, где Ифнесс прятал свою лодку. Этцвейн круто повернул румпель — вода слегка забурлила. Этцвейн опустил парус, и лодка нежно прикоснулась к причалу.

Крепко привязав швартовы, Этцвейн поднялся по тропе на дорогу и остановил проезжавший дилижанс. Кучер поглядывал на него с подозрением: «Чего тебе? Милостыни от меня не дождешься, сам побираюсь. Дальше, по дороге в город, странноприимный дом — туда и обращайся».

«Я не прошу милостыни, мне нужно в город, — отвечал Этцвейн, забираясь в дилижанс. — Отвезите меня в гостиницу «Фонтеней» на проспекте Галиаса».

«Как насчет оплаты?»

«С собой у меня денег нет, но когда мы приедем в гостиницу, вам заплатят — даю вам слово».

Дилижанс тронулся. Этцвейн пересел поближе к козлам: «Что делается в Гарвии в последнее время? Меня не было в городе несколько месяцев».

«Ничего особенного. Обе палаты, и Зеленая, и Пурпурная, взяли и обложили всех налогами. У них теперь, видите ли, грандиозные планы почище тех, что при Аноме... Без ошейника оно приятнее, конечно, хотя в нашем деле и простудиться недолго — но патриции и кантональные власти хотят, чтобы я за свободу платил. Спрашивается, что лучше: дешевое послушание или разорительная независимость?»

Начинало темнеть. Дилижанс катился по вечерним улицам, казавшимся узкими и причудливо-старомодными, до боли знакомыми и в то же время чужими, неприветливыми. На Кхахей Гарвий был туманной мечтой — но стеклянный город, вопреки всему, существовал. Здесь, в Гарвии, планета кха представлялась кошмарной абстракцией — но она, тем не менее, существовала. Где-то еще, в пучине космоса, должен был существовать мир, населенный людьми из черных ша-

ров-звездолетов. Но Этцвейн чувствовал, что убедиться своими глазами в реальности этого отдельного существования ему уже не придется.

Дилижанс остановился перед гостиницей «Фонтеней». Кучер вызывающе смерил Этцвейна глазами: «А теперь будьте добры заплатить».

«Одну минуту!» — Этцвейн зашел в таверну. Владелец заведения расположился за столом, строго, но с одобрением посасывая вино из собственного погреба. Нахмурившись, хозяин воззрился на представшее перед ним привидение в грязных лохмотьях, но быстро узнал Этцвейна. Последовал изумленный возглас: «Надо же! Гастель Этцвейн нарядился нищим! У нас сегодня карнавал?»

«Карнавал не предвидится — я вернулся из поездки, полной неожиданных приключений. Сделайте одолжение, заплатите докучливому кучеру. Кроме того, я срочно нуждаюсь в комнате, ванной, цирюльнике и чистой одежде. Хорошо пообедать тоже не помешает».

«С величайшим удовольствием предоставляю вам все, что пожелаете!» Хозяин щелкнул пальцами: «Эй, Джаред! У нас остановится Гастель Этцвейн — позаботься!» Снова повернувшись к Этцвейну, он спросил заговорщическим тоном: «Угадайте, кто у нас сегодня играет? Придет через полчаса!»

«Друидийн Дайстар?»

«Увы! Нет, не Дайстар. Фролитц и его «Розово-черно-лазурно-глубокозеленая банда!»»

«Рад слышать! — от всего сердца сказал Этцвейн. — Именно Фролитца мне больше всего хотелось повидать».

«Ну так что же, устраивайтесь поудобнее. Чует мое сердце, вечер удастся на славу!»

Этцвейн мылся с остервенением — впервые с тех пор, как он отправился в порт из гостиницы «Фонтеней», ему пришлось погрузиться в горячую ванну. Принесли свежее белье и новый костюм. Цирюльник подстриг и побрил его. Что делать с вонючими лохмотьями? Этцвейн хотел было сохранить их как сувенир, но, поразмыслив, выкинул тряпье в мусорный ящик.

Спустившись в зал таверны, он обнаружил Фролитца, оживленно беседовавшего с хозяином гостиницы. Увидев Этцвейна, старый музыкант вскочил и обнял его: «Вернулся, негодник! Где ты пропадал столько времени? Говорят, искал приключений и нашел по заслугам? Вечно тебе не терпится мутить воду где-нибудь у черта на рогах! А теперь, смотри-ка — возмужал и... как бы это сказать? Полон таинственных истин! Какую музыку ты играл и кому?»

Этцвейн рассмеялся: «Я выучил двадцать первых напевов Великой Песни — а всего их четырнадцать тысяч!»

«Ну-ну! Лиха беда начало! Мне пришлось нанять другого хитаниста, смышленного парня из кантона Язычников, но ему не хватает беглости. Не думаю, что он когда-нибудь научится по-настоящему играть. Если ты вернешься на старое место, Чаддо возьмет кулисный контрабас. Как по-твоему?»

«Во-первых, сегодня я не смогу играть — если я заиграю, вы своим ушам не поверите! Во-вторых, я проголодался, как зверь. В Каразе я питался одной зерновой кашей. В-третьих... в-третьих ничего. Будущее зияет пустотой».

«Посторонние интересы вечно отвлекают тебя от музыки! — назидательно произнес обиженный Фролитц. — Полагаю, ты явился сюда не играть, а судачить со своим компаньоном — не помню, как его зовут. Я его частенько вижу последнее время... Помяни черта! Вот он идет собственной персоной — как всегда, к дальнему столику в углу. Советую тебе игнорировать этого типа».

«Непременно последую вашему совету, — пообещал Этцвейн, не в силах скрыть напряжение в голосе. — Тем не менее, я должен перемолвиться парой слов с Ифнессом и присоединюсь к вам позднее».

Лавируя между столами, Этцвейн направился к нише стеклянной стены слева от входа в таверну и встал напротив землянина: «Никак не думал, что встречу вас здесь».

Ифнесс Иллинет вопросительно поднял спокойные серые глаза и коротко кивнул: «А, Этцвейн! Вы меня застали в неудобный момент. Я спешу. Быстро пообедаю и сразу уеду».

Этцвейн опустился на стул и долго всматривался в строгое лицо историка, будто пытаясь высосать глазами тайны,

хранившиеся под копной белых волос: «Ифнесс, один из нас сошел с ума. Вы или я?»

Землянин раздраженно отмахнулся: «По существу это не имеет значения. В любом случае наши мнения одинаково разойдутся. Но, как я уже сказал...»

Этцвейн не слушал его: «Вы помните обстоятельства, в которых мы расстались?»

Ифнесс нахмурился: «Почему бы я их забыл? События имели место в северной части центрального Караза — не могу точно сказать, на какой день после нашего прибытия. Насколько я понимаю, вы занялись космическим пиратством, чтобы заслужить расположение девицы из варварского племени — или что-то в этом роде. Кажется, я предупредил вас об опасности такой авантюры».

«В общем и в целом так оно и было. При этом вы обещали организовать спасательную экспедицию».

Официант поставил перед историком супницу. Приподняв крышку, Ифнесс Иллинет понюхал содержимое, помешал его половником и наполнил тарелку горячим зеленоватым супом из моллюсков и душистых водорослей, после чего слегка нахмурился и вернулся к разговору, заметив отвлеченным тоном: «Так о чем же мы? Да, об обстоятельствах... К числу обстоятельств относились кочевники-алулы и некто Хозман Хриплый. Руководствуясь галантными побуждениями, вы изъявили желание захватить космический челнок неизвестной конструкции и освободить красотку, пленившую ваше воображение. Я выразил свое мнение, посоветовав вам отказаться от непрактичного, по сути дела самоубийственного плана. Рад видеть, что вы последовали моему совету».

«Я запомнил происходившее несколько иным образом, — возразил Этцвейн. — Я предложил захватить челнок. Вы заметили, что такое приобретение заинтересовало бы земных специалистов, и что спасательный корабль сможет прибыть через две-три недели».

«Совершенно верно. Я затронул этот вопрос в разговоре с Дасконеттой. С его точки зрения подготовка подобных операций выходила за рамки полномочий, возложенных на него Институтом, и на этом обсуждение закончилось». Историк

попробовал суп и посыпал его щепоткой тертого сухого перца: «Так или иначе, конечный результат оказался не менее удовлетворительным, и вам больше не о чем беспокоиться».

Этцвейн с трудом сдерживал нараставший гнев: «Каким образом результат «оказался не менее удовлетворительным», если асутры погрузили нас, вместе с рабами, в звездолет и увезли на далекую планету?»

«Я выразился в самом широком смысле, — отвечал Ифнесс. — Меня самого работа завела в области, весьма далекие от первоначальных интересов». Историк взглянул на наручный хронометр: «У меня есть еще несколько минут. Асутры, привезенные мною с Дердейна, а также другие особи, были внимательно изучены. Если вас это интересует, могу поделиться результатами исследований».

Этцвейн откинулся на спинку стула: «Что ж, расскажите об асурах».

Ифнесс неторопливо поглощал суп, аккуратно набирая ложку за ложкой: «Имейте в виду, что мои выводы лишь отчасти основаны на точных данных, полученных в ходе наблюдений и общения с подопытными экземплярами. Другими словами, рассматривайте их как наиболее вероятную гипотезу. Асутры — очень древняя раса, их история намного продолжительнее человеческой. Мы знаем, что эти паразиты — потомки более примитивных болотных членистоногих, по-видимому, тоже паразитировавших на других организмах. Асутры накапливают информацию в кристаллах, расположенных в брюшной полости. Эти кристаллы растут по мере роста асур. Крупное брюшко означает, что асура обладает существенными познаниями. Чем крупнее брюшко, тем выше ранг отдельной особи. Асутры способны общаться с помощью нервных радиочастотных импульсов, то есть телепатически. Группа особей, располагающих специализированной информацией, способна решать сложнейшие интеллектуальные задачи.

Общеизвестно, что мыслительные способности развиваются на протяжении периодов постоянного и продолжительного ухудшения условий обитания. Асутры производят и всегда производили невероятно многочисленное потомство —

одна взрослая особь способна вынашивать около миллиона мальков. Каждый малек относится к одному из двух возможных типов, по-разному движущихся в воде. Для формирования жизнеспособного потомства необходимо соединение двух мальков разных типов. На ранней стадии развития асутры перенаселили болота. Количество паразитов значительно превысило количество доступных симбионтов, возникла жесткая конкуренция. Соревнование постепенно привело к одомашниванию симбионтов, к постройке своего рода загонов и яслей, а также к искусственному сдерживанию роста популяции самих паразитов.

Важно понимать, что асутры динамичны, что их побуждает к действию мощный психический стимул — почти сексуальное стремление обладать и управлять здоровым, способным к выполнению разнообразных функций симбионтом. Внутренняя необходимость паразитизма играет в асутрах фундаментальную роль, подобно стремлению растений поворачиваться навстречу солнечным лучам или стремлению человека искать съестное, когда он голоден. Только учитывая эту страсть к преобладанию над другим организмом, можно прийти к какому-то отдаленному пониманию деятельности разумных паразитов. Следует отметить, что многие, если не все теории, первоначально выдвинутые нами в отношении асутр, оказались наивными и ошибочными. Рад возможности заявить, что мои исследования пролили свет на истинное положение вещей.

Завидное умственное развитие асутр, их способность к быстрому накоплению информации и, помимо прочего, врожденная предрасположенность к хищническому образу жизни сделали их историю сложным и драматичным процессом. Они пережили множество эпохальных перемен. Когда-то, очень давно, в их популяции преобладало стремление к созданию искусственных сред — химическому синтезу питательных веществ, электрическому возбуждению и удовлетворению стимулов, разработке воображаемых, полностью абстрактных отраслей знания. Наступил период апатии, когда асутры плавали в морях питательной взвеси, выделенной биомеханизмами. В другую эпоху асутры выводили оптималь-

ных симбионтов, но раса генетических инженеров была захвачена и по большей части уничтожена более примитивными, но более активными асутрами-варварами, выходцами из первородных болот. Но цивилизация паразитов-варваров оказалась мертворожденной — они практически вымерли, а выжившие гибридные потомки обеих рас занялись межпланетными исследованиями.

На планете Кхахей они обнаружили среду обитания, почти идентичную их собственной, причем кха оказались совместимыми симбионтами. Асутры установили контроль над Кхахей, и с течением веков этот мир стал их второй отчизной.

Тем не менее, на Кхахей асутры столкнулись с совершенно неожиданным и неблагоприятным для них обстоятельством. Мало-помалу кха приспособились к асутрам, и роли хозяина-паразита и носителя-симбионта начали меняться. Вместо того, чтобы оставаться преобладающим участником пары «хозяин-носитель», паразит стал постепенно переходить в подчиненное положение. Кха стали использовать паразитов в неподобающих, оскорбительных с точки зрения хозяев целях — например, в качестве узлов управления горнодобывающими машинами, обрабатывающими механизмами, транспортными средствами и так далее. В других случаях кха применяли матрицы соединенных разумных насекомых как вычислительные и справочно-информационные устройства. По существу именно кха, а не асутры, расширяли круг своих возможностей за счет асутр, а не наоборот. С точки зрения паразитов такое положение вещей было неприемлемо. Началась война, и асутры, оставшиеся на Кхахей, были поработаны. С тех пор хозяевами стали кха, а слугами — их симбионты-насекомые.

Асутры, изгнанные с планеты кха, остро нуждались в новых подчиненных симбионтах. Они прибыли на Дердейн. Люди, населявшие эту планету, оказались не менее способными, надежными и производительными носителями, чем кха, и в то же время отличались большей управляемостью, не оказывая существенного сопротивления. Климат Дердейна, однако, слишком засушлив для водолюбивых паразитов. На протяжении двух или трех столетий асутры перевозили десятки

тысяч людей на свою первую родную планету, «вживляя» их в чуждые человеку структуры существования. Но они не забывали о Кхахей, манившей их идиллическими моховыми лугами и восхитительными трясиными. Паразиты развязали очередную войну, поставив своей целью полное уничтожение кха и используя людей в качестве пушечного мяса.

Кха никогда не были многочисленны и понимали, что длительная война на истощение рано или поздно привела бы к их полному вымиранию. Необходимо было каким-то образом отразить угрозу, найти средство против атакующей человеческой массы. В качестве эксперимента кха изобрели рогушкоев и высадили их на Дердейне, надеясь подорвать ресурсы паразитов, уничтожив рассадник их рабов. Как известно, эксперимент провалился. Естественно, кха пришлось в голову применять людей как бойцов в войне с асутрами, но и в этом им не сопутствовала удача — их полки обученных воинов-рабов восставали и отказывались драться».

Этцвейн потребовал разъяснений: «Каким образом вы все это узнали?»

Ифнесс ответил безразличным жестом. Он уже покончил с супом и теперь поглощал мясное ассорти с пикулями: «Я воспользовался возможностями Исторического института. Между прочим, Дасконетта проиграл — мне удалось преодолеть его педантичную непреклонность и представить вопрос на рассмотрение Координационного совета, где мои взгляды получили поддержку энергичного большинства. Миры Ойкумены не могут допустить порабощения людей инопланетными расами — таков основополагающий принцип земной политики. Я сопровождал флотилию исправительного назначения в номинальной должности советника главнокомандующего, но фактически руководил экспедицией.

По прибытии на Кхахей мы обнаружили, что обе стороны, кха и осаждающие их асутры, истощены и разочарованы бесконечной войной. Появление в уравнении сил третьей, неизвестной и опасной составляющей оказалось последней каплей, переполнившей чашу терпения. В северных широтах нам удалось прервать сражение звездолетов и принудить противников к прекращению военных действий — трудное, но спра-

ведливое решение. От кха мы потребовали сдачи всех паразитов и немедленной репатриации всех захваченных в рабство людей. Асутры прекратили попытки повторного захвата Кхахеи и тоже согласились вернуть всех симбионтов-людей на Дердейн. Таким образом было найдено элегантное, простое решение чрезвычайно сложной проблемы — решение, доступное пониманию всех вовлеченных сторон. Такова, вкратце, ситуация на данный момент». Ифнесс поднес к губам чашку чая из вербены.

Этцвейн сгорбился на стуле. Он вспоминал серебристо-белые звездолеты, отогнавшие бронзовые диски кха от черных сферических кораблей, принадлежавших, оказывается, рабам паразитов из другого мира. С горькой насмешкой над собой он вспоминал объяснившиеся, наконец, оцепенение и беззащитность лагеря кха, иллюзорную легкость победы. Звездолет, захваченный повстанцами с мрачной решимостью борцов за правое дело, готовых погибнуть, но отомстить врагу — звездолет этот на самом деле прибыл, чтобы отвезти их обратно на Дердейн! Неудивительно, что кха практически не сопротивлялись!

Ифнесс Иллинет произнес тоном вежливо озабоченного врача: «Вы, кажется, огорчены. Мой отчет чем-то вас обидел или разочаровал?»

«Нет, конечно нет! — вздохнул Этцвейн. — Как вы изволили заметить, достоверная информация уничтожает массу заблуждений».

«Теперь вы понимаете, что я был поглощен важными приготовлениями и не мог посвятить достаточное время освобождению алулов. Надо полагать, они снова мирно кочуют по берегам Вуруша». Ифнесс взглянул на хронометр: «А вы чем занимались после того, как наши пути разошлись?»

«Мои приключения, пожалуй, несущественны, — сказал Этцвейн. — Претерпев некоторые лишения, я вернулся в Шиллинск. Кстати, ваша летающая лодка снова в Гарвийском порту».

«Очень любезно с вашей стороны. Дасконетта послал за мной в Шиллинск космобиль, и я, разумеется, воспользовался случаем сэкономить время». Ифнесс снова посмотрел

на хронометр: «Вы должны меня извинить, мне пора. Наше сотрудничество продолжалось много лет, но я сомневаюсь, что мы когда-либо встретимся еще раз. Я покидаю Дердейн и не намерен возвращаться».

Этцвейн печально откинулся на спинку стула и ничего не сказал. Он думал о далеких мирах, о полноводных реках и кочующих племенах. Он вспоминал ужас, царивший на борту транспортного звездолета, и смерть богатыря Каразана, он видел черный бархат моховых лугов и лилово-черную трясину Кхахей, слышал голоса Половица и Кретцель... Ифнесс уже поднялся. Этцвейн задержал его: «В Шахфе осталась старая женщина по имени Кретцель. Она помнит четырнадцать тысяч напевов Великой Песни кха. Ее знания умрут вместе с ней».

«Вы правы, — нахмурился Ифнесс. — Я сообщу в лингвистический отдел, и с Кретцель проведут интервью — не сомневаюсь, что на выгодных для нее условиях. А теперь...»

Этцвейн выпалил: «Вам нужен помощник, связной?» Он не собирался ничего такого говорить — слова вырвались сами собой.

Улыбнувшись, Ифнесс покачал головой: «Я не могу назначать знакомых на должности. Это было бы непрактично. Гастель Этцвейн — прощайте!» Землянин вышел из гостиницы.

Одиноким и молчаливым Этцвейн просидел за столом минут пятнадцать, потом поднялся и подсел к другому столу около сцены. У него пропал аппетит, но он заказал бутылку крепкого вина. До его сознания дошло, что рядом играет музыка — Фролитц и «Розово-черно-лазурно-глубокозеленая банда» исполняли приятную, слегка печальную пьесу на мотив, заимствованный у горцев кантона Лор-Асфен.

Фролитц подошел к столу Этцвейна и положил руку ему на плечо: «Он уехал — ну и ладно. Чужестранец оказывал на тебя губительное влияние, ты даже о музыке позабыл. Теперь его нет, и все вернется на круги своя. Пошли, сыграешь на хитане!»

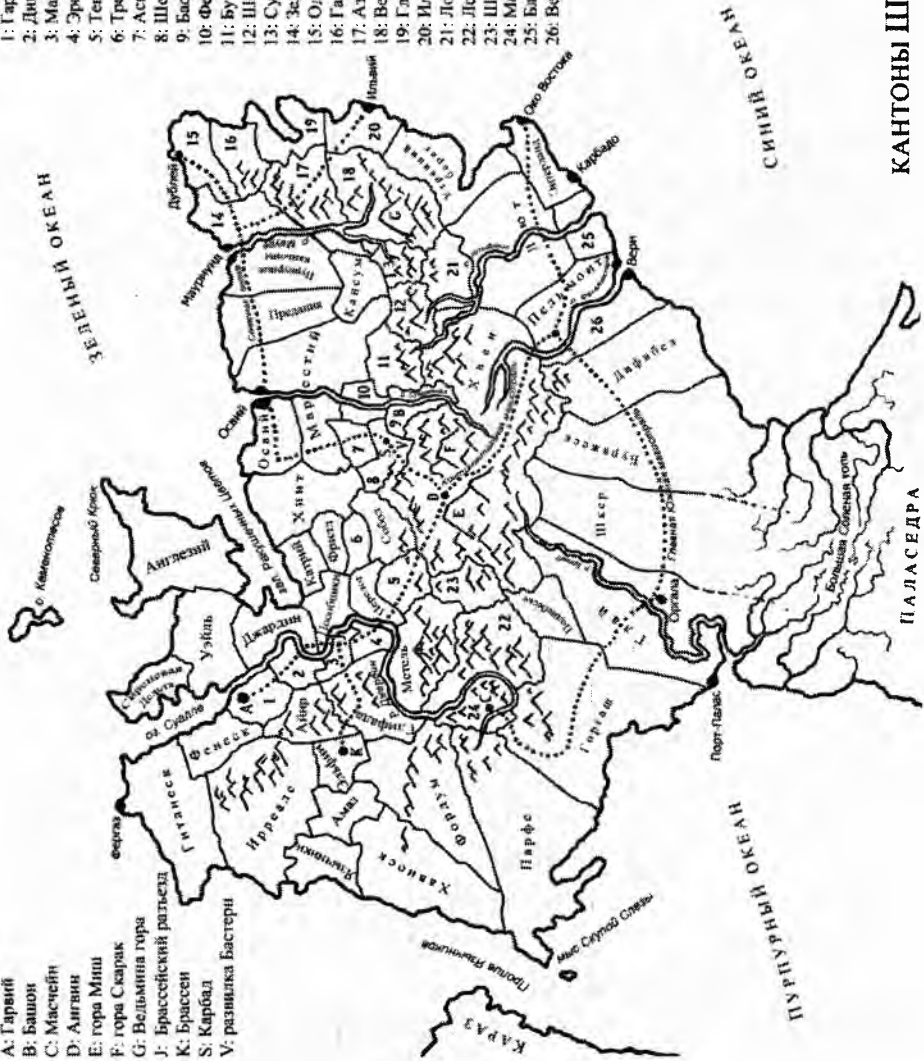
Этцвейн смотрел на дно бокала с прохладным вином, изучая отблески разноцветных огней: «Его нет, но сегодня играть я не могу — душа не лежит».

«Душа? — фыркнул Фролитц. — Кому нужна душа, как бы она ни лежала? Играют руками и головой, а заиграешь — мигом развеселишься».

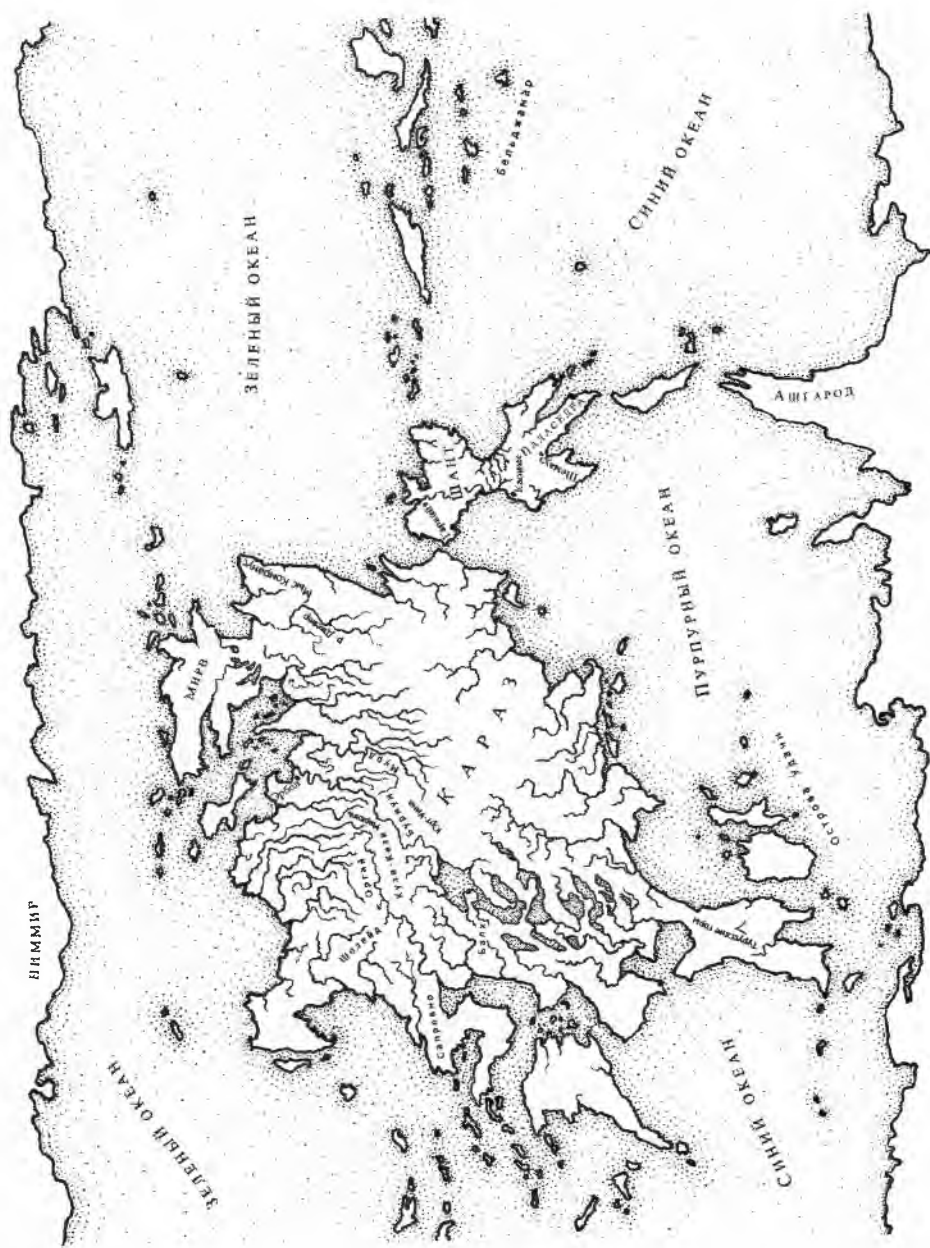
«Так-то оно так. Но пальцы мои огрубели, забыли инструмент. Не хочу позориться. Сегодня посижу, послушаю, выпью пару бокалов вина, а завтра посмотрим». Этцвейн не отводил глаз от входной двери, хотя прекрасно знал, что Иф-несс никогда не вернется.

А: Гарний
В: Башон
С: Масейн
D: Ангвин
Е: гора Миш
F: гора Схарак
G: Вельмина гора
J: Брассейский ридж
K: Брассен
S: Карбал
V: развилка Бастери

1: Гарний
2: Дюла Роа
3: Мавс
4: Эрсван
5: Тейей
6: Трестеван
7: Аксатон
8: Шемюс
9: Бастери
10: Феррий
11: Булоран
12: Шкорий
13: Суррум
14: Зеленые Утесы
15: Одинокый Мыс
16: Гальваанд
17: Азум
18: Вельмина Гора
19: Гаирис
20: Иланый
21: Лор-Асфен
22: Лор-Аулуз
23: Шаллоран
24: Массеах
25: Банк
26: Верн

КАНТОНЫ ШАНТА

4203756R00118

Printed in Germany
by Amazon Distribution
GmbH, Leipzig

Гениальный американский писатель, не только богатством языка и воображения, но и глубиной понимания человеческой природы превосходящий большинство современных авторов, Джек (Джон Холбрук) Вэнс родился 28 августа 1916 года в Сан-Франциско. Вэнс провел детство на скотоводческой ферме, рано оставил учебу в школе и несколько лет работал на строительстве, посыльным при отеле, на консервной фабрике и на дноуглубительном снаряде, после чего поступил в Университет штата Калифорния в Беркли, где получил диплом горного инженера, а также изучал физику, журналистику и английский язык; некоторое время он работал электриком в доках ВМФ США в Перл-Харборе на Гавайях (откуда вернулся в Сан-Франциско, чтобы учить японский язык, за два дня до нападения японцев).

На корабле американского торгового флота Вэнс написал свой первый рассказ. Мало-помалу его рассказы и повести начали издавать в журналах, но за них платили так мало, что Вэнсу приходилось несколько лет зарабатывать на жизнь плотницким ремеслом. В 1946 г. Вэнс встретил Норму Ингольд и женился на ней. В 1950-х годах они много путешествовали по Европе, а в 1960-х провели несколько месяцев на Таити, но главным образом жили в Окленде, в Калифорнии. Вэнс стал постоянно зарабатывать писательским трудом в конце 1940-х гг. Помимо множества известных книг и рассказов, написанных в свойственном только ему стиле сочетания детективно-приключенческой фантастики и социальной сатиры, Вэнс опубликовал ряд чисто детективных повестей, а также знаменитую трилогию «Лионесс» — мастерский образец жанра «фэнтези». К старости Вэнс ослеп, но до последнего времени продолжал писать с помощью специализированной компьютерной системы. Джек Вэнс жил в небольшом старом доме на крутом склоне, в калифорнийских холмах Окленда.

ISBN 9781499300949

9 781499 300949

90000 >

